3 1761 06635547 0

СОЧИНЕНІЯ ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ 7.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

235
1021
1657

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

Lazechnikov, Ivan Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

v. 7.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

494865
25.7.99

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1899

Дозволено цензурою. Спб., 5-го августа 1899 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СМОТРЪ

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Пушкинъ.

Поникъ задумчивой главой.
Пора весны его, съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече....

Онъ-же.

Боже мой! Что за шумъ, что за веселье на дворѣ у кабинетъ-министра и оберъ-егермейстера Волынскаго? Бывало, при блаженной памяти Петрѣ Великомъ не сдѣлали-бы такого вопроса, потому-что веселье не считалось диковинкой. Грозенъ былъ царь только для порока, да и то зло долго не помнилъ. Тогда при дворѣ и въ народѣ тѣшились безъ оглядки. А нынѣ, хоть мы только и въ четвертомъ днѣ святокъ (замѣтьте 1739 года), нынѣ весь Петербургъ молчитъ тишиною келіи, гдѣ осужденный на затворничество

читаетъ и молитвы свои шепотомъ. Послѣ того, какъ не спросить, что за разгулье въ одномъ домѣ Волынскаго?

Только-что умолкли языки въ колоколахъ, возвѣстившіе конецъ обѣдни, всѣ богомольцы, по одиночкѣ, много по-двое, идутъ домой, молча, поникнувъ головою. Разговаривать на улицахъ не смѣютъ: сейчасъ налетитъ подслушникъ, переведетъ бесѣду по-своему, прибавитъ, убавитъ, и, того гляди, собесѣдники отправляются въ полицію, оттуда и подалѣе — соболей ловить или въ школу заплечнаго мастера. Вотъ, сказали мы, идетъ народъ домой изъ церквей, грустный, скучный, какъ съ похоронъ, а въ одномъ углу Петербурга тѣшатся себѣ на распашку и шумятъ до того, что въ ушахъ трещитъ. Вскипаетъ и переливается пестрая толпа на дворѣ. Какихъ одеждъ и нарѣчій тутъ нѣтъ! Конечно, всѣ народы, обитающіе въ Россіи, прислали сюда по четѣ своихъ представителей. Чу! да вотъ и бѣлорусецъ усердно надуваетъ волынку, жидъ смычкомъ разогрѣваетъ цимбалы, казакъ пощипываетъ кобзу; вотъ и пляшутъ, и поютъ, несмотря, что морозъ захватываетъ дыханіе и костенитъ пальцы. Ужасный медвѣдь, ходя на привязи кругомъ столба и роя снѣгъ отъ досады, ревомъ своимъ вторитъ музыкантамъ. Настоящій шабашъ сатаны!

Православные, идущіе мимо этой бѣсовской потѣхи, плюньте и перекреститесь! Но мы, грѣшные, войдемъ на дворъ къ Волынскому, продеремся сквозь толпу и узнаемъ въ самомъ домѣ причину такого разгульнаго смѣшенія языковъ.

«Мордвы! чухонцы! татары! камчадалы! и такъ далѣе...» выкликаетъ изъ толпы по четѣ представителей

народныхъ великій-превеликій, или, лучше сказать, превысокій кто-то. Этотъ кто-то, котораго за ростъ можно-бы показывать на масляницѣ въ балаганѣ, гайдукъ его превосходительства. Онъ помѣстился въ сѣняхъ, танцуя невольно подъ щипокъ мороза и частенько надувая себѣ въ пальцы пѣсню проклятія всѣмъ барскимъ затѣямъ. Голосъ великана подобенъ звуку морской трубы; на зовъ его съ трепетомъ является, по порядку, требуемая чета. Долой съ нея овчинные тулупы, и національность показывается во всей красотѣ своей. Тутъ, неслишкомъ учтиво, оттираетъ онъ сукномъ рукава своего иному, или иной, побѣлѣвшую отъ мороза щеку или носъ, и, отряхнувъ каждаго, сдаетъ двумъ скороходамъ. Эти ожидаютъ своихъ жертвъ на первой ступени лѣстницы, приставивъ серебряныя булавы свои къ каменнымъ, узорочнымъ периламъ. Легкіе, какъ Меркуріи, они подхватываютъ чету и съ нею-то мчатся вверхъ по лѣстницѣ, такъ что едва можно успѣть за красивымъ панашемъ, вѣющимъ на ихъ головѣ, и за лоснящимся отливомъ ихъ шелковыхъ чулокъ, то пинками указываютъ дорогу неуклюжимъ воспріемышамъ своимъ. Говоря о скороходахъ, не могу не вспомнить словъ моей няньки, которая нѣкогда, при разсказѣ о золотой старинѣ, изъявила сожалѣніе, что мода на бѣгуновъ-людей замѣнилась модою на рысаковъ и иноходцевъ. — «Подлинно, чудо были эти скороходы, — говорила старушка,—не знали одышки, отъ того-де, что легкія у нихъ вытравлены были зѣліями. А одежа, одежа, мое дитятко, вся какъ жаръ горѣла; на головѣ шапочка, золотомъ шитая, словно съ крыльями; въ рукѣ волшебная тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ:

махнетъ ею разъ, другой, и версты не бывало!» — Но я съ старушкою заговорился. Возвратимся въ верхнія сѣни Волынскаго. Здѣсь *маршалокъ* [1]) разсматриваетъ чету, какъ близорукій мелкую печать, оправляетъ ее, двумя пальцами легонько снимаетъ съ нея пушокъ, снѣжинку, однимъ словомъ все, что лишнее въ барскихъ палатахъ и, наконецъ, провозглашаетъ ставлениковъ изъ разныхъ народовъ. Дверь настежь, и возгласъ его повторяется въ передней. Боже мой! опять смотръ. Да будетъ-ли конецъ? Сейчасъ. Вотъ кастелянъ и кастелянша, оглядѣвъ на-бѣло пару и объяснивъ ей словами и движеніями, что она должна дѣлать, ведетъ ее въ ближнюю комнату. Фаланга слугъ, напудренная, въ ливрейныхъ кафтанахъ, въ шелковыхъ полосатыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ огромными пряжками, даетъ ей мѣсто. И вотъ бѣдная чета, волшебнымъ жезломъ могучей прихоти перенесенная изъ глуши Россіи, отъ боговъ и семейства своего, изъ хаты или юрты, въ Петербургъ, въ кругъ полутораста паръ, изъ которыхъ нѣтъ одной, совершенно похожей на другую одеждою и едва-ли языкомъ, перенесенная въ новый міръ черезъ разные роды мытарствъ, не зная для чего все это дѣлается, засуечонная, обезумленная, является, наконецъ, въ залѣ вельможи передъ судъ его.

Пара входитъ на лѣстницу, другая пара опускается, и въ этомъ безпрестанномъ приливѣ и отливѣ рѣдкая волна, вставъ упрямо на дыбы, противится на мигъ силѣ вѣтра, ее стремящей; въ этомъ стадѣ, которое гонитъ бичъ прихоти, рѣдко кто обнаруживаетъ въ себѣ человѣка.

---

[1]) Дворецкій.

Было-бъ чему и нашимъ современникамъ подивиться въ залѣ вельможи! Глубокія окна, наподобіе камеръ-обскуры, обдѣланныя затѣйливыми баральефами разныхъ цвѣтовъ, колонны по стѣнамъ, увитыя виноградными кистями, огромныя печи изъ пестрыхъ изразцовъ, съ китайскою живописью и столбиками, съ вазами, съ фарфоровыми пастушками, похожими на маркизовъ, и маркизами, похожими на пастушковъ, съ китайскими куклами, узорочные выводы штукатуркою на потолкѣ и посреди его огромныя стекляныя люстры, въ которыхъ грань разыгрывается необыкновеннымъ блескомъ: на все это и намъ можно-бы полюбоваться. Бѣдные дикари не знаютъ гдѣ стать, что-бы не ступить на собственную фигуру, отражающуюся въ налощенномъ штучномъ полу. Смѣшно видѣть, какъ и наши простодушные предки, входя въ залу вельможи, принимаютъ картины въ золотыхъ рамахъ за иконы и творятъ предъ ними набожно крестныя знаменія.

Посреди залы, въ богатыхъ креслахъ, сидитъ статный мужчина, привлекательной наружности, въ шелковомъ свѣтло-фіолетовомъ кафтанѣ французскаго покроя. Это хозяинъ дома, Артемій Петровичъ Волынскій. Онъ слыветъ при дворѣ и въ народѣ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ. По наружности можно дать ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ, хотя онъ гораздо старѣе. Огонь черныхъ глазъ его имѣетъ такую силу, что тотъ, на комъ онъ ихъ останавливаетъ, невольно потупляетъ свои. Даже замужнія, бойкія женщины приходятъ отъ нихъ въ смущеніе; пригожимъ дѣвицамъ мамки, отпуская ихъ съ крестнымъ знаменіемъ на куртаги, строго наказываютъ беречься, пуще

огня, глаза Волынскаго, отъ котораго, говорятъ онѣ, погибла не одна ихъ сестра.

Изъ-за высокой спинки креселъ видна черная, лоснящаяся голова, обвитая бѣлоснѣжною чалмою, какъ будто для того, чтобы придать еще болѣе достоинства ея рѣдкой чернотѣ. Можно-бы почесть ее за голову куклы,—такъ она неподвижна,—если-бы въ физіономіи араба не выливалась душа возвышенно-добрая и глаза не блистали то негодованіемъ, то жалостью при видѣ страданій или неволи ближняго.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Волынскаго, по правую его сторону, сидитъ за письменнымъ столомъ человѣчекъ, котораго всего можно-бы спрятать въ медвѣжью муфту. Лицо его въ кулакъ стянуто, какъ у старой обезьяны; на немъ видно и лукавство этого рода животныхъ. Онъ ужимистъ въ своихъ движеніяхъ, уступчивъ или увертливъ въ рѣчахъ; глаза и уши его всегда на стражѣ. Ни одна исправная гауптвахта не успѣваетъ такъ скоро отдавать честь, какъ онъ готовъ на всѣ отвѣты. Эта маленькая каракулька, ученая, мудреная и уродливая, какъ гіероглифъ, секретарь кабинетъ-министра, Зуда. Онъ записываетъ имена и прозванія лицъ, являющихся на смотръ, замѣчанія, долетающія къ нему съ высоты креселъ и собственныя свои. Чего Волынскій не договариваетъ, то онъ дополняетъ.

Въ отдаленіи, почти у двери передней, стоитъ молодой человѣкъ. По одеждѣ онъ не солдатъ, не офицеръ, хотя и въ мундирѣ; наружность его, пошлую, оклейменную съ ногъ до головы штемпелями нижайшаго раба, вы не согласились-бы взять за всѣ богатства міра. Чего въ ней нѣтъ! И глупость, и развратъ,

и низость. Одинъ свинцовый носъ, достаточный изъяснитель подвиговъ, совершенныхъ его обладателемъ, и указатель пути, по коему онъ идетъ. Это Ферапонтъ Подачкинъ, вольноотпущенный Волынскаго въ должности пристава. Ему-то поручено было доставить въ Петербургъ изъ Твери сто разноплеменныхъ паръ, собранныхъ тамъ съ разныхъ мѣстъ Россіи, — доставить живьемъ и незапятнанныхъ морозомъ. По какой-же *протекціи* получилъ онъ столь важный *постъ?* Мать его *барская барыня* въ домѣ кабинетъ-министра. Она спала и видѣла, чтобы произвесть своего сынка въ офицеры, то есть въ такіе люди, которые могутъ имѣть *своихъ* людей: высшая степень честолюбія подобнаго класса и образованія женщинъ! Волынскій, хотя человѣкъ умный и благородный, имѣлъ слабость не отказать въ просьбѣ Подачкиной, помня старыя заслуги мужа ея, бывшаго его дядьки: за исправное, честное и усердное исполненіе порученнаго Ферапонту дѣла обѣщанъ ему первый офицерскій чинъ. А тамъ, кто вѣдаетъ, на какую высоту полѣзъ-бы онъ, открывъ себѣ ключемъ 14 класса врата въ капище почестей! Надо замѣтить, что въ тогдашнее время не нуждались въ аттестатѣ на чинъ коллежскаго асессора,—о, охъ! этотъ уже аттестатъ! И вотъ Ферапонтъ, по батюшкѣ Авксентіевичъ, близокъ уже къ своей цѣли. Еще одинъ шагъ, одно барское спасибо—и новое ваше благородіе въ Россіи. Участь его должна рѣшиться на сегодняшнемъ смотру: или дворянское достоинство, или палки на спину. Онъ теперь необыкновенно низко повѣсилъ голову—признакъ, что духъ его встревоженъ и онъ ожидаетъ невзгоды за какую-либо неудачу или промахъ.

Сравните бѣлое лицо кандидата въ благородія и черное лицо невольника: кажется, они помѣнялись своими назначеніями. Гдѣ-жъ маменька ужаснаго честолюбца?—Видите-ли направо, у дверей буфета, эту пиковую даму, эту мумію, повязанную темно-коричневымъ платочкомъ, въ кофтѣ и исподницѣ такого-же цвѣта! Она неподвижна своимъ туловищемъ, вытянутымъ, какъ жердь, хотя голова ея трясется, вѣроятно, отъ употребленія въ давнопрошедшія времена сильнаго притиранія; морщиноватыя кисти рукъ ея, убѣжавшія на четверть отъ рукавовъ, сложены крестообразно, какъ у покойника; вѣками она безпрестанно хлопаетъ и мигаетъ, и если ихъ останавливаетъ, то для того, чтобы взглянуть на свое созданіе, на свое сокровище, на свою славу. Прошу хорошенько замѣтить: это она, дражайшая родительница драгоцѣннаго дитятки.

Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отечеству Акулина Саввишна) *барская барыня.* Это званіе встарину было весьма важное: въ него избирались, обыкновенно, жены заслуженнаго камердинера, дворецкаго, дядьки и тому подобной почетной дворни. Она присутствовала при туалетѣ госпожи своей, завѣдывала ея гардеробомъ, служила ей домашними газетами, нерѣдко докладчицею по тайнымъ дѣламъ мужниной половины, и играла во дворѣ *своемъ* посредническую роль между властителями и слугами. Замѣтьте, она *барыня*, не только *барская!*... Придумать это званіе могла лишь феодальная спѣсь нашихъ вельможъ тогдашняго времени. Впослѣдствіи и мелкіе дворяне завели у себя такое должностное лицо. Еще и нынѣ въ степной глуши звучитъ иногда имя барской барыни, но потеряло уже свое сильное значеніе.

Ни одного шута, ни одной дуры и дурочки въ залѣ! Ужь по этому можно судить, что Волынскій, смѣло пренебрегая обычаями своего времени, опередилъ его.

— Какъ думаешь, Зуда? — сказалъ кабинетъ-министръ, обращаясь съ примѣтнымъ удовольствіемъ къ секретарю своему, — славный и смѣшной праздникъ дадимъ мы государынѣ!

— Объ немъ только и говорятъ въ Петербургѣ, — отвѣчалъ секретарь, привставъ немного со стула. — Думаю, что онъ долгое время занимать будетъ стоустую молву и захватитъ себѣ нѣсколько страницъ въ исторіи.

Кабинетъ-министръ далъ знакъ головою, чтобы секретарь садился, и продолжалъ, усмѣхаясь:

— Развѣ нашъ г. Тредьяковскій удостоитъ сохранить его въ своихъ виршахъ...

— О которыхъ всѣ столько кричатъ.

— Потому-что ихъ никто не понимаетъ.

— Извѣстно, однако-жъ, что ваше превосходительство съ нѣкотораго времени сдѣлались самыми ревностными поклонниками нашего Феба и очень частенько изволите черпать въ тайникѣ его.

— Ты хочешь сказать, съ того времени, какъ милая молдаванская княжна стала учиться русскому языку. Да, бывшій надутый школьникъ Тредьяковскій, нынѣ Василій Кирилловичъ, въ глазахъ моихъ великій, неоцѣненный человѣкъ; я осыпалъ-бы его золотомъ: не онъ-ли выучилъ Маріорицу первому слову, которое она сказала по-русски?... И если-бы ты зналъ, какое слово!... Въ немъ заключается краснорѣчіе всѣхъ твоихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ, вся поэзія избранной братіи по Аполлону. Василія Кирилловича за него непре-

мѣнно въ профессоры элоквенціи! Я ему это обѣщалъ, и настаю въ своемъ словѣ.

Волынскій говорилъ съ особеннымъ жаромъ; только слова: *молдаванская княжна*, *Маріорица*, старался онъ произнести такъ тихо, что, казалось ему, слышалъ ихъ только секретарь. Этотъ, замѣтивъ, что лицо барской барыни, можетъ быть, поймавшей на лету нѣсколько двусмысленныхъ словъ, подернуло кошачьею радостью, старался обратить разговоръ на другое.

— Слышно, что г. Тредьяковскій,—сказалъ онъ,— дѣйствительно собирается описать подробно, въ нѣсколькихъ томахъ, праздникъ, который вамъ поручено устроить.

— Потянемся и мы съ тобою, любезный, къ потомству въ вереницѣ скомороховъ. Завидная слава!... Расхохочутся-же наши внуки, а можетъ быть и пожмутъ плечами, читая въ высокопарномъ слогѣ, что кабинетъ-министръ занимался шутовскимъ праздникомъ съ такимъ-же вниманіемъ и страхомъ, какъ-бы дѣло шло объ устройствѣ государства.

— Развѣ, утѣшая этимъ больную владычицу сѣвера, которая столько жалуетъ васъ, вы не творите полезнаго...

— Для одного курляндца... Посмотри, онъ еще затѣетъ какія-нибудь торжества, игрища, все подъ видомъ неограниченной преданности къ государынѣ, но для того только, чтобы меня занять и между дѣйствіями сыграть ловче свои штуки....

Барская барыня сдѣлала опять легкую гримасу; сынъ ея вытянулъ шею и силился что-то настигнуть въ словахъ Волынскаго, но, за недостаткомъ дара Божьяго, остался при своемъ недоумѣніи, какъ глупый

щенокъ хочетъ поймать на лету проворную муху, но щелкаетъ только зубами. Зуда спѣшилъ наклониться къ своему начальнику и шепнулъ ему:

— Осмотритесь! вы забыли уроки Макіавеля...

Послѣднее слово, казалось, было условнымъ паролемъ между кабинетъ-министромъ и секретаремъ. Первый замолчалъ, другой свелъ свои замѣчанія на приходящихъ, которыхъ разнообразіе одеждъ, лицъ и нарѣчій имѣло такую занимательность, что дѣйствительно могло оковать всякое прихотливое вниманіе.

Вотъ статная, красивая дѣвушка изъ Торжка, съ жемчужнымъ *вѣнцомъ*, наподобіе отсѣченной сахарной головы; онъ слегка прикрытъ платкомъ изъ тончайшей кисеи, котораго концы, подвязавъ шею, прячутся на груди. На лобъ опускаются, какъ три виноградныя кисти, *рязки* изъ крупнаго жемчуга, переливающаго свою млечно-розовую бѣлизну по каштановымъ волосамъ, слегка обрисованнымъ, искусно заплетенная коса, роскошь русской дѣвы [1]), съ блестящимъ бантомъ и лентою изъ золотой бити, едва не касается до земли. Ловко накинула дѣвушка на плечи свой парчевой полушубокъ, отъ котораго лѣвый рукавъ, по тумѣстной модѣ, виситъ небрежно, изъ-подъ него выказывается круглое зеркальце, неотъемлемая принадлежность *новоторжской* красоты. Богатая *ферезь* ея какъ жаръ горитъ. Легко ступаетъ она въ цвѣтныхъ сафьянныхъ черевичкахъ, шитыхъ золотомъ. Рядомъ съ нею ея чичисбей—вы смѣетесь?—да таки чичисбей: горе тамошней дѣвушкѣ, если она его не имѣетъ!

---

[1]) Въ Торжкѣ есть поговорка: «Ты расти, расти, коса, до шелкова пояса: выростешь коса, будешь городу краса».

Это знакъ, что она очень дурна: мать сгонитъ ее съ бѣлаго свѣта, подруги засмѣютъ. Разъ избранный, онъ неотлученъ отъ нея на вечернихъ и ночныхъ прогулкахъ. Какой молодецъ! Удальство кипитъ въ его глазахъ: зато онъ и слыветъ первымъ кулачнымъ бойцомъ на поголовномъ новоторжскомъ побоищѣ. За ними дородная мордовка, въ рубашкѣ, испещренной по плечамъ, рукавамъ и подолу красною шерстью, какъ будто она исписана кровью; грудь ея отягчена серебряными монетами разной величины въ нѣсколько рядовъ; въ ушахъ ея по шару изъ лебединаго пуху, а подъ нимъ брянчатъ монеты, какъ бляхи на уздѣ лошадиной. Вотъ человѣческій ликъ, намалеванный бѣлилами и румянами, съ насурменными дугою бровями, подъ огромнымъ кокошникомъ въ видѣ лопаты, вышитымъ жемчугомъ, изумрудами и яхонтами. Этотъ ликъ носитъ сорокаведерная бочка въ штофномъ, съ золотыми выводами, сарафанѣ; пышные рукава изъ тончайшаго батиста окрыляютъ ее. Голубые шерстяные чулки выказываютъ ея пухлыя ноги, а башмаки, безъ задниковъ, на высокихъ каблукахъ, измѣняютъ ея осторожной походкѣ. Рекомендую въ ней мою землячку, коломенскую пастильницу. Далѣе миловидная, стройная казачка держится такъ, что хочетъ, кажется, пристукнуть мѣдными подковками свою національную пляску. Вотъ и калмыкъ разѣваетъ свои кротовьи глазки, чтобы взглянуть на чудеса русскія; съ нимъ все житье-бытье его, колчанъ со стрѣлами и божки его, которыхъ онъ изъ своихъ рукъ можетъ казнить и награждать. Вотъ... Но всѣхъ занимательныхъ лицъ не перечтешь на сценѣ.

Пары являлись и уходили попеременно,—говорили

мы. Распорядитель праздника съ вниманіемъ модистки разсматривалъ одѣянія (замѣтьте) пригожихъ женщинъ, какого-бы онѣ племени ни были, и нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласилъ даже остаться въ залѣ, чтобы погрѣться. Ласковое вниманіе знатнаго барина, котораго наши прадѣды почитали за полубога, и къ тому-жъ барина пригожаго, зажигало привѣтливый огонь въ глазахъ русскихъ дѣвушекъ и, какъ сказали-бы тогдашнія старушки, привораживало къ нему. Мелькнуло еще нѣсколько паръ. Вдругъ хозяинъ дома глубоко задумался. Голова его опустилась на грудь, черные, длинные волосы пали въ безпорядкѣ на прекрасное, разгорѣвшееся лицо и образовали надъ нимъ густую сѣть, въ глазахъ начали толпиться думы, наконецъ, облако печали пріосѣнило ихъ. Долго находился онъ въ этомъ положеніи. Никто изъ домашнихъ этому не удивлялся, ибо съ нимъ такой припадокъ съ недавняго времени случался нерѣдко, даже на дружескихъ пиршествахъ и придворныхъ балахъ: — дѣйствительно-ли это былъ болѣзненный припадокъ, или срочная дань какому-то предчувствію, — мы того сказать не можемъ. Все молчало въ залѣ, боясь пошевелиться: казалось, всѣ въ одинъ мигъ окаменѣли, какъ жители Помпеи подъ лавою, на нихъ набѣжавшею. Гдѣ были тогда думы Волынскаго? Куда перенесся онъ? Не игралъ-ли беззаботно на родномъ пепелищѣ среди товарищей дѣтства; не билъ-ли о-земь на пирушкѣ осушенную чашу, заручая на вѣки душу свою другу одного вечера; не принималъ-ли изъ рукъ милой жены рѣзвое улыбающееся ему дитя, или, какъ тать, въ ночной глуши, подъ дубинкой ревниваго мужа, перехватывалъ съ устъ красавицы пламенный поцѣлуй. Зачѣмъ также

не полагать, что онъ засѣдалъ въ совѣтѣ, гдѣ бросалъ громы краснорѣчія на ябеду и притѣсненія, или въ дружескомъ кругу замышлялъ паденіе временщика? Кто знаетъ, можетъ статься, онъ грозно смотрѣлъ въ очи палачу, когда тотъ поднималъ на него сѣкиру! Гдѣ были тогда думы Волынскаго, неизвѣстно намъ, но, судя по характеру его, онѣ могли быть вездѣ, гдѣ мы дали имъ мѣсто. Въ его душѣ страсти, добрыя и худыя, буйныя и благородныя, владычествовали попеременно; все было въ немъ непостоянно, кромѣ чести и любви къ отечеству.

Женатый лѣтъ съ восемь на пригожей, милой женщинѣ, онъ между тѣмъ искалъ, гдѣ только могъ, любовныхъ приключеній, которыя обращать въ свою пользу былъ большой искусникъ. Впрочемъ, ничто не нарушало согласія четы. Сердце Волынскаго не знало постоянной страсти, а послѣ мгновенной вѣтренности онъ возвращался всегда пламеннымъ любовникомъ къ ногамъ супруги. Ея душевныя и наружныя достоинства умѣлъ онъ лучше оцѣнить послѣ сравненія съ другими предметами его волокитства. Сказывали также, или онъ говорилъ, что жена его смотрѣла будто-бы довольно хладнокровно на его проказы. Онъ не имѣлъ дѣтей, но всегда ихъ желалъ. Лаская чужихъ, забывалъ, что они не его, и эта любовь къ дѣтямъ, соединяясь съ мыслію, что судьба отказала ему быть отцомъ, дѣлала его иногда особенно грустнымъ. Съ нѣкотораго времени жена его гостила у родныхъ, въ Москвѣ, гдѣ и занемогла опасно. Носились даже слухи, что она умерла. Можетъ быть, старался подтвердить ихъ и самъ Волынскій. Въ продолженіе этой разлуки барская барыня составила порядочный входящій журналъ его

проказамъ для поднесенія своей госпожѣ; особенно одинъ новый нумеръ, по необыкновенной важности, требовалъ большихъ трудовъ для очистки.

Но вѣтренникъ въ дѣлахъ сердечныхъ былъ совсѣмъ другой въ дѣлахъ государственныхъ, и еслибъ порывы пламенной души его не разрушали иногда созданій его ума, то Россія имѣла-бы въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ министровъ. Природные дары старался онъ образовать чтеніемъ лучшихъ иностранныхъ писателей, особенно политическихъ, для перевода которыхъ держалъ у себя Зуду, ученаго, хитраго, осторожнаго, служившаго ему секретаремъ и переводчикомъ, менторомъ и повѣреннымъ. Любя свое отечество выше всего, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ Биронъ полосовалъ его бичемъ своимъ, и искалъ удобнаго случая, открывъ все государынѣ, вырвать орудія казни изъ рукъ, которымъ она ввѣрила только кормило своего государства. Въ то время, когда раболѣпная чернь падала предъ общимъ кумиромъ и лобызала холодный помостъ капища, когда желѣзный уровень безпрестанно наводился надъ Россіею, — одинъ Волынскій, съ своими друзьями, не склонялъ предъ нимъ благороднаго чела. Возвышенному характеру его давали эту смѣлость и нужда въ немъ по дѣламъ государственнымъ, и милостивое вниманіе къ нему государыни, знавшей его преданность къ ней и любовь къ отечеству. Трудно было разувѣрить въ этомъ императрицу. Биронъ-же, добиваясь возможности погубить своего соперника, не только не показывалъ, что оскорблялся его гордостью, но, напротивъ, казался къ нему особенно внимателенъ и при всякомъ случаѣ старался обратить на него милости

ея величества. Впрочемъ, оба измѣряли другъ друга, чтобы вѣрнѣе и ловче уронить. Одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ былъ пасть.

Мы оставили нить нашей повѣсти въ залѣ Волынскаго, когда онъ задумался. Минуты эти канули въ вѣчность — онъ встрепенулся, поднялъ голову, заложилъ за уши черныя кудри свои и осмотрѣлся кругомъ. Передъ нимъ стояли цыганъ и цыганка. Послѣдняя, красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, но красавица уже отцвѣтшая, съ орлиною проницательностію разсматривала вельможу съ ногъ до головы. Казалось, она любовалась имъ. Если-бы насъ спросили, что она думала тогда, мы-бъ сказали: такого браваго мужчину желала своей дочери! Можно-ли повѣрить?— кабинетъ-министръ устыдился, что былъ застигнутъ въ своемъ припадкѣ взоромъ цыганки, пристально на него устремленнымъ! Однакожъ, это было такъ: онъ смутился, какъ будто пораженный чѣмъ-то.

— Чудесная игра природы!... — воскликнулъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Зудѣ.—Замѣчаешь-ли?

— Я видѣлъ... только раза три... и пораженъ необычнымъ сходствомъ,—отвѣчалъ секретарь, сощуривъ лукаво свои глазки.

Во время этого переговора на лицѣ цыганки переливалось какое-то замѣшательство, однакожъ, побѣдивъ его, она своими смѣлыми взорами пошла на встрѣчу пытливымъ взорамъ кабинетъ-министра и секретаря его.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ ее Волынскій.

— Маріулой,—отвѣчала она.

— Даже имя! Диковина!... Знаешь-ли, Маріула, что лицо твое самое счастливое?

— Таланливо оно и тѣмъ, что полюбилось вашей милости.

— Останься здѣсь; я съ тобою еще поговорю.

Цыганка благодарила, приложивъ руку къ сердцу и немного наклонившись, потомъ стала позади креселъ вельможи, въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Кто далѣе?—спросилъ Волынскій.

Явилась малороссіянка, одна.

— Гдѣ-жъ пара ея?—былъ грозный вопросъ Артемія Петровича. — Эй, Подачкинъ! Я тебя спрашиваю.

При этомъ вопросѣ свинцовый носъ Подачкина побѣлѣлъ; матушка его необыкновенно дрогнула плечами и затрясла головой, какъ маріонетка, которую сильно дернули за пружину. Этотъ вопросъ поднялъ всю нечисть со дна ихъ душъ.

Правящій должность пристава сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Это пьяница, ваше превосходительство, презлой, и пресердитый, и преупрямый, ваше превосходительство.

— Такъ чтожъ? ты не могъ его усмирить?

— Дорогой я уломалъ было его. Да подъ Санктъ-Питеромъ онъ началъ было огрызаться на меня, ваше превосходительство, мы ужь и побаивались, что кусаться станетъ. Памятуя долгъ присяги и точный смыслъ данной мнѣ инструкціи, я поспѣшилъ набить на него колодки.

— Лжешь! тебѣ дана инструкція обходиться какъ можно лучше съ людьми, которыхъ тебѣ поручатъ: на это была собственная воля государыни.

— Божусь Богомъ, ваше превосходительство, чтобъ мнѣ въ тартарары провалиться, колодки прелегкія, и коли позволите, я пройду въ нихъ цѣлую версту не вспотѣвъ. А онъ ѣхалъ въ нихъ, да еще въ крытой кибиткѣ!

— Куда-жъ онъ теперь дѣвался?

— Колодки съ него сбили, когда вели его сюда на смотръ, и онъ, невѣсть какъ, пропалъ...

— Бездѣльникъ! Знаю все... я хотѣлъ только испытать тебя... ты продаешь меня фавориту... Гмъ! людей сбываютъ, какъ поганую кошку!... люди пропадаютъ среди бѣла дня! Но я отыщу, хотя-бъ мертваго... хотя остатки вырву изъ волчьей пасти!... Пора, пора и волка на псарню!—Савишна! — прибавилъ грозно Волынскій, взглянувъ на барскую барыню, — полюбуйся подвигами своего сынка. Какъ думаешь, мало его повѣсить за такое дѣло!

Савишна поклонилась, сложа руки, и отвѣтствовала голосомъ глубочайшаго смиренія:

— Буди твоя барская воля, батюшка! Ты надъ нами владыка, а мы твои рабы.

— Ты въ этихъ дѣлахъ не участница, — продолжалъ Волынскій, смягчивъ голосъ,—я знаю, ты всегда была предана роду нашему. Но этому мошеннику стоило-бъ набить колодки, такія-же легонькія... кабы я не далъ себѣ слова...

— Батюшка! отецъ родной!—завопила барская барыня,—помилуй за службу покойнаго мужа моего, а вашего дядьки. И я тебѣ, милостивецъ, служу, сколько силъ есть, готова за кроху твою умереть... Вотъ что ты, глупый, надѣлалъ, — прибавила она, обратясь къ своему сыну и горько всхлипывая.

— Съ глазъ моихъ долой, негодяй! Счастливъ, что не по тебѣ отецъ и мать. Теперь оставьте меня, вы всѣ, кромѣ тебя, мой дорогой Зуда, и тебя...

Здѣсь Артемій Петровичъ далъ знакъ рукой цыганкѣ, чтобы она не уходила.

— Смотръ остальнымъ завтра!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦЫГАНКА

Я цыганка не простая...
Знаю ворожить.
Положи, баринъ, на ручку,
Всю правду скажу.
Опера „Русалка".

Волынскій, цыганка, сдѣлавшая на него какое-то чудное впечатлѣніе, и Зуда остались втроемъ. Тогда Артемій Петровичъ подозвалъ ее къ себѣ и ласково сказалъ ей:

— Смолоду ты была вѣрно красавицей?

Цыганка, несмотря на свои лѣта, покраснѣла.

— Да, баринъ, — отвѣчала она, — въ свое время много такихъ знатныхъ господчиковъ, какъ ты, за мною увивалось; можетъ статься, иной цѣловалъ эти руки,—нынѣ онѣ черствыя и просятъ милостыню! О! тогда не выпустила-бы я изъ глазъ такого молодца. Но прошлаго не воротишь; не соберешь уже цвѣта облетѣвшаго.

— Нѣтъ-ли у тебя дочки? Мнѣ любопытно было-бы видѣть ее.

— Кабы имѣла, я сама привела-бы ее къ тебѣ на колѣна. Народила я дѣтокъ не для свѣта Божьяго; да

и кстати! не таскаются за мной, не пищатъ о хлѣбѣ. Уложила всѣхъ спать непробуднымъ сномъ.

— Жаль, очень жаль, что у тебя нѣтъ взрослой дочки, а то-бъ сличилъ.. Чудесное сходство! Чѣмъ болѣе всматриваюсь, тѣмъ удивляюсь болѣе... Даже маленькая едва замѣтная веснушка на лѣвой щекѣ!... Знаешь-ли, Маріула, что ты походишь на одну мою знакомую княжну, какъ розанъ увядающій на розанъ, который только-что распуккивается?

Во время этихъ замѣчаній на лицѣ цыганки показались бѣлыя пятна, губы ея поблѣднѣли, но она, силясь улыбнуться, отвѣчала:

— Покажи мнѣ, желанный мой, когда-нибудь мою двойнюшку.

— Пожалуй, я доставлю тебѣ этотъ случай. Во дворцѣ, какъ и вездѣ, старыя и молодыя дѣвки любятъ ворожить объ суженыхъ.

— Такъ эта княжна живетъ во дворцѣ?—спросила Маріула, и глаза ея необыкновенно заблистали, и румянецъ снова выступилъ на лицо.

— Подъ бочкомъ у самой государыни. Государыня ее очень жалуетъ.

— Куда-жъ намъ, воронамъ, въ такія высокія хоромы! Чай, одышку схватишь, считая ступени вверхъ по лѣстницѣ, каково-жъ, когда заставятъ считать внизъ!

— Со мною сойдешь и взойдешь безопасно, только чуръ, уговоръ, поворожить княжнѣ на мою руку, понимаешь...

— Понимаю, понимаю, это наше дѣло!... Видно, ты больно заразился ею?

— По уши!

— И... вѣрно она... также тебя любитъ?

— Ты ворожея; отгадай сама!

— Изволь, господинъ таланливый, пригожій; да только и отъ меня будетъ уговоръ: теперь ты долженъ положить мнѣ золотой на ручку, а за первый поцѣлуй, который дастъ тебѣ твоя желанная, подарить мнѣ богатую фату.

— Вотъ тебѣ рублевикъ; золотую фату получишь, когда сбудется, о чемъ говоришь. Чего-бъ я не далъ за такое сокровище!

— Побожись, что не обманешь!

— Глупенькая!... Ну, да будетъ мнѣ стыдно, коли я солгу.

— Давай-же руку свою.

Волынскій усмѣхнулся, посмотрѣлъ на Зуду, слегка покачавшаго головой, и протянулъ ладонь своей руки. Цыганка схватила ее, долго разсматривала на ней линіи, долго надъ ней думала, наконецъ произнесла таинственнымъ голосомъ.

— Давно пѣли вамъ съ пригожей дѣвицей подблюдныя пѣсни; были на вашихъ головахъ вѣнцы изъ камени честна, много лобызаній далъ ты ей; да недавно ей спѣли: «упокой Господи!» далъ ты ей заочно послѣднее земное цѣлованіе.

Волынскій покачалъ печально головой въ знакъ подтвержденія.

— Какъ будто по писанному разсказываетъ,—произнесъ лукаво Зуда, едва не хлопая въ ладоши.

— Дѣтокъ у тебя нѣтъ; тебѣ ихъ очень хочется.

— Ты вырѣзала мое сердце и прочла въ немъ, — сказалъ вздохнувъ Волынской.—Чтожъ далѣе?

— Скоро, очень скоро опять золотой вѣнецъ!... твоя суженая дѣвица... ростъ высокій, черный глазъ

иза ума выводитъ... бровь дугой... бѣла, какъ кипень...

— Скажи лучше, съ маленькимъ загарцемъ, какъ чесанный ленъ; но что твои бѣлянки передъ ней!

— Статься можетъ, и ошиблась,—сказала цыганка покраснѣвъ.—Молвлю еще тебѣ, что она не изъ земли русской, а изъ страны далекой, откуда лебеди сюда прилетаютъ...

— О! — да это слишкомъ много; ты ужь успѣла поразвѣдать кое-что...

Секретарь пожалъ плечами и сдѣлалъ руками знакъ восклицанія. Маріула, углубясь въ разсматриваніе ладони, продолжала:

— Линіи такъ выходятъ; не я ихъ проводила! Смотри, береги сокровище, не расточи его своею вѣтренностью; береги и себя! Въ твоей суженой не рыбья кровь здѣшнихъ русскихъ женщинъ... Первое дитя будетъ у тебя мужескаго пола... Далѣе черты путаются такъ, что не разберешь! Довольно для руки сердечной, дай мнѣ правую ручку.

Волынскій передалъ ей другую руку.

— Эта владѣетъ мечомъ кладенцомъ, или... перышкомъ, которое, говорятъ, рѣжетъ исподтишка, что твое желѣзо! Правая ручка дастаетъ деньги, честь, славу!... О! для этихъ вещицъ забываете вы и про любовь, а наша сестра горюй и сохни!

— Да, какая-же ты краснорѣчивая!... Гдѣ всему этому набралась? Видно, вспомнила старину!... Вотъ теперь-то и запутаешься...

— Попытаемся!... Слушай-же! Ты въ силѣ у матушки-царицы, но борешься или собираешься бороться съ человѣкомъ, который еще сильнеѣ тебя. Брось свои

затѣи, или укроти свой ретивый нравъ, уложи свое сердце. Силою ничего не возьмешь, развѣ возьмешь лукавствомъ. Выжидай всего отъ времени... Уступай шагъ первому: довольно, если будешь вторымъ...

— Хоть десятымъ, — воскликнулъ Волынскій внѣ себя, — но только за человѣкомъ, который этого-бы стоилъ, который-бы любилъ Россію и дѣлалъ-бы ее счастливою.

— А то, смотри, если эта вторая линія напрямикъ переступитъ эту первую, бѣда тебѣ!

— Въ сторону нашего мертваго Макіавеля! — сказалъ Зуда, — примемся за живого, который, право, даетъ совѣты не хуже хитраго секретаря Цезаря Боржія!

— Маріула! — произнесъ ласково кабинетъ-министръ, — ты умна, какъ хорошая книга, видишь много впереди и назади, похожа на одну особу, которую... я уважаю, и потому мнѣ очень полюбилась.

— Дорога мнѣ твоя ласка, господинъ, дороже злата и серебра.

— Когда-жъ ты хочешь... видѣть свою двойню?

— Хоть сейчасъ,—хотѣла сказать цыганка, и удержалась.—Нынѣ, завтра,—отвѣчала она: — мнѣ все равно, лишь-бы твоей милости въ угоду было.

— Нынѣ я никуда не выѣду, но завтра поговорю о тебѣ, какъ о славной ворожеѣ, придворнымъ барышнямъ; явись въ полдень во дворецъ, спроси меня— тебя позовутъ, я за это берусь.

— Во дворецъ?... Меня заранѣе дрожь пронимаетъ.

— Пустяки!... Домъ съ людьми, какъ и мы!... Только не забудь условія.

— Коли надо тебѣ будетъ приворотный корешекъ или заговоры....

— Скорѣй твое лукавство и мастерство на нѣкоторыя дѣла. Смотри!

Волынскій положилъ палецъ на свои губы.

— Не бойся, баринъ; ты напалъ не на такую дуру! Если-бъ пытали меня, скорѣй откушу себѣ языкъ и проглочу его, чѣмъ проговорюсь. Прощай-же, таланливый мой, не забудь про фату!

— У меня, обѣщано—такъ сдѣлано! Зуда, напиши отъ имени моего записку, чтобы ее и цыгана, который съ ней, полиція нигдѣ не тревожила, и что я за нихъ отвѣчаю.

Записка была готова въ одну минуту, подписана самимъ кабинетъ-министромъ и вручена чудесной сивиллѣ. Онъ отправился съ Зудой въ другую комнату, а Маріула, произнеся вслѣдъ имъ вполголоса, но такъ, чтобы они слышали:

— Зачѣмъ я не знатная госпожа? Зачѣмъ нѣтъ у меня дочери?—спѣшила къ товарищу своему.

Старый, дородный цыганъ, дожидавшійся своей подруги на дворѣ, очень обрадовался ея появленію. Жестокій, слишкомъ въ 20 градусовъ, морозъ прохватывалъ его до того, что онъ, за неимѣніемъ съ кѣмъ погрѣться вручную, готовъ былъ побарахтаться съ медвѣдемъ. Но какъ Маріула, послѣ милостиваго обхожденія съ нею кабинетъ-министра, сдѣлалась важной особой въ домѣ его, то и доставила входъ въ кухню своему товарищу, едва не окостенѣвшему. Тамъ его отогрѣли, и обоихъ накормили, какъ свиней на убой. Во время ихъ обѣда сбѣгали не разъ въ кухню дворовые люди и перешептывались о чемъ-то

съ поварами. И потому цыганка, на вопросы свои, издали забѣгавшіе о семейной жизни гостепріимнаго и добраго барина, получила только отвѣты, утвердившіе ее въ мысли, что Волынскій вдовецъ.

Выходя изъ дому, она дѣлалась болѣе и болѣе задумчивою и что-то бормотала про себя.

— Какой морозъ!—сказалъ ея товарищъ, нахлобучивъ плотнѣе свою шапку и подвязывая себѣ бороду платкомъ.—Того и гляди, что оставишь носъ и уши въ этомъ чухонскомъ городкѣ, который ближе-бы назвать городскими слободками. Тамъ палаты, около нихъ жмутся мазанки; здѣсь опять палаты, и опять около нихъ мазанки, словно ребятишки въ лохмотьяхъ связались въ игру съ богатымъ мужикомъ. А межъ ними луга да площади, какъ будто нарочно, чтобъ вѣтру ходить было разгульнѣе!

Цыганка молчала.

— Сильно-же машутъ мельницы! только онѣ и нагрѣваются нынѣ. Уфъ!

Цыганка все хранила угрюмое молчаніе.

— Ге, ге! да у тебя щека побѣлѣла; оттирай скорѣй.

— Пускай бѣлѣетъ!... Кабы морозъ изрылъ мнѣ все лицо, такъ чтобы признать меня нельзя было!

— Что съ тобой, Маріуленька? Ты больно сердита.

— Лишь-бы носа не откусилъ!—Цыганка закрыла его рукавомъ своимъ.—Безъ носу страшно было-бы показаться къ ней. Сердце пѣтухомъ поетъ во мнѣ отъ одной мысли, что она меня испугается и велитъ выгнать. (Немного помолчавъ.) Завтра во дворецъ?... Я погублю ее сходствомъ, я сниму съ нея голову... На такой вышинѣ, столько счастія, и вдругъ... Нѣтъ,

я не допущу до этого... Вырву себѣ скорѣе глазъ, изуродую себя... Научи, Василій, какъ на себя не походить и не сдѣлаться страшнымъ уродомъ.

— Дай подумать въ теплѣ, а то и мысли стынутъ.

— Придумай, голубчикъ, камень съ груди свалишь. Меня не жалѣй, пожалѣй только мое дитя, мое сокровище. Возьми все, что у меня есть; мало, я пойду къ тебѣ въ кабалу.

— Я твой слуга, ты моя кукона и благодѣтельница: поишь, кормишь, одѣваешь меня.... Развѣ только убить себя велишь, тогда тебя не послушаю. Да из какой-же бѣды хочешь себя исковеркать?

— Вотъ, видишь, Вася, по соизволенію Божью, моя Маріорица здѣсь... На чтожъ-бы я пришла сюда, какъ не посмотрѣть на ея житье-бытье? Маріорица въ чести, въ знати... за нею ухаживаютъ, какъ за княжной, за нее сватаются генералы... и вдругъ узнаютъ, что она... дочь цыганки!... Каково мнѣ тогда будетъ? Что станется съ нею?... Нѣтъ, не переживу этого! Скорѣй накину на себя петлю!... На бѣду, она похожа на меня, какъ двѣ капли воды; вотъ ужь и Волынскій и его приближенный признаютъ, и другіе!... Господи, Господи! отъ одной мысли меня въ полымя бросаетъ!... Изъ княженъ въ цыганки!... Каково такъ упасть!... Я ее лелѣяла, я берегла ее отъ этого позора; она не знаетъ, что я мать ея,— пусть никогда и не узнаетъ!... Мнѣ сладко быть матерью, а не называться только ею: сладко видѣть Маріорицу счастливою, богатою, знатною; не хочу ничѣмъ потревожить ея счастія.... Умру съ тѣмъ, что я могла-бъ однимъ словомъ... да! таки однимъ словомъ... и не сказала его. Видишь, мнѣ одной обязана

она всѣмъ. Богъ это знаетъ да я! Вотъ что меня утѣшаетъ; вотъ, Васенька, что меня утѣшитъ, когда глаза мои станутъ на вѣки закрываться.

Маріула утерла слезы на щекахъ.

— Ну, Маріуленька, разогрѣла ты меня пущи водки,—сказалъ старый цыганъ, покрехтывая:—я помогу какъ-нибудь твоему горю—вотъ тебѣ мое слово свято!

Оба замолчали.

Пусто было на улицахъ и площадяхъ; лишь изрѣдка мелькаетъ курьеръ, сидя на облучкѣ закрытой кибитки, повременамъ шныряли подозрительныя лица, или гремѣли мѣрнымъ звукомъ цѣпи и раздавалась заунывная пѣснь колодниковъ: «будьте жалостливы, милостивы до насъ, до бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа ради!» На всемъ пути нашихъ цыганъ встрѣтили они одинъ экипажъ: это былъ рыдванъ, облупленный временемъ; его тащили четыре клячи веревочными постромками, а на запяткахъ стояли три высокіе лакея въ порыжѣлыхъ сапогахъ, въ шубахъ изъ красной собаки и съ полинялыми гербовыми тесьмами; изъ колымаги-же проглядывалъ какой-то господинъ въ бархатной шубѣ съ золотыми кистями, причесанный à la pigeon. Окошки были опущены, вѣроятно, потому, что не поднимались, и отъ того-то грѣлъ онъ себѣ концы ушей, не закрытые пуклями, то правымъ, то лѣвымъ рукавомъ шубы. Василій частенько озирался, стараясь, по примѣтамъ домовъ, не сбиться съ пути.

— Что ты такъ посматриваешь по сторонамъ?— спросила цыганка. — Не сбились-ли мы съ дороги? Вѣдь я сказала тебѣ, ко дворцу.

— Не бойся: я Петровъ городъ знаю, какъ ты свои Яссы. Былому русскому матросу, да еще матросу Петра Алексѣевича, стыдно не знать этого корабельнаго притона. Нырну и вынырну здѣсь, гдѣ хочу. Пожалуй, я перечту тебѣ всѣ дома. Вотъ эти каменныя палаты, какъ сундукъ съ высокой крышкою, Остермановы [1]). Неподалечку выходитъ на лугъ деревянный домикъ со столбиками: это подворье новогородскаго архіерея Прокоповича. Направо церковь каменная, огороженная деревяннымъ заборомъ, Исаакія Далматскаго. Странно! какъ ни приду въ Питеръ, все она строится. Диковинные были на ней часы съ курантами! 35 тысячъ стоили: какъ часъ, такъ и заиграютъ свои штуки. Года за четыре, говорятъ, разгнѣвался батюшка Илья Пророкъ, что музыка надъ церковью, да и разбилъ громомъ часы. Вотъ, идемъ мы теперь мимо адмиралтейской крѣпостцы: небось, не перемахнешь чрезъ валики, даромъ, что водица въ канавахъ заморожена. Смотри-ка, куполъ-атъ надъ башнею горитъ, будто славушка Петра Алексѣевича. То-то былъ великій государь, хоть и больно бивалъ изъ своихъ рукъ! Зато при немъ все шло какъ по маслу, и житье было привольное, веселое, лишь своего дѣла не запускай. По этой луговой линіи выступали здѣсь чинно изъ болотъ мазанки, да въ мазанкахъ слышны были съ утра до ночи пѣсни. А теперь, какъ очистилъ ихъ пожаръ, встали наперекоръ ему высокія палаты—эки гордыя, такъ и прутъ небо! Мало высокой кровли, давай и на кровлю надѣть шляпу или

---

[1]) Нынѣ домъ сената.

бутку чванливую.... Зато—ни гу-гу! молчатъ, какъ домовища, и скучны, какъ остроги.

Цыганка плохо слушала разсказы своего товарища и съ нетерпѣніемъ высматривала впередъ, не видать-ли дворца. Вдругъ кто-то, слѣдовавшій за ними такъ тихо, что скралъ шумъ своихъ шаговъ, закричалъ:

— Стойте! *слово и дѣло!*

— Батюшка! голубчикъ!—завопила цыганка, поспѣшивъ сунуть въ руку незнакомца мелкую серебряную монету:—отпусти; мы идемъ по дѣлу Артемія Петровича Волынскаго.

При этомъ имени незнакомецъ осмотрѣлся; видя, что по близости ихъ не было никого, взялъ деньги и промолвилъ:

— Ступайте! хорошо, что на добраго человѣка напали, а то-бъ не легко распутались.

И въ самомъ дѣлѣ, эта встрѣча могла-бы повести цыганъ къ *заплечному мастеру*. Молча шли они далѣе. Но скоро показался трехъ-ярусный домъ съ корабликомъ на каждыхъ воротахъ по сторонамъ, а за нимъ Зимній дворецъ. При видѣ этихъ палатъ, языкъ старика вновь развязался.

— Видишь-ли,—сказалъ онъ:—этотъ домъ съ корабликами по бокамъ?

— Вижу, ну?

— Это домъ Апраксина. А за нимъ палаты, вотъ что солнышко играетъ въ окна незамороженныя?

— Не дворецъ-ли ужь?

— Да, славное житье въ немъ, а пуще всего, что тамъ больно тепло. Чай, матушка-государыня ходитъ теперь спустя рукава, или поваливается на пуховикахъ! Уфъ! брръ! экой морозина, такъ и хватаетъ за сердце!

Цыганъ, говоря это, проворно плечами переминалъ и частенько похлопывалъ рукавицами.

— Знаешь-ли,—произнесла съ восторгомъ Маріула, удвоивъ шаги и поднявъ выше голову:—знаешь-ли, что моя Маріорица живетъ вотъ тутъ, въ этомъ дворцѣ?

Старикъ покачалъ головою.

— Да, да, невѣрный, таки живетъ въ этихъ больших каменныхъ палатахъ!... Маріорица княжна... ее ласкаетъ, любитъ сама государыня...

— Не морочитъ-ли ужь кто тебя?

— Поспорь, я тебѣ выцарапаю глаза! Сто человѣкъ мнѣ это сказывали. Спроси любого прохожаго. Всѣ ее любятъ... О! она и сызмала была добрая... А Волынскій?... Кабы это случилось!... Почему-жъ и не такъ? Вѣдь она ему ровнюшка!... Маріорица княжна... Милая Маріорица!... Вася, дурачекъ, миленькій, другъ мой, чтожъ ты не говоришь ничего, глухой?

И глаза цыганки прыгали отъ радости, и щеки ея на морозѣ разгорались. Казалось, она готова была идти плясать на площади.

— Не съ ума-ли ты сошла, моя кукона [1]).

— Правда, есть съ чего рехнуться! Погоди, остановимся-ка противъ дворца.

— Чтобы на насъ опять закричали *слово и дѣло* и посадили въ каменный мѣшокъ.

— Пускай кричатъ, пусть запрячутъ! Не боюсь никого. Видишь, видишь, у одного окна кто-то двигается... можетъ быть она смотритъ... Она, она! Сердце ея почуяло свою мать... Василій! вѣдь она смотритъ на меня? Василій! говори-же...

---

[1]) По-молдавански: госпожа.

— Смотритъ,—сказалъ старикъ, вздохнувъ и качая головой.

— Божье благословенье надъ тобой, дитя мое! Ты во дворцѣ, милая Маріорица, въ теплѣ, въ довольствѣ, а я... Да что мнѣ нужды до того! Тебѣ хорошо, моя душечка, мой розанчикъ, мой херувимчикъ, и мнѣ хорошо; ты счастлива, ты княжна, я счастлива вдвое, я не хочу быть и царицей. Какъ сердце бьется отъ радости, такъ и хочетъ выпрыгнуть!... Знаешь-ли, милочка, дочка моя, дитя мое, что это все я для тебя устроила...

Вотъ къ крыльцу подаютъ двѣ кареты золотыя, всѣ въ стеклахъ, какъ жаръ горятъ. Экой осьмерикъ!... А шоры, видно, изъ кована золота! Знать, сама государыня изволитъ ѣхать, а когда она ѣдетъ, не велятъ стоять на дворцовой площади.

— Побѣжимъ къ крыльцу!

— Воля твоя, наживемъ себѣ петлю, а пуще всего, какъ ты говоришь, погубишь свою...

— Погубишь? Дуракъ! развѣ я не мать? Можетъ статься, Маріорица поѣдетъ... хоть однимъ глазкомъ взгляну...

И цыганка въ нѣсколько прыжковъ у крыльца дворцоваго, и покорный товарищъ за ней, ни живъ, ни мертвъ. Въ другое время палки осыпали-бы ихъ, но было уже поздно...

Появилась государыня Анна Іоанновна среди толпы придворныхъ. По лицу ея, смуглому, рябоватому, но величавому, носилось облако унынія, которое, замѣтно было, силилась она прикрыть улыбкой. Она недомогала, и медики присовѣтовали ей какъ можно болѣе разсѣянія и движенія на свѣжемъ воздухѣ. Теперь

ѣхала она въ манежъ Бирона, гдѣ обыкновенно упражнялась съ полчаса въ верховой ѣздѣ. Ей вздумалось быть тамъ нынѣ, не предваривъ никого, и только едва успѣли придворные послать къ герцогу нарочнаго, увѣдомить его объ этомъ, и двухъ дежурныхъ пажей въ самый манежъ, приготовить тамъ все къ пріѣзду государыни. За нею шло нѣсколько придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ бархатныхъ шубахъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Между этими дамами одна отличалась чудною красотою и собольею островерхою шапочкой, наподобіе сердца, посреди которой алмазная пряжка укрѣпляла три бѣлыя перышка неизвѣстной въ Россіи птицы. Черные локоны, выпадая изъ-подъ шапочки, мѣшались съ соболемъ воротника. Еслибъ встарину досталось описывать ея красоту, наши дѣды молвили-бы просто: «она была такъ хороша, что ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать». Это была молдаванская княжна, Маріорица Лелемико.

Государыня сѣла въ первую карету съ придворною дамою, постарше, въ другую карету вспрыгнула Маріорица, окруженная услугами молодыхъ и старыхъ кавалеровъ. Только-что мелькнула ея гомеопатическая ножка, обутая въ красный сафьянный сапожекъ—и за княжною полѣзла ея подруга, озабоченная своимъ *роброномъ*. Въ это время надо было видѣть въ толпѣ два неподвижные черные глаза, устремленные на молдаванскую княжну; они вонзились въ нее, они ее пожирали: въ этихъ глазахъ былъ цѣлый міръ чувствъ, вся душа, вся жизнь того, кто ими смотрѣлъ; еслибъ они находились среди тмы лицъ, вы тотчасъ замѣтили бы эти глаза; они врѣзались-бы въ ваше сердце, пре-

слѣдовали-бы васъ долго, днемъ и ночью. Это были два глаза *матери*... Оглянувшись изъ кареты, замѣтила ихъ и княжна: она вздрогнула и невольно стиснула руку своей подруги. Кареты двинулись. Раздался въ толпѣ крикъ, глухой, задушенный, скипѣвшійся въ груди... Въ этой-же толпѣ хохотали.

— Что такое?—спрашивали другъ у друга.

— Упала какая-то цыганка, — отвѣчали голоса: — видно, сдавили въ тѣснотѣ... Да палка не свой братъ, сейчасъ подниметъ и умирающаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЕДЯНАЯ СТАТУЯ

Итакъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья,
И неоплаканъ отъ друзей!
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.

„Ивик. Журавли". *Жуковскій.*

Лѣтній дворецъ, Лѣтній садъ—сколько цвѣтущихъ воспоминаній увиваются около этихъ двухъ именъ! Тамъ, говорите вы, въ маленькихъ покояхъ Петръ I созидалъ дѣла великія, которыхъ послѣдствія осѣнятъ и нашихъ потомковъ. Тамъ, подъ тѣнью деревъ, имъ самимъ посаженныхъ, любилъ государь, послѣ заповѣданныхъ трудовыхъ дней, тѣшиться, какъ добрый, простой семьянинъ. Кому также не извѣстно, что этотъ садъ бывалъ сборнымъ мѣстомъ всего Петербурга, когда царь, отъ избытка удовольствія, спѣшилъ сообщить своимъ любезнымъ подданнымъ и дѣтямъ вѣсть объ успѣхѣ важнаго подвига, совершеннаго имъ для блага Россіи? Радость передавалась безусловно; всѣ состоянія въ ней равно участвовали. Ужь и наши прадѣды не любили ломаться на зовъ надежды-государя и угощенія матушки-царицы и великихъ княженъ.

Хмѣльные отъ вина, медовъ и торжества, они не чинилися, тѣмъ болѣе, что, по простому обычаю старины, и самъ державный бывалъ иногда навеселѣ. Всѣ говорили вслухъ о томъ, что было у нихъ на душѣ, потому что въ душѣ ничего не таилось противъ хозяина. Аллеи кипѣли и шумѣли; на скамьяхъ обнимались; въ гротѣ, убранномъ надиво заморскими раковинами, слышались поцѣлуи; водометы плескали, и самыя мраморныя статуи, между перебѣгающими группами, казалось, двигались. На Царицыномъ лугу народъ роился; тамъ деревянный левъ, обремененный сѣдоками, безпрестанно нырялъ въ толпѣ и высоко возносился на воздухъ; покорныя подъ всадниками лошадки и сани съ обнимающимися парами кружились такъ, что глазамъ зрителей было больно. Тутъ-же любопытныхъ допускали смотрѣть въ звѣринцѣ двухъ живыхъ львовъ и слона. Только темная ночь разгоняла пирующихъ. Когда-же государь, распрощавшись съ гостями своими, уходилъ въ двухъ-этажный домикъ, охраняемый любовью народной, онъ могъ слышать какъ провожали его виваты иностранцевъ и благословенія русскихъ.

И вдругъ исчезаетъ на время очарованіе этихъ воспоминаній. Порогъ этого храма переступаетъ Биронъ, поставивъ у входа его сѣкиру. Въ жилищѣ державнаго и вмѣстѣ Великаго святотатственно водворяется онъ, не прикрывъ доблестями душевными рода своего, не скрасивъ славными подвигами своего властолюбія. Наружнымъ величіемъ старается онъ замѣнить истинное: къ маленькому дому сдѣланы огромныя пристройки; блестящій дворъ и гвардія герцога курляндкаго наполняютъ его. Видны вездѣ власть, велико-

лѣніе, фортуна; вездѣ вытягивается временщикъ; но гдѣ сила народной любви? гдѣ человѣкъ народный, вѣковой? Домъ перемѣнилъ хозяина, и все въ немъ и вокругъ его измѣнилось: бывало, походилъ онъ на кордегардію, и его все-таки величали дворцомъ; Биронъ силится сдѣлать его дворцомъ—и онъ смотритъ кордегардіей. Ужасъ царствуетъ вокругъ этого жилища; садъ и въ праздникахъ и въ будни молчаливъ; не нужно отгонять отъ него палкою,—и безъ нея его убѣгаютъ, какъ лабиринта, куда попавшись, попадешься къ минотавру на съѣденіе; кому нужно идти мимо жилища Бирона, тотъ его дальними дорогами обходитъ.

Зимой—именно въ то время, въ которое происходитъ начало дѣйствія нашего романа—зимой, говорю я, садъ съ окованными водами, съ голыми деревьями, этикетно напудренными морозомъ, съ пустыми дорожками, по которымъ жалобно гуляетъ вѣтеръ, съ остовами статуй, безпорядочно окутанныхъ тогами, какъ саванами, — еще живѣе представляетъ ужасъ, царствующій около его владѣльца.

Благодареніе Богу, нечистый духъ выкуренъ изъ этого жилища съ того времени, какъ посѣтилъ его добрый геній дщери Петровой; очарованіе воспоминаній снова окружаетъ маленькій домикъ въ Лѣтнемъ саду.

Но обратимся къ зимѣ 1739—40 года.

Мы не взойдемъ теперь въ жилище Бирона, а перенесемся черезъ Фонтанку въ манежъ его. Онъ расположенъ на берегу въ длинной мазанкѣ съ нѣсколькими осьми-угольными окнами по стѣнамъ и двумя огромными, изъ пестрыхъ изразцовъ, печами на кон-

цахъ. Подлѣ одной печи сдѣлано возвышеніе въ видѣ амфитеатра съ узорочными перильцами и балдахиномъ изъ малиноваго сукна съ золотой бахромой. Подъ балдахиномъ стоятъ кресла съ высокою спинкою, обитыя малиновымъ бархатомъ. У ручекъ вытягиваются два пажика въ высокихъ напудренныхъ парикахъ, съ румяными щечками, какъ два розана, уцѣлѣвшіе подъ хлопьями снѣга, въ блестящихъ французскихъ кафтанахъ, которыхъ полы достаютъ почти до земли, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ огромными пряжками. Повременамъ кладутъ они на перила свои дѣтскія головы въ стариковской прическѣ, какъ-бы высматривая кого-то. Вотъ все, что замѣчательно въ манежѣ. За нимъ, черезъ обширный дворъ, тянутся каменныя великолѣпныя конюшни, въ которыхъ красавицамъ-лошадямъ, выписаннымъ изъ Голштиніи, Англіи и Персіи, тепло и привольно. Какъ ихъ холятъ и нѣжатъ! Люди, ухаживающіе за ними, завидуютъ ихъ житью-бытью. Отъ конюшенъ идетъ каменная ограда до набережной; за оградою нечистый дворикъ и посреди его колодезь съ насосомъ, ручкою для качки воды и жолобомъ, проведеннымъ въ конюшню. Подлѣ самаго колодца дерево почти безъ сучьевъ. На главный дворъ два въѣзда, съ Фонтанки и съ Невы.

Вообразимъ, что мы пришли къ манежу за полчаса до пажей, и посмотримъ, что дѣлается на заднемъ дворикѣ.

Къ дереву крѣпко привязанъ подъ мышки мужчина —высокій, сутуловатый, желтоликій, съ отчаяніемъ въ дикихъ взорахъ; на немъ одна рубашка; босыя ноги оцѣплены. Хохолъ на бритой головѣ изобличаетъ родъ его. Это малороссіянинъ, котораго недоставало

на смотру Волынскаго. Жестокій морозъ хватаетъ жгучими когтями все живое; людямъ тяжело дышать; полетъ птицъ замедляется, и самое солнце, какъ раскаленное ядро, съ трудомъ выдирается изъ морозной мглы. Каково-жъ, въ одеждѣ тропичныхъ странъ, стоять въ снѣгу подъ вліяніемъ такой атмосферы? Однако-жъ малороссіянинъ еще стоитъ—не стонетъ, а только скрежещетъ зубами. Сначала онъ дрожалъ, теперь окаменѣлъ; ноги его горѣли, какъ на раскаленномъ желѣзѣ, теперь онѣмѣли. Противъ него храбрится офицеръ средняго роста, пузастый, съ звѣрскою наружностью, въ медвѣжьей шубѣ. Это адъютантъ герцога курляндскаго, Гроснотъ. По обѣимъ сторонамъ малороссіянина человѣка съ четыре конюховъ

— Обругать его свѣтлость! писать на него доносы! —кричалъ Гроснотъ ломанымъ русскимъ языкомъ и сиплымъ отъ досады голосомъ, остря кулаки на свою жертву. — Знаешь-ли, съ кѣмъ тягаешься?... Мы всчешемъ тебѣ хохолъ курляндскою гребеночкой; мы собьемъ съ тебя панскую спѣсь, поганый Мазепа!

Малороссіянинъ глубоко вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Что? морозъ не уговариваетъ-ли тебя? Скажешь-ли, гдѣ бумаги?

— Ни!—произнесъ твердо малороссіянинъ.

— Посмотримъ! Гей, ребята! ушатъ съ водою!— закричалъ адъютантъ.

Разомъ накачали конюхи воды въ ушатъ. Лицо малороссіянина исковеркали судороги; потомъ глаза его налились кровью и впились въ своего мучителя.

Гроснотъ тряхнулъ головой, какъ-бы для того,

чтобы избавиться отъ неподвижнаго взгляда своего мученика, и далъ приказъ двумъ конюхамъ стать на скамейку, приготовленную у дерева, и поднять туда-жъ ушатъ съ водой.

— Скажешь-ли, куда дѣвалъ доносъ? — спросилъ онъ.

— Передалъ Богу,—былъ отвѣтъ.

— Окатите-жъ его!

И ушатъ воды вылитъ на голову несчастнаго.

Облако пара обхватило его, но скоро исчезло, подрѣзанное морозомъ. Хохолъ его унизался бусами, темя задымилось; рубашка стала на немь какъ бумага картонная.

— Го, го, го!—застоналъ малороссіянинъ въ этомъ жесткомъ мѣшкѣ, собравъ послѣднія силы: — дойдетъ бумага до императрицы, хоть сгину... Скажи своей... бѣсовой собацѣ... Богъ отплат... брръ...

— Еще ушатъ и еще! Удвоить порцію!—заревѣлъ адъютантъ.

Другой ушатъ воды обдалъ мученика съ ногъ до головы. На этотъ разъ рубашка покрылась чешуей, и струи, превратясь будто въ битое стекло, разсыпались съ трескомъ по снѣгу.

Послѣ третьяго ушата хохолъ повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька, черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слиплись, руки приросли къ туловищу, вся фигура облачилась въ серебряную мантію съ пышными сборами; мало-по-малу ноги пустили отъ собя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ сѣткою лопалась ледяная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушатъ воды надъ головою, и

малороссіянинъ сталъ одной неподвижной, мертвой глыбой.

— Государыня будетъ скоро въ манежъ! — закричали на дворѣ,—вотъ и пажи пріѣхали.

— Лей, лей проворнѣе! а то мнѣ и вамъ бѣда! — командовалъ испуганный адъютантъ.

Еще два-три ушата, и нельзя было признать человѣка подъ ледяною, безобразною статуей. Она стала на стражѣ колодца. Солнце, выплывъ изъ морозной мглы, вспыхнуло на мигъ, какъ будто негодуя на совершенное злодѣяніе, и опять скрылось во мглѣ.

— Государыня ѣдетъ!—закричали опять на дворѣ.

Гроснотъ возвратился въ манежъ, будто ни въ чемъ не бывало, а исполнители его подвига въ конюшню.

Государыня любила верховую ѣзду и была въ ней очень искусна. Нынѣшній-же разъ, чувствуя себя слабою, сдѣлала только два-три вольта, сошла съ лошади, сѣла на кресла подъ балдахиномъ, окруженная своею свитой, и съ высоты любовалась мастерскою ѣздою Бирона, статнаго, довольно красиваго, хотя жестокость его прокрадывалась повременамъ сквозь глаза и вырѣзывалась непріятнымъ сгибомъ на концахъ губъ. Онъ былъ въ свѣтло-голубомъ бархатномъ кафтанѣ. На лошади подъ нимъ, изабеллова цвѣта, блисталъ чепракъ, облитый золотомъ и украшенный по мѣстамъ шифромъ государыни изъ бирюзы; крупные-же бирюзовые каменья вдѣланы были въ уздечку. Герцогъ подъѣхалъ, наконецъ, къ возвышенію, гдѣ находилась императрица, и, скинувъ передъ ней шляпу, поникнувъ нѣсколько головой, ждалъ себѣ лестной награды. Государыня встала съ своего мѣста, подошла къ периламъ, привѣтствовала всадника улыбкой, ласкала

рукою прелестное животное, на которомъ сидѣлъ Биронъ, и которое положило свою голову на перила, какъ-бы ожидая и себѣ вниманія царицы. Разныя нѣжныя имена были даны любимицѣ Бирона, названной имъ брилліантомъ его конюшни; красавица, казалось, отъ удовольствія била землю копытомъ. Велѣно было принесть кусокъ хлѣба, который и схватила она осторожно изъ нѣжныхъ рукъ. Придворныя дамы любовались этою сценою; вся душа пажиковъ была въ глазахъ ихъ, сверкающихъ отъ радости; одна Маріорица не заботилась о томъ, что дѣлалось около нея, и часто обращалась взорами ко входу въ манежъ.

— Ѣдемъ, — сказала, наконецъ, Анна Іоанновна, кивнувъ благосклонно Бирону, и онъ, соскочивъ съ лошади, оставшейся какъ-бы вкопанною на своемъ мѣстѣ, свелъ государыню съ возвышенія.

У входа въ манежъ тряслись на морозѣ Гроснотъ и *нѣчто*, въ розовомъ, атласномъ кафтанѣ, которое можно было-бъ изобразить надутымъ шаромъ съ двумя толстыми подставками въ видѣ ногъ и съ надставкою въ видѣ толстой, лысой головы, о которую разбилась-бы черепаха, упавъ съ высоты. Въ этой головѣ было пусто; не думаю, чтобы сыскалось сердце и въ туловищѣ, если-бы анатомировали это *нѣчто;* за-то оно ежедневно начинялось яствами и питьями, которыхъ достало-бы для пятерыхъ ѣдоковъ. Это *нѣчто* была трещотка, ветошка, плевальный ящикъ Бирона. Во всякое время носилось оно, вблизи или вдали, за своимъ владыкою. Лишь только герцогъ продиралъ глаза, вы могли видѣть это огромное *нѣчто* въ пріемной залѣ его свѣтлости смиренно сидящимъ у дверей прихожей на стулѣ; повременамъ *оно* вставало на цы-

почки, пробиралось къ двери ближайшей комнаты такъ тихо, что можно было въ это время услышать паденіе булавки на полъ, прикладывало ухо къ замочной щели ближайшей комнаты, и опять со страхомъ и трепетомъ возвращалось на цыпочкахъ къ своему дежурному стулу. Если герцогъ кашлялъ, то *оно* тряслось, какъ осенній листъ. Когда-же на ночь камердинеръ герцога выносилъ изъ спальни его платье, *нѣчто* вставало съ своего стула, жало руку камердинеру и осторожно, неся всю тяжесть своего огромнаго туловища въ груди своей, чтобы не сдѣлать имъ шуму по паркету, выползало или выкатывалось изъ дому и нерѣдко еще на улицѣ тосковало отъ сомнѣнія, заснула-ли его свѣтлость и не потребовала-бы къ себѣ, чтобы надъ нимъ пошутить. Вы могли видѣть *нѣчто* у входовъ верхняго совѣта, сената, дворца и даже тайной канцеляріи, когда въ нихъ находилась его свѣтлость, на всѣхъ церемоніалахъ, ходахъ, пиршествахъ и особенно жирныхъ обѣдахъ, гдѣ только обрѣталась его свѣтлость. Этотъ кусокъ мяса, на которомъ Творцу угодно было начертать человѣческій образъ, это существо именовалось Кульковскимъ. Высочайшее его благо, высшая пища его духа или пара животнаго, заключалось въ томъ, чтобы находиться при первомъ человѣкѣ въ имперіи. Въ царствованіе Екатерины онъ находился *при* Меншиковѣ, въ царствованіе Петра II — *при* Долгорукомъ, нынѣ же — *при* Биронѣ. Такъ переходилъ онъ отъ одного перваго человѣка въ государствѣ къ другому, не возбуждая ни въ комъ опасенія насчетъ свой и ненависти къ себѣ, во всякое время, при всѣхъ перемѣнахъ, счастливый, довольный своей судьбой. Гдѣ былъ временщикъ, тамъ и

Кульковскій; привыкли говорить, что «гдѣ Кульковскій, тамъ и временщикъ». Сдѣлаться необходимою вещью, хоть плевальницею этого, вотъ въ чемъ заключалась цѣль его помышленій и вѣнецъ его жизни. И онъ достигъ этой цѣли: отъ привычки видѣть каждый день тоже безстрастное, спокойное, покорное лицо, Биронъ скучалъ, когда занемогалъ Кульковскій. Всякое утро и вечеръ первый человѣкъ въ имперіи привѣтствовалъ его улыбкой, иногда и гримасой, которая всегда принималась за многоцѣнную монету; а если герцогъ въ добрый часъ расшучивался, то удостоивалъ выщипать изъ немногихъ волосъ Кульковскаго два-три сѣдыхъ волоса, которыхъ у него еще не было. Знакъ этой милости, несмотря на боль, особенно радовалъ его. Для поощренія-жъ къ дальнѣйшему ревностному служенію, иногда поручали Кульковскому повѣстить о наградѣ или немилости, ниспосылаемыхъ герцогомъ. Кромѣ этого, во всю жизнь его давали ему, еще при Екатеринѣ, одно важное порученіе въ Италію; но онъ, исполнивъ его весьма дурно, возвратился оттуда католикомъ. И вѣру свою перемѣнилъ онъ отъ желанія угодить первому человѣку въ Римѣ, то-есть папѣ, котораго туфли удостоился поцѣловать за этотъ подвигъ. О ренегатствѣ его, скрываемомъ имъ въ Петербургѣ, только недавно узнала государыня, и искала случая наказать его за этотъ поступокъ, не какъ члена благоустроеннаго общества, а какъ получеловѣка, какъ шута. Надо, однакожъ, присовокупить, что онъ имѣлъ достоинство молчать обо всемъ, что дѣлалось въ глазахъ его и о чемъ не приказано ему было говорить, хотя-бъ то было о прыщикѣ, сѣвшемъ на носу его свѣтлости.

Когда государыня, у входа въ манежъ, замѣтила Кульковскаго, она улыбнулась; молдаванская княжна, взглянувъ на него, едва не захохотала. Сѣли въ карету. Велѣно ѣхать на набережную Невы. Экипажъ поровнялся съ оградою дворика: тутъ Анна Іоанновна, по какому-то внутреннему побужденію, обернулась направо, и въ глаза ея блеснула подъ лучемъ полуденнаго солнца ледяная статуя. Государыня приказала остановить карету и, подозвавъ къ себѣ герцога, ѣхавшаго за нею въ саняхъ, спросила его.

— Что за ледяная фигура видна на маленькомъ дворѣ?

Кликнули Гроснота.

— Что такое? — угрюмо спросилъ герцогъ своего адъютанта, указывая на дворикъ.

Въ этомъ вопросѣ подразумѣвалось: «дуракъ! что ты сдѣлалъ?»

Гроснотъ не смутясь отвѣчалъ:

— Конюхи вашей свѣтлости вылили для забавы ледяную статую.

Отвѣтъ былъ услышанъ государынею.

— Этотъ случай,—сказала она ласково Бирону,— даетъ мнѣ мысль построить ледяной дворецъ съ разными фигурами.

— Какъ то было при его величествѣ, блаженной памяти, — прервалъ герцогъ.

— Съ бо́льшими затѣями, если можно. Да, кстати, мнѣ хотѣлось проучить Кульковскаго, чтобы онъ впередъ не цѣловалъ у папы туфлей. Сколько ему лѣтъ?

— Съ прошлаго мѣсяца онъ начинаетъ другой полвѣка.

— Мы женимъ его и сыграемъ свадьбу въ ледя-

номъ дворцѣ. Объявите ему также, что я жалую его въ пажи къ моему двору. Какъ это лучше устроить, мы поговоримъ въ теплѣ.

Съ послѣднимъ словомъ императрицы карета тронулась, облѣпленная по бокамъ дверецъ гайдуками, а сзади двумя турками. Пятидесятилѣтнему Кульковскому велѣно явиться ко двору въ должность пажа и искать себѣ невѣсты: надо было нити его жизни пройти сквозь эту иголку, и онъ выслушалъ свой приговоръ съ героическою твердостью, несмотря на поздравленія насмѣшниковъ-пажей, просящихъ его, какъ товарища, не лишить ихъ своей дружбы.

Скоро манежъ и дворъ опустѣли, и подъ вечеръ ледяная статуя отвезена... куда—вы узнаете послѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФАТАЛИЗМЪ

Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.

«Гречанкѣ». *Пушкинъ.*

Волынскій лежалъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ. Онъ рѣшился цѣлый день не выѣзжать и сказался больнымъ, ожидая возвращенія Зуды, котораго послалъ отыскивать слѣды пропавшаго малороссіянина. Этотъ малороссіянинъ былъ для него тяжелая загадка.

Грудь его разрывалась отъ досады, когда онъ помышлялъ, что властолюбіе Бирона, шагая по трупамъ своихъ жертвъ, заносило уже ногу на высшую степень въ Россіи. Герцогъ имѣлъ свой дворъ, свою гвардію; иные, будто ошибкой, титуловали его высочествомъ, и онъ не сердился за эту ошибку; считали даже милостью допускъ къ его рукѣ; императрица, хотя выѣзжала и занималась дѣлами, примѣтно гасла день-ото-дня, и любимецъ ея очищалъ уже себѣ мѣсто правителя.

— Жду случая свергнуть его, думалъ Волынскій: жду перемѣны къ нему государыни; а когда этотъ случай настанетъ?

Къ этимъ мучительнымъ мыслямъ присоединилось и чувство, столько-же, если не болѣе, мучительное. Женатый, онъ любилъ...

Какая-же несчастная была предметомъ этой любви?

Восемнадцати лѣтъ княжна Маріорица Лелемико испытала уже такъ много превратностей, что можно-бы было наполнить ими долголѣтнюю романическую жизнь.

Съ малолѣтства лишившись отца и матери, на пепелищѣ дома, разграбленнаго и сожженнаго янычарами, Маріорица досталась въ удѣлъ хотинскому пашѣ. Онъ готовилъ ее для собственнаго гарема, но пока плѣнница росла вмѣстѣ съ своими прелестями, старость предупредила его замыслы. Тогда честолюбіе замѣнило въ немъ всѣ прочія страсти, и хотя онъ съ помощію скамейки садился на лошадь, но все еще мѣтилъ въ сераскиры, или, по крайней мѣрѣ, въ трехбунчужные. Мысль угодить повелителю правовѣрныхъ, подаривъ ему диковинную красоту, блеснула въ его головѣ, и съ того времени смотрѣлъ онъ на княжну какъ на лучшее украшеніе султанскаго гарема, какъ на будущую свою владычицу и покровительницу. Онъ видѣлъ уже въ ней любимую султаншу, а себя однимъ изъ первыхъ сановниковъ подъ луною. Дочь нельзя болѣе нѣжить и утѣшать, какъ онъ нѣжилъ и утѣшалъ ее. Піастры сыпались иностранцамъ, чтобы развить въ ней всѣ дарованія, способныя обворожить падишаха. И старикъ могъ разсчитывать вѣрно, судя по наружнымъ и душевнымъ ея прелестямъ. Когда

Маріорица, разбросавъ черный шелкъ своихъ кудрей по обнаженнымъ плечамъ, летала съ тамбуриномъ въ рукахъ и вдругъ бросала на своего опекуна молніеносные, сожигающіе взоры, или, усталая, останавливала на немъ черные глаза свои, увлаженные нѣгою, избыткомъ сердечнымъ, какъ-бы просящіе, жаждущіе отвѣта; когда полураскрытые уста ея манили поцѣлуй—тогда и у старика поворачивалась вся внутренность. Онъ вздыхалъ, очень тяжело вздыхалъ, и готовъ-бы былъ отдать свой Хотинъ, свою бороду и всѣ прошедшія и будущія милости падишаха за нѣсколько минутъ давно прошедшей молодости. Оканчивалось тѣмъ, что онъ обращался мысленно къ пророку, а тамъ снова къ мечтамъ честолюбія. Иногда только, когда вкушалъ соку плода, запрещеннаго кораномъ, онъ приходилъ къ своей плѣнницѣ и осмѣливался коснуться устами своими прекрасной ножки ея, приложивъ напередъ, въ знакъ почтительности, правую руку къ чалмѣ, а лѣвою подобравъ свою бороду. И шалунья изъ прихоти допускала его къ этой милости; а куда не простирается прихоть женщины? Ей было весело, что борода паши, довольно пушистая, щекотала ея нѣжную, пышную ножку. Случалось и то въ подобныхъ изъявленіяхъ особеннаго ея благоволенія, что шаловливая ножка, будто ненарочно, сваливая чалму съ головы старика, обнажала такимъ образомъ огромную, сіяющую лысину. Княжна при видѣ ея смѣялась до слезъ и позволяла ему за это удовольствіе подремать на ея колѣнахъ. Впрочемъ, она любила пашу, какъ благодѣтеля своего, какъ родственника, и умѣла это изъяснять ему даже въ своихъ дѣтскихъ шалостяхъ.

Маріорицѣ даны были учителя, какихъ она только вздумала имѣть. Она танцовала, какъ мы ужь сказали, съ такою ловкостію, что приводила въ изступленіе и старика, и играла на гитарѣ съ большою пріятностью. А какъ ея учительница танцованія и музыки была француженка, то она въ скоромъ времени выучилась говорить и писать на этомъ языкѣ съ большою легкостію. Отъ христіанской вѣры, въ которой она родилась, остались у ней тайныя понятія и золотой крестъ на груди. Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ къ ней, она не помнила; только не забыла, что женщина, которая вынесла ее изъ пожарища, когда горѣлъ отцовскій домъ, строго наказывала ей никогда не покидать святого знаменія Христа и, какъ она говорила, «благословенія отцовскаго». Эта самая женщина продала ее хотинскому пашѣ. Француженка, узнавъ, что Маріорица родилась христіанкою, старалась, бесѣдами на языкѣ, непонятномъ для черныхъ стражей, ознакомить ученицу свою съ главными догматами своей вѣры Отъ этого ученія и гаремнаго воспитанія ея сочетались въ душѣ Маріорицы, пламенной, мечтательной, и фатализмъ магометанскій и мистицизмъ христіанскій, такъ что въ небѣ, созданномъ ею, обитали и чистѣйшіе духи и обольстительныя дѣвы пророка, а на землѣ всѣ дѣйствія человѣка подчинялись предопредѣленію.

Старый паша любилъ ее сначала, какъ будущій предметъ своихъ удовольствій, потомъ какъ средство достигнуть честей, и, наконецъ, какъ дочь. Онъ избавлялъ ее отъ дѣланія шербета, конфектъ и другихъ трудовъ домашнихъ, сносилъ ея прихоти и капризы, лелѣялъ ее и берегъ, какъ дорогую жемчужину, на которую обладатель ея боится дышать, чтобы не по-

темнить ея красоты. Прислуга, стоокая отъ боязни наказанія, стерегла ее денно и ночно. Ни одинъ взглядъ молодого мужчины не перелистывалъ еще ея дѣвственныхъ прелестей, этой роскошной поэмы, въ которой могъ-бы зачитаться и самъ небожитель, какъ нѣкогда пустынникъ заслушался пѣночки на цѣлое столѣтіе. Пришла пора везти Маріорицу ко двору верховнаго владыки, и паша задумывался и откладывалъ отъѣздъ. Самыя мечты честолюбія не радовали его. Настало, однакожъ, время имъ разстаться, но, по волѣ судьбы или предопредѣленія—такъ называла ее Маріорица,—загорѣлась война между Турціей и Россіей, и въ губернаторы хотинскіе назначенъ сынъ опекуна, извѣстный подъ именемъ знаменитаго Калчанъ-паши. Съ того времени старикъ возненавидѣлъ тайно султана и явно своего преемника, хотя единокровнаго, и поклялся скорѣй передать свои сокровища, въ томъ числѣ и воспитанницу, невѣрнымъ, собакамъ-христіанамъ, нежели тѣмъ, которые такъ жестоко оскорбили его старость и долголѣтнюю службу. Тутъ грянула ставучинская битва, столь славная для русскаго оружія, какъ будто нарочно для того, чтобъ выполнить клятву старика; ибо вслѣдъ затѣмъ Хотинъ былъ сданъ русскимъ, а прекрасная Маріорица съ богатствами двухъ пашей, отца и сына, въ числѣ слишкомъ 2,000 человѣкъ обоего пола, досталась въ добычу побѣдителей. Ея воспитатель самъ представилъ ее Миниху какъ молдаванскую княжну и поручилъ милостямъ государыни. Участь княжны, попавшейся къ невѣрнымъ псамъ-магометанамъ, тронула военачальника. Онъ взялъ ее подъ особенное свое покровительство, и съ офицеромъ (старымъ, израненнымъ)

послалъ, отдѣльно отъ другихъ плѣнниковъ, въ Петербургъ, описавъ ея чудесную исторію, какъ самъ слышалъ, государынѣ.

При дворѣ и знати была тогда мода на калмыковъ и калмычекъ не менѣе бѣшеная, какъ на дураковъ, шутовъ и сказочниковъ обоего пола и разнаго состоянія, начиная отъ крѣпостныхъ до князей. Съ жадностью доставали дѣтей азіатской породы, какъ дорогую собачку или лошадь, и не одинъ супругъ пострадалъ отъ холодности своей половины, если не могъ подарить ей въ годовой праздникъ восточнаго уродца. Калмыковъ этихъ приводили *въ вѣру крещеную*, лелѣяли, клали спать съ собою въ одной спальнѣ и выводили *въ люди*, то есть въ офицеры, или выдавали замужъ за офицеровъ съ богатымъ приданымъ, часто на счетъ и къ невыгодѣ родныхъ дѣтей. Судите послѣ этого, какую-же суматоху долженъ былъ произвесть въ Петербургѣ пріѣздъ Маріорицы. Романическая ея жизнь, ея красота, ея родъ и отечество вскружили всѣмъ голову до того, что, если-бъ можно было, каждая знатная госпожа не пожалѣла-бы дать половину своего имѣнія, чтобы имѣть при себѣ молдаванскую княжну. Нынѣ въ изступленіи говорятъ: «ah! j'enrage, ma chère, что не могу имѣть къ вечеру NN райской птички». Тогда говорили вздыхая: «Ахъ! мать моя, каковъ этотъ иностранный нѣмецъ Минихъ, прислалъ сюда только одну молдаванскую княжну, а, сказываютъ наши, полонилъ ихъ тысячу, да отослалъ къ своимъ, въ нѣмецкую землю—ну съѣла-бы его зубами!»

Сама государыня была въ восхищеніи отъ Маріорицы, помѣстила ее въ ближайшей отъ себя комнатѣ между своими гофъ-дѣвицами, нарядила въ полуна-

ціональную, полурусскую одежду, какъ можно богаче, и въ учители русскаго языка выбрала для нея служащаго при с.-петербургской академіи *де сіянсъ*, Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Этотъ вельми ученый мужъ какихъ языковъ не зналъ! На французскомъ писалъ онъ стихи едва-ли не лучше, нежели на русскомъ; изъ Фенелонова «Телемака» возсоздалъ знаменитую «Телемахиду», съ цитатами греческими, латинскими и проч., и въ два пріема исчерпалъ весь геній Ролленя, своего учителя. И потому онъ долженъ былъ служить Маріорицѣ, посредствомъ французскаго языка, проводникомъ къ познанію русскаго. Обладая способностями необыкновенными и побуждаемая къ изученію силою внутреннею, творящею чудеса, она въ нѣсколько мѣсяцевъ могла свободно изъясняться и на этомъ языкѣ.

Маріорица не успѣла еще образумиться отъ зрѣлища новыхъ и странныхъ предметовъ, поразившихъ ее при дворѣ русскомъ, отъ новой своей жизни, ни въ чемъ не сходной съ той, которую вела въ гаремѣ хотинскаго паши, и успѣла уже подъ знамя своей красоты навербовать легіонъ поклонниковъ. Лесть мужчинъ, ихъ услужливое вниманіе, преслѣдовали ее до того, что стали ей приторны; старухи, у которыхъ не было дочекъ, называли ее ненаглядною; молодыя— говорили, что онѣ отъ нея безъ ума, наружно ласкали ее, какъ любимую игрушку, какъ любимицу государыни, но втайнѣ ей завидовали. Такъ ведется со временъ двухъ первыхъ братьевъ!

Года, кажется, за два до пріѣзда ея въ Петербургъ, когда русскіе уполномоченные въ Немировѣ [1]) вели пе-

---

[1]) Польское мѣстечко, пограничное съ турецкими владѣніями.

реговоры съ турками, старый паша, ея воспитатель, въ шутку говорилъ, что если Маріорица не любитъ его, онъ уступитъ ее русскому послу Волынскому, о которомъ слава прошла тогда до Хотина.—«А молодъ-ли онъ? хорошъ-ли онъ?» — шутя спрашивала Маріорица своего воспитателя. И чтожъ? По странному стеченію обстоятельствъ, этотъ самый Волынскій, когда она, по пріѣздѣ въ Петербургъ, остановилась въ отведенной ей квартирѣ, былъ первый изъ придворныхъ, который ее встрѣтилъ и отъ имени государыни поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Увидѣть мужчину ловкаго, статнаго, красиваго, съ глазами, проницающими насквозь сердца, съ черными кудрями, свободно падающими на плеча (Волынскій рѣдко пудрился), и сдѣлать сравненіе съ нимъ и турецкимъ длиннобородымъ козломъ, или чернымъ евнухомъ, значило, съ перваго приступа, склонить оружіе. При кабинетъ-министрѣ, не знавшемъ иностранныхъ языковъ, находился тогда переводчикъ, вовсе нелюбезный и непривлекательный. Лицо круглое, какъ мапемонда, синеватое, задавленное маслянымъ галстухомъ, на которомъ покоился тучный, двумя ступенями, подбородокъ; бородавка на лѣвой щекѣ, умильно-важная физіономія, крутой сіяющій лобъ, вдѣланный въ мучной насаленный окладъ съ двумя мучными-же мортирами по бокамъ и чернымъ кошелькомъ назади—однимъ словомъ, это все былъ *самъ* Василій Кирилловичъ Тредьяковскій. «Жаль, думала Маріорица, что этотъ дурной, а не этотъ пригожій мужчина долженъ со мною объясняться». Волынскому некогда было думать: увлеченный красотою молдаванки, онъ спѣшилъ выражаться краснорѣчивымъ подлинникомъ взоровъ и—словами черезъ своего толмача. Слова

эти дышали теплотою востока и, благодаря вѣрности перевода, щекотали сердце неопытной дѣвушки, приводили ее въ какое-то смущеніе, ей доселѣ невѣдомое. Маріорица хотѣла знать фамилію посланнаго къ ней отъ императрицы.

При имени Волынскаго княжна затрепетала. Фатализмъ, которымъ она съ малолѣтства была напитана, сказалъ ей, что это самый *тотъ*, неизбѣжимый ею, суженый ею рокомъ, что она ведена съ пепелища отцовскаго дома въ Хотинъ и оттуда въ страну, о которой и не мыслила никогда, потому единственно, что еще при рожденіи назначено ей любить русскаго, именно Волынскаго.

Прибавьте къ этому пламенное воображеніе и кипучую кровь, весь этотъ человѣческій волканизмъ съ одной стороны,—съ другой, примѣшайте вкрадчивую любезность, умъ, страсть въ каждомъ движеніи и звукѣ голоса, и рецептъ любви готовъ. Маленькій докторъ, въ блондиновомъ паричкѣ и съ двумя крылышками за плечами, попавъ разъ къ такимъ паціентамъ, то и дѣло посѣщаетъ ихъ, и каждый разъ, очинивши исправно свое перо, пишетъ на сигнатуркѣ: repetatur, *прибавить того, усилить сего.*

Волынскій вышелъ отъ молдаванской княжны въ какомъ-то чаду сердечномъ, видѣлъ только по дорогѣ своей два глаза, блестящіе, какъ оточенный гранатъ, какъ двѣ черныя вишни; видѣлъ розовыя губки—о! для нихъ хотѣлъ-бы онъ превратиться въ пчелу, чтобы впиться въ нихъ—видѣлъ только ихъ, отвѣчалъ невпопадъ своему переводчику, или вовсе не отвѣчалъ, грезилъ, мечталъ, забывалъ политику, дворъ, Бирона, друзей, жену... Въ его головѣ и сердцѣ все было

эдемъ, восторги, райскія минуты, за которыхъ не взялъ-бы вѣковъ; все было *я* и *она!* А препятствія? Ихъ не существовало, ихъ не могло существовать: дѣвушка такъ неопытна, воспитана въ гаремѣ, готовлена для гарема; по глазамъ ея видно, что у ней въ жилахъ не кровь, а огонь... жена еще не скоро пріѣдетъ изъ Москвы: можно найдти и средства задержать ее... кабы умерла? (да, и эта преступная мысль приходила ему въ голову!...) остальное докончитъ искусство, притворная и, можетъ статься, истинная страсть.

И вотъ княжна Лелемико во дворцѣ. Сама государыня заботится доставить ей покой, пріятности всякаго рода, показываетъ ей свой Петербургъ, свое войско, учреждаетъ для нея игры, праздники, балы и, привыкшая видѣть около себя притворство и лесть, утѣшается, какъ чистосердечно, простодушно, чувствительно дитя полуденной природы, какъ все новое занимаетъ ее и утѣшаетъ. И Маріорица почти вездѣ за государыней и вездѣ видитъ Волынскаго, и скоро едва-ли не одного неизбѣжнаго Волынскаго. Всѣ молодые мужчины кажутся ей куклами, попугаями, существами бездушными. Сначала онъ не можетъ говорить ей о своей любви, но при каждомъ свиданіи взорами своими волнуетъ ея душу, такъ что ея душа, кажется, бѣжитъ вонъ изъ тѣла. Нерѣдко танцуетъ онъ съ нею (она выучилась уже европейскимъ танцамъ). Пожатіе руки его проникнуло тонкимъ ядомъ все ея существо; она смущена новымъ для нея ощущеніемъ, хочетъ отнять руку, и не отнимаетъ... Въ другой день, на другое пожатіе она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же... и ей кажется въ эту минуту, что земля

и небо готовы передъ ней и надъ ней раскрыться. Эпоха сладостная для влюбленныхъ! Они не забываютъ ея ни въ будущихъ сильнѣйшихъ восторгахъ, ни въ мукахъ любви. Возвратясь въ свою спальню, она горѣла вся въ огнѣ, и заснула въ обворожительныхъ мечтахъ.

Къ учителю русскаго языка летали отъ Волынскаго перстеньки, табакерки, и подвигалась каѳедра элоквенціи въ академіи *де сіянсъ*, и потому можно судить, что онъ дѣйствовалъ по точной инструкціи кабинетъ-министра. Первыя слова, которыя ученица затвердила, были: *милый другъ! люблю тебя!* Какъ сладко, какъ обворожительно выговаривала она эти слова! Въ слово *милый* она вставляла *р*, отчего произносила *мирлый;* но эта ошибка придавала ему какую-то особенную прелесть въ устахъ ея. И самъ Василій Кирилловичъ, слушая первый выученный урокъ, почесывалъ свое темя, какъ будто у него подъ черепомъ что-то жгло. Ни при комъ не произносила Маріорица этихъ словъ, какъ при Тредьяковскомъ, догадываясь, что онъ перенесетъ ихъ на крыльяхъ своего усердія Артемію Петровичу. Лекціи русскаго языка проходили часто между учителемъ въ разговорахъ о кабинетъ-министрѣ, котораго благородство, щедрость, чувствительность превозносились до небесъ. Разумѣется, учителю строго запрещено было упоминать о томъ, что Артемій Петровичъ женатъ: это выполнялось свято. А дѣвушкѣ и не приходила въ голову мысль, что тотъ, кто ее любитъ, могъ имѣть неразрывныя связи съ другой, что любовь его преступна. Разумѣется, и княжна умоляла Василія Кирилловича не сказывать Волынскому, что она иногда говоритъ о немъ: учитель обѣщалъ, но

былъ вѣренъ своему слову только до первой встрѣчи съ покровителемъ. Вскорѣ могла она сама понимать по-русски вкрадчиво-нѣжныя выраженія Артемія Петровича, выраженія, тѣмъ болѣе опасныя, что они были новы для нея, какъ сама любовь.

Можно догадаться, что при такихъ обстоятельствахъ любовь бѣжитъ огнемъ по пороховой дорожкѣ. И чтожъ? Во всемъ этомъ, какъ вы видите, былъ виноватъ фатализмъ.

Далѣе... Не все-же вдругъ сказывается: дайте мнѣ, какъ жаворонку, завести мою пѣснь отъ земли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАИНСТВЕННОЕ ПОСЛАНІЕ

Скажи, въ чемъ тутъ есть главное умѣнье? —
Въ томъ,—отвѣчалъ сосѣдъ, —
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.

Крыловъ

Побѣда, смерть-ли? будь что будетъ,
Лишь-бы не стыдъ!

Языковъ.

Итакъ Волынскій лежалъ вечеромъ на диванѣ, въ своемъ кабинетѣ, волнуемый двумя чувствами, любовью къ Маріорицѣ и ненавистью къ Бирону. Мечты его нарушены приходомъ араба, который и подалъ ему пакетъ отъ герцога. Кабинетъ-министръ нѣсколько встревожился, ибо такого рода посылки сопровождались или чрезвычайною милостью, или какою-нибудь грозой. Онъ сорвалъ печать и, къ удивленію своему, нашелъ въ пакетѣ еще другой запечатанный, съ надписью руки самого Бирона, и бумагу въ листъ, просто сложенную. Полагая, что это какой-нибудь документъ, онъ поспѣшилъ распечатать письмо и прочесть его прежде.

Герцогъ дружески сожалѣлъ о нездоровьѣ Артемія Петровича, присовокуплялъ, что онъ безъ него какъ безъ рукъ; что ея величество изволила объ немъ съ большимъ участіемъ провѣдывать и, въ доказательство своей къ нему милости, назначила ему въ награду 20,000 рублей по случаю мира, заключеннаго съ турками.

— А!—сказалъ про себя Волынскій, оставивъ на минуту чтеніе письма,—временщикъ думаетъ купить меня этимъ извѣстіемъ, но ошибается! Чтобы ни было, не продамъ выгодъ своего отечества ни за какія награды и милости!

Спрашивали также въ письмѣ, какъ идутъ приготовленія къ извѣстному празднику, и увѣдомляли, что государынѣ угодно сдѣлать прибавленіе къ нему построеніемъ ледяного дворца, гдѣ будетъ праздноваться и свадьба Кульковскаго, для котораго уже и невѣсту ищутъ. Ея величеству желательно, чтобы и устройствомъ ледяного дома занялся также Артемій Петровичъ. Рисунокъ обѣщано прислать завтра, чѣмъ свѣтъ.

Волынскаго, знакомаго съ макіавелизмомъ Бирона, не удивило ни дружеское содержаніе письма, ни предложеніе новыхъ занятій—послѣднее онъ уже напередъ отгадывалъ—но изумило его то, что въ посланіи его свѣтлости ни слова о приложенной бумагѣ.

«Вамъ угодно было знать»,—писали въ ней рукой незнакомой и почеркомъ весьма поспѣшнымъ,—«куда дѣвался малороссіянинъ, не явившійся нынѣ къ вамъ на смотръ. Исполняю не только это желаніе, но и обнаруживаю вамъ обстоятельства, скрытыя для васъ донынѣ. Плачу тѣмъ дань не званію и богатству вашему, не видамъ какимъ-либо, но высокому достоин-

ству человѣка, которое въ васъ нашелъ. Давно уже благородная ваша душа привязала меня къ вамъ. Не старайтесь узнавать, кто я: вы, можетъ быть, погубите меня тѣмъ, а себя лишите важнаго помощника въ борьбѣ съ сильнымъ временщикомъ. Его шпіоны окружаютъ васъ вездѣ; вы имѣете ихъ у себя дома. Они слѣдятъ всѣ ваши слова, поступки, движенія, доставляютъ оберъ-гофъ-комисару Липману, главному шпіону, свѣдѣнія обо всемъ, что у васъ дѣлается, говорится, и о всѣхъ, кто у васъ бываетъ. Ваши друзья уже на замѣчаніи. Извѣстно, что вы составляете заговоръ противъ его свѣтлости. Я не могъ еще добраться, кто именно изъ вашихъ домашнихъ передаетъ эти свѣдѣнія.

«По содержанію моего письма вы догадываетесь, что я очень близокъ къ его свѣтлости. Повторяю, не старайтесь доискиваться меня. Настанетъ время—самъ откроюсь. Знайте только, что я иностранецъ, но, ущедренный Россіею, я нашелъ въ ней свое второе отечество и хочу служить ей, какъ истинный сынъ ея. Мнѣ больно видѣть каждый день, что всѣ мысли, всѣ чувства и поступки Бирона вертятся кругомъ одной его особы, что онъ живетъ только для своего лица, а не для славы и блага Россіи. Страна эта потому только не совсѣмъ ему чужда, что онъ считаетъ ее своей оброчницей. Боже! какъ онъ трактуетъ русскихъ!... Чуждаясь ихъ языка и обычаевъ, не желая ихъ любви, и въ презрѣніи къ нимъ не соблюдая даже наружнаго приличія, онъ властвуетъ надъ ними, какъ надъ рабами».

При этихъ словахъ глаза Артемія Петровича налились негодованіемъ; руки его дрожали.

«Наступаетъ важный случай открыть государынѣ его своекорыстіе: дѣло объ удовлетвореніи поляковъ за переходъ войскъ чрезъ ихъ владѣнія, дѣло, на которомъ вы столь справедливо основываете свои надежды (вотъ какъ намъ все извѣстно!) скоро представиться на разсмотрѣніе кабинета. При первой возможности доставлю вамъ нужныя замѣтки и тутъ-же напишу три слова: *теперь, или никогда!* О! тогда скорѣй, богатырски опрокиньте стѣну, предъ которою даетъ онъ фейерверки и за которою душитъ и рѣжетъ народъ русскій; откройте все сердцу государыни... Вы, съ вашею благородною смѣлостью и краснорѣчіемъ, съ вашимъ патріотизмомъ, съ вашимъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ и благу императрицы, одни можете совершить этотъ подвигъ. Если вы падете въ этомъ дѣлѣ, то падете со славою. Тогда-то я откроюсь вамъ и раздѣлю съ вами участь вашу, какова-бы она ни была: клянусь вамъ въ этомъ своею честію. Когда-бы знали, какъ горитъ душа моя быть участникомъ вашимъ въ этой славѣ! Можетъ статься, чрезъ сотню лѣтъ напишутъ, поставивъ мое имя подлѣ вашего: «Россія гордится ими!...» Жить въ исторіи, какъ это пріятно!...

«Пишу много; сердце мое имѣло нужду излиться предъ благороднѣйшимъ изъ людей. Давно я не бесѣдую съ ними. Случай первый! Герцогъ, отдавъ мнѣ письмо къ вамъ, уѣхалъ во дворецъ, куда былъ неожиданно позванъ, только-что изъ него пріѣхавши.

«Теперь исполняю желаніе ваше узнать о малороссіянинѣ. Это дворянинъ изъ черниговской провинціи, по прозванью Горденко. Онъ занималъ должность хорунжаго въ стародубскомъ повѣтѣ и умѣлъ обратить

уже на себя непріятное вниманіе доимочнаго приказа тѣмъ, что противился повелѣнію герцога ставить за недоимки крестьянъ разутыхъ въ снѣгъ и обливать ихъ холодною водою. Услышавъ однажды объ оскорбительныхъ словахъ, сказанныхъ герцогомъ одному русскому вельможѣ, онъ имѣлъ неосторожность произнести: «побачивъ-бы я, якъ-бы мнѣ то выбрехавъ бісова батька, Биронъ». Слова эти доведены до ушей его свѣтлости. Малороссіянинъ потребованъ къ допросу воевсдой, пріѣхавшимъ нарочно для изслѣдованія этого преступленія. О! когда дѣла касаются до личной обиды герцога, они скоро рѣшаются. Оговоренный былъ въ это время очень боленъ. Онъ принесенъ предъ судью на простыняхъ и, въ наказаніе за свою неосторожность, долженъ былъ услышать отъ воеводы ругательства, которыя не хотѣлъ вынести отъ самого Бирона. Когда-жъ онъ, собравъ силы, отвѣчалъ, какъ требовала оскорбленная честь дворянина, его пощекотали батогами. Этотъ способъ лѣчить и жажда мщенія возвратили ему вскорѣ здоровье. Онъ покинулъ семейство свое, составилъ прошеніе къ императрицѣ, въ которомъ описывалъ жестокости временщика и корыстолюбивыя связи его съ поляками, ѣздилъ по Малороссіи собирать къ этому прошенію подписи важныхъ лицъ, успѣлъ въ своемъ намѣреніи и пробрался до Твери, гдѣ удачно обмѣнилъ собою простого малороссіянина, котораго, въ числѣ другихъ, везли сюда на извѣстный праздникъ. Но ищейные клевреты Бирона услѣдили его тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Здѣсь, въ манежѣ герцогскомъ, когда дѣлали перекличку всѣмъ разноплеменнымъ парамъ, его не оказалось. Подачкинъ объявилъ, что онъ, вѣроятно, бѣжалъ

во время суматохи, случившейся въ то время, какъ ихъ вели въ манежъ. Прибывшихъ гостей къ вамъ отправили. Въ самомъ-же дѣлѣ несчастный былъ задержанъ. Расправа была съ нимъ короткая: его свели на задній, нечистый дворикъ за конюшню. Тамъ, раздѣвъ его до рубашки и привязавъ къ дереву, пытали о бумагѣ, но Горденко успѣлъ, видно, сбросить ее, или передать. Благороднаго мученика, окативъ десяткомъ ушатовъ воды, заморозили среди бѣлаго дня. Мой пріятель Гроснотъ совершилъ этотъ подвигъ, какъ будто выпилъ стаканъ пуншу. Впрочемъ, Липману шепнули, чтобъ онъ спряталъ, какъ знаетъ, концы въ воду. Это будетъ легко ему сдѣлать съ помощью силы, грозы и денегъ.

«Отвѣтъ герцогу привезите завтра лично, по обыкновенію, въ пріемные часы. Будьте осторожны, не проговоритесь не только словами, но и наружностью, а то все испортите.

«Въ случаѣ нужды во мнѣ для объясненій вложите вашу записку въ разсѣлину средняго камня, на лѣвомъ углу ограды Лѣтняго сада къ Невѣ».

Прочтя это таинственное посланіе, въ истинѣ котораго нельзя было сомнѣваться, Волынскій то предавался радостной мысли, что пріобрѣтаетъ новыя важныя права для обвиненія Бирона и освобожденія Россіи отъ ига его, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, обхвативъ эту надежду, няньча ее, какъ любимое дитя свое, то путался въ мысляхъ, отыскивая своего тайнаго доброжелателя.

Иностранецъ?... Ихъ такъ много окружаетъ курляндскаго герцога, и не въ одномъ изъ нихъ Артемій Петровичъ не видалъ особеннаго къ себѣ участія.

Этотъ?... Злодѣй! изъ одной улыбки его свѣтлости вызовется, вмѣсто мѣха, своимъ дыханіемъ разогрѣть жаровню и изжарить на ней мелкимъ огнемъ человѣка, невиннаго какъ младенецъ. Другой? Глупецъ! готовъ стащить на своей спинѣ, не оглядываясь, вьюкъ чужихъ злодѣйствъ. Третій? Подлецъ! доставляетъ за фальшивыя опредѣленія женѣ Бирона бриллiанты и серебряные сервизы. Четвертый? Родственникъ клеврета эго, Липмана, и ненавидитъ кабинетъ-министра. И такъ далѣе перебралъ онъ всѣхъ и ни на комъ не могъ остановиться. Какимъ образомъ постигъ тайный другъ желаніе его узнать, куда дѣвался малороссіянинъ?... Загадка! тайна!... Голова его пылала, сердце ходило ходенемъ. Онъ забылъ даже о посланномъ герцога, но, вспомнивъ и спросивъ, узналъ, что податель, не дожидаясь отвѣта, скрылся.

Когда-жъ Волынскій хотѣлъ доискаться, кто-бы могъ быть шпіономъ Липмана въ его собственномъ домѣ, онъ, казалось, блуждалъ, какъ странникъ въ дикомъ бору, гдѣ боится на каждомъ шагу наступить на ядовитаго гада. Чтобъ могло заставить дворовыхъ людей идти въ его оговорители? Онъ считался, по-тогдашнему, милостивымъ господиномъ. О стульяхъ, безсудной помощи палача, кошкахъ, раздѣлкахъ на конюшнѣ, столь обыкновенныхъ въ его время, не было помину въ домѣ. Наказанія его, и то за важный проступокъ, ограничивались удаленіемъ отъ барскаго лица. Челядинцы, отъ большого до малаго, были одѣты исправно, накормлены сыто, получали, сверхъ того, въ каждый годовой праздникъ, по мѣдной гривнѣ и по калачу; ихъ заслуги предкамъ Волынскаго цѣнились, какъ должно; старики были въ почтеніи у младшихъ

и не рѣдко удостоивались подачекъ со стола господскаго; немощныхъ не отсылали съ хлѣба долой на собственное пропитаніе, не презирали въ богадѣльняхъ, а въ ихъ семействахъ. Добрыми нравами строго дорожили. Самъ Артемій Петровичъ хотя славился волокитствомъ, но въ оградѣ дома цѣломудріе такъ уважалось, что разъ подслѣповатый *маршалокъ*, увидѣвъ издали дѣвушку на колѣнахъ мужчины, поднялъ весь домъ, какъ будто на пожаръ: къ счастью объяснилось, что отецъ ласкалъ свою дочь. «Не баринъ, а отецъ родной!» говорили служители объ Артеміѣ Петровичѣ: «мы живемъ за нимъ, какъ у Христа за пазушкой». Чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, могло-бы заставить кого изъ нихъ рѣшиться на оговоры? Они сочли-бы того Іудою-предателемъ. Не барская-ли барыня?... Чѣмъ-же она можетъ быть недовольна? Гардероба ея станетъ и на приданое внучатамъ; деньги пускаетъ она въ ростъ, ласками господъ не менѣе богата.

Впрочемъ, ее порядочно коверкало, когда дѣло шло о малороссіянинѣ.. можетъ статься, нетерпѣніе видѣть сынка офицеромъ?... Зуда намекалъ не разъ, что это женщина опасная .. Да опять, какъ провѣдать ей тайны господскія, которыя говорятся только въ кабинетѣ, между самыми близкими друзьями. Зуда?... Этотъ могъ-бы всѣхъ скорѣе!... При этомъ словѣ, мысленно произнесенномъ, сердце Артемія Петровича облилось кровью.

«— Нѣтъ,—прибавилъ онъ, разсуждая самъ съ собою, то ходя быстрыми шагами по комнатѣ, то садясь на канапе, — сердце отталкиваетъ малѣйшее на него подозрѣніе. Онъ лукавъ, но благороденъ. Ни денегъ, ни честей не любитъ; настоящій Козьма безсребренникъ. Изъ чего-жъ станетъ кривить душой и подли-

чать предъ фаворитомъ? Хотѣлъ-бы онъ денегъ и я давно-бъ озолотилъ его. Чиновъ? Сколько разъ предлагалъ я вывесть его въ чины, но онъ всегда отказывался отъ нихъ, считая ихъ за тягость. Онъ слишкомъ любитъ спокойствіе, чтобы затѣять доносы. Это не въ его характерѣ. Да къ тому-жъ не могу разстаться съ мыслію видѣть въ немъ человѣка, мнѣ преданнаго. Десять лѣтъ въ моемъ домѣ! Десять лѣтъ раскрывалъ я ему грудь свою, и въ ней читалъ онъ до послѣдней тайной буквы!... Другъ мой!... Нѣтъ, нѣтъ, лучше погубить себя, чѣмъ его подозрѣвать! Не онъ, не онъ, не можетъ быть! Но... діаволъ-духъ, или человѣкъ-діаволъ, кто-бы ни былъ мой домашній шпіонъ, я отыщу его!

Волынскій позвалъ своего араба.

— Николай!—сказалъ онъ ему съ особеннымъ чувствомъ,—любишь-ли ты меня?

— Когда вы говорите мнѣ слово ласковое, — отвѣчалъ тронутый арабъ, — мнѣ кажется, что со мною говоритъ старикъ-отецъ, зарѣзанный въ глазахъ моихъ. Вы мнѣ вмѣсто отца, и матери, и родины.

— Ты меня никогда не продавалъ?

— Я, сударь?... да я готовъ отдать за васъ жизнь свою,—Никола свидѣтель!

— Слушай-же: у насъ въ домѣ есть недобрый человѣкъ, который выноситъ соръ изъ избы, оговариваетъ своего барина.

— Знаю!

— Знаешь? — спросилъ изумленный Волынскій. — Кто-жъ это?

Арабъ приложилъ палецъ къ толстымъ губамъ своимъ и покачалъ головой.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Не могу, мнѣ Зуда не приказалъ.

Волынскій вспыхнулъ.

— Такъ нынѣ Зуда вашъ господинъ, такъ онъ болѣе меня значитъ! Зуда командуетъ моими людьми, противъ меня значитъ!... Вотъ каковъ Зуда!... Скоро сдѣлается онъ моимъ бариномъ, скоро мнѣ воли не будетъ въ своемъ домѣ!

Арабъ бросился въ ноги къ Артемію Петровичу и сказалъ:

— Не могу! я поклялся Николаю!... Онъ говоритъ, что для вашего-же добра...

«Что за тайна?...—подумалъ Артемій Петровичъ,— посмотримъ, къ чему это все ведетъ!»—Хорошо!—прибавилъ онъ вслухъ,—встань! дѣлай, что приказалъ тебѣ Зуда, молчи о томъ, что я тебѣ говорилъ, и всегда, непремѣнно, становись на караулѣ у дверей моего кабинета, какъ скоро будутъ въ немъ двое. Да вотъ и Зуда, легокъ на поминѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, арабъ только-что успѣлъ встать, какъ вошелъ секретарь кабинетъ-министра. Смущеніе на лицѣ господина и слуги встрѣтило его, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаетъ, скорчилъ свою обыкновенную гримасу и, съежившись, ожидалъ вызова Артемія Петровича начать разговоръ.

— Выдь вонъ!—сказалъ Волынскій арабу, потомъ, обратившись къ своему секретарю, произнесъ ласково:— что слышно о малороссіянинѣ?

— Онъ пойманъ и держится въ канцеляріи полиціймейстера.

— Пойманъ?

— Да, ваше превосходительство. Что-жъ тутъ удивительнаго?

— Отъ кого ты знаешь эту вѣсть?

— Я самъ видѣлъ его.

— Видѣлъ?... Какое плутовство!

— Позвольте спросить, о чьемъ плутовствѣ вы говорите?

— На, прочти лучше самъ это длинное посланіе, павшее ко мнѣ съ неба, и объясни, какъ мертвые воскресаютъ въ наше время, богатое чудесами.

Волынскій подалъ письмо неизвѣстнаго, разсказалъ, какъ оно принесено, прилегъ на диванъ, всматриваясь, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на секретаря чтеніе бумаги, и когда увидѣлъ, что этотъ развернулъ ее и началъ разсматривать, спросилъ, — не знакомъ-ли ему почеркъ руки.

Сощурился Зуда, покачалъ головкой, отвѣчалъ твердо:

— Нѣтъ, въ первый разъ вижу,—и началъ чтеніе.

Въ продолженіе его онъ часто пожималъ плечами, потиралъ себѣ средину лба пальцемъ; на лицѣ его то выступала радость, какъ у обезьяны, поймавшей лакомый кусокъ, то хмурилось оно, какъ у обезьяны, когда горячіе каштаны обжигаютъ ей лапы. Наконецъ Зуда опустилъ руку съ письмомъ и опять уныло покачалъ головой.

— Что? прочелъ-ли?—спросилъ Волынскій.

— Прочелъ.

— Чтожъ ты думаешь послѣ этого?

— то, что васъ и еще кое-кого знаю, что побѣда будетъ на сторонѣ силы, коварства и счастія. Это я думаю, это я вамъ всегда говорилъ и совѣтую, какъ

и всегда, уступить временщику! Да! таки уступить!... Послушайте, какая слава о немъ въ народѣ.

— Любопытенъ знать.

— *Онъ такой фаворитъ, что нельзя объ немъ и говорить*: какъ-же вы хотите противъ него дѣйствовать?

— Какъ указываетъ мнѣ сердце и тайный, но благородный совѣтникъ.

— Который васъ и обстоятельствъ хорошо не знаетъ, который губитъ васъ и себя: вспомните мое слово. Дайте грозной тучѣ пройти самой. Поберегите себя, друзей, супругу...

— Какъ? изъ того, что я могу навлечь на себя немилости, пожалуй ссылку, что я могу себя погубить, смотрѣть мнѣ равнодушно на раны моего отечества, слышать безъ боли крикъ русскаго сердца, раздающійся отъ края Россіи до другого! Разсказывать-ли тебѣ, какъ будто ты не знаешь, неистовства, совершающіяся каждый день около насъ, не говорю ужь о дальнихъ мѣстахъ? Стоитъ только раскрыть Петербургъ. Архипастырь [1]), измученный пытками за вѣру въ истину, которую любитъ, съ которою свыкся еще отъ дѣтства, оканчиваетъ жизнь въ смрадной темницѣ; система доносовъ и шпіонства, утонченная до того, что взглядъ и движенія имѣютъ своихъ ученыхъ толмачей, сдѣлавшая изъ каждаго человѣка движущійся гробъ, гдѣ заколочены его чувства, его помыслы; разсторгнутыя узы пріязни, родства, до того, что братъ видитъ въ братѣ подслушника, отецъ боится встрѣтить въ сынѣ оговорителя; народность, каждый день поруганная; Россія Петрова, широкая, державная, могучая

---

[1]) Тверской, Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Россія, о, Боже мой! угнетенная нынѣ выходцемъ— этого-ли мало, чтобъ стать ходатаемъ за нее предъ престоломъ ея государыни?

Здѣсь Артемій Петровичъ остановился, посмотрѣвъ зорко на секретаря. Этотъ не думалъ отвѣчать. Все, что говорилъ кабинетъ-министръ, была, къ несчастью, горькая существенность, но существенность, которую, при настоящихъ обстоятельствахъ и съ такимъ пылкимъ, неосторожнымъ характеромъ, каковъ былъ Волынскаго, нельзя было перемѣнить. Зуда пожалъ только плечами и покачалъ опять головой.

Двѣ свѣчи на бюро тускло горѣли; огромная тѣнь кабинетъ-министра быстро двигалась по стѣнѣ. Онъ продолжалъ:

— Какъ, выступая на битву противъ враговъ отечества, вы оробѣете, когда вамъ скажутъ ваши нѣжные, заботливые пріятели, что вы можете потерять ручку, ножку, что вы, статься можетъ, оставите по себѣ неутѣшную вдовушку, плачущихъ ребятъ!... Пускай непріятели топчутъ жатвы, жгутъ хижины, насилуютъ женъ и дѣвицъ—не ваши поля и домы, не ваша жена и дочь! До нихъ скоро-ли еще доберутся! А ты, покуда, успѣешь належаться на теплой печкѣ, въ обьятьяхъ своей любезной... Такъ-ли думаютъ истинные патріоты? Такъ-ли я долженъ мыслить?

— Позвольте...

— Нѣтъ, сударь, не слушаю васъ, не хочу слушать вашихъ вялыхъ, своекорыстныхъ совѣтовъ. Я лучше прочту еще разъ, что пишетъ мой тайный другъ. (Волынскій взялъ бумагу, развернулъ ее и прочелъ вслухъ: «Онъ властвуетъ надъ русскими, какъ надъ рабами».) Слышите-ли, сударь, надъ рабами? И

вотъ что говоритъ въ благородномъ негодованіи своемъ иноземецъ!... (Это слово залито было такою ироніею, что захватило на мигъ его дыханіе. Покачавъ головой, онъ опять съ жаромъ продолжалъ.) — А мы, русскіе, мы протянули свои воловьи шеи подъ ярмо недостойнаго пришельца, мы любуемся, какъ онъ, вогнавъ насъ въ смрадную топь, взбиваетъ намъ кровь ремнями, вырѣзанными изъ нашихъ спинъ. Простой народъ не выдерживаетъ жестокостей его и бѣжитъ цѣлыми селеніями въ Польшу, въ Бессарабію. А русскіе дворяне, забывъ и родъ свой и заслуги предковъ, истливъ свой стыдъ, какъ трутъ, которымъ онъ зажигаетъ свою трубку, лазятъ, ползаютъ предъ конюхомъ, подходятъ уже къ его ручкѣ! Князья, люди первыхъ фамилій русскихъ, которыхъ отцы стяжали себѣ славу на ратномъ полѣ, рядомъ съ безсмертнымъ Петромъ, или въ сенатѣ, безстрастно говоря ему правду, спѣшатъ наперерывъ записаться въ скоморохи, въ шуты... Не посовѣтуете-ли мнѣ пойти вприсядку для потѣхи его конюшенной свѣтлости? Не прикажете-ли мнѣ приложиться къ его ручкѣ?... Нѣтъ, сударь, не дождетесь этого отъ меня съ вашимъ выходцемъ: скорѣй сожру я руку, которую онъ протянетъ мнѣ, хотя-бы этимъ поганымъ кускомъ подавиться!... Пляшите, господа, подъ его дудочку, вертитесь кубаремъ подъ его кнутикъ; лобызайте сѣкиру, омытую кровью вашихъ братьевъ; деритесь въ драку за пригоршни золота и разнокалиберныхъ игрушекъ, которыя бросаетъ онъ вамъ изъ оконъ своихъ высокихъ палатъ... Мое назначеніе другое (тутъ Волынскій поднялъ голову и произнесъ съ особенною твердостію):—я русскій бояринъ, не скоморохъ. Ты самъ знаешь, что я друзьямъ

и себѣ далъ слово идти противъ Бирона. Въ этомъ я поклялся предъ образомъ Спасителя, — мнѣ достался крестъ по жребью—я опоясался имъ, какъ мечомъ; я крестоносецъ, и если измѣню клятвѣ своей, наступлю на распятіе Сына Божія!

— Все-ли вы сказали? — прервалъ Зуда Артемія Петровича.

— Все, что долженъ былъ сказать и что исполню.

— Позвольте мнѣ, въ свою очередь, сдѣлать вамъ вопросъ, одинъ только.

— Будемъ слушать и отвѣчать.

— Можетъ быть не съ такою твердостью, какъ доселѣ говорили.

— Увидимъ, увидимъ! Ну, къ дѣлу, господинъ грозный противникъ!

— Противникъ всегда, въ чемъ вижу вашу гибель.— Прекрасно, благородно, возвышенно ваше рвеніе къ пользѣ отечества, кто съ этимъ не согласится? Но при этомъ подвигѣ необходимо условіе, и весьма важное: собираясь въ свой крестовый походъ, вы, какъ твердый рыцарь, должны отложиться отъ всѣхъ погубныхъ страстей. То-ли вы дѣлаете? Ваша благородная дама забыта, и волшебница подъ именемъ Маріорицы опутываетъ васъ своими цвѣточными цѣпями. Надо избрать одно что-нибудь: или великій. трудный подвигъ, или...

— Или волокитство, хочешь ты сказать,—прервалъ Волынскій, нѣсколько смутившись и покраснѣвъ.—О! эта шалость, изъ тысячи подобныхъ, неопасна!... Ты знаешь, холодный проповѣдникъ, что я не въ состояніи пристраститься ни къ одной женщинѣ. Маріорица мила, прелестна... это правда; но одинъ поцѣлуй—и

страсть промелькнетъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ потѣшный огонекъ.

— Онъ сожжетъ это полуденное растеніе и отуманитъ васъ, сына Сѣвера, крестоносца, запаяннаго въ броню желѣзную! Что станется тогда съ вашею доброй, любезной супругой, которая васъ такъ любитъ?

— О! она женщина холодная, на эти вещи смотритъ очень равнодушно.

— Пока онѣ не опасны! Что станется тогда съ вашимъ предпріятіемъ, съ вашими друзьями, которыхъ вовлекли въ него, съ вами самими?...

— Ну, полно! Твоихъ проповѣдей до утра не переслушаешь. Скажи-ка мнѣ лучше, что ты думаешь о домашнихъ моихъ шпіонахъ?

— То, что главный почти въ рукахъ моихъ.

— Я тебя не понимаю.

— Не могу болѣе объясниться; на дняхъ все узнаете. Но до вашего похода, — прибавилъ Зуда вздыхая, — не угодно-ли будетъ запастись орудіями Макіавеля; они вамъ очень нужны.

— Ты хочешь сказать, лукавствомъ и осторожностью, которыхъ во мнѣ недостаетъ...

— Такъ-же, какъ въ васъ слишкомъ много благородства для борьбы съ Бирономъ.

— О, что касается до этого, то я съ тобой опять не согласенъ. Но обратимся къ нашему учителю. Макіавелю. Ввернулъ-ли ты въ переводъ выраженіе на счетъ нашего курляндскаго Боржіа?

— Исполнилъ, скрѣпя сердце, хотя со всею осторожностію,—сказалъ печально секретарь, какъ-бы давая знать, что это ни къ чему не послужитъ. — Не угодно-ли вамъ будетъ прослушать послѣднюю главу?

Волынскій далъ знакъ согласія, и скоро принесена огромная тетрадь, прекраснымъ почеркомъ написанная. Зуда сѣлъ и началъ читать вслухъ главу изъ Макіавелева: «Il principe», котораго онъ, по назначенію кабинетъ-министра, перевелъ для поднесенія государынѣ. Но едва успѣлъ пробѣжать двѣ, три страницы, прерываемый повременамъ замѣчаніями Волынскаго, присовокупляя къ нимъ свои собственныя или дѣлая возраженія, какъ вошелъ арабъ и доложилъ о прибытіи Тредьяковскаго.

— Вели впустить его, — сказалъ Волынскій, примѣтно обрадованный этимъ посѣщеніемъ. — Макіавеля и политику въ сторону!...

Онъ вошелъ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСРЕДНИКЪ

Пыщутся горы родать, а смѣшной
родатся мышенокъ!
Вступ. къ „Телемахидѣ“.

О! по самодовольству, глубоко прорѣзавшему на лицѣ слово: *педантъ*! по этой бандероли, развѣвающейся на лбу каждаго бездарнаго труженика учености, по бородавкѣ на щекѣ, вы угадали-бы сейчасъ будущаго профессора элоквенціи, Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Онъ несъ огромный фоліантъ подъ мышкою. И тутъ разгадать не трудно, что онъ несъ — то, что составляло съ нимъ: *я и онъ*, *онъ и я* Монтаня, свое имя, свою славу, шумящую надъ вами совиными крыльями, какъ скоро это имя произносишь, власяницу бездарности, вериги для терпѣнія, орудіе насмѣшки для всѣхъ возрастовъ, для глупца и умнаго. Однимъ словомъ, онъ несъ «Телемахиду», это высокое произведеніе, которое почти цѣлый вѣкъ, то-есть до появленія «Александроиды», не имѣло ничего себѣ равнаго.

— А! дорогой гость, добро пожаловать! — сказалъ Волынскій, кивнувъ ему и взглянувъ мелькомъ на чудовищную книгу такими глазами, какъ бы несли камень задавить его.

Гость отвѣсилъ глубокій поклонъ у двери, такъ, что туловище его съ нижнею частію фигуры составляло острый уголъ — два шага впередъ, другой поклонъ, еще ниже третій. Лицо его утучнялось радостью; желая говорить, онъ задыхался, вѣроятно, отъ того-жъ чувства; наконецъ, собравшись съ силами, произнесъ высокоторжественнымъ тономъ:

— Великій мужъ! Какъ дань моего глубочайшаго высокопочитанія, пришелъ я положить къ подножію вашему энтузіасмусъ моего счастія.

— Повѣдай, повѣдай, что такое, — сказалъ съ усмѣшкою хозяинъ,—но съ уговоромъ, чтобы ты сидѣлъ. Я буду мечтать, что бесѣдую съ Омиромъ, повѣствующимъ мнѣ о прекрасной Еленѣ.

— Помилуйте, я и постою передъ лицомъ вашимъ.

— Да, Боже мой, садись, я тебѣ приказываю.

Тредьяковскій сѣлъ и возглагольствовалъ, помогая словамъ согласной мимикой:

— Человѣческаго духа такое, конечно, есть свойство, когда онъ сильно встревоженъ, что долго онъ какъ будто перстами ощущаетъ, прежде нежели прямо огорститъ слова для выраженія своихъ чувствъ. Въ такомъ и я обрѣтаюсь состояніи. Но духъ, какъ Ираклій, чего не возможетъ! Онъ совершилъ во мнѣ седьмой подвигъ, и я приступаю. Я сей моментъ изъ собранія боговъ, съ Олимпа и... и помыслите, ваше превосходительство, вообразите, возмните, какое благополучіе меня нынѣ постигло.

— Чтожъ, ты видѣлъ государыню?

— Насладился ея божественнымъ лицезрѣніемъ, но этого не довольно.

— Она говорила съ тобою?

— Еще выше и гораздо выше.

— Да не томи же насъ!

— Итакъ, познайте, ваше превосходительство, я призванъ былъ въ царскіе чертоги для чтенія моего творенія... Весь знаменитый дворъ стекся внимать мнѣ. Не зналъ я, какую позицію принять, чтобы соблюсти достодолжное благоговѣніе предъ богоподобною Анною... разсудилъ за благо стать на колѣна... и въ такой позитурѣ прочелъ почти цѣлую пѣсню... Хвалы оглушали меня... Сама государыня благоволила подняться съ своего мѣста, подошла ко мнѣ и отъ всещедрой своей десницы слегка потрепала меня по щекѣ.

Тутъ Волынскій едва не лопнулъ со смѣха; Зуда закусилъ себѣ губы.

— Она едва-едва коснулась моей ланиты, и рой блаженства облѣпилъ все мое естество. Не памятую, что со мною тогда совершалось, памятую только, что это прикосновеніе было нѣчто между трепаніемъ руки и теплымъ дуновеніемъ зефира. Проникнутое, пронзенное благодарностью сердце бьетъ кастальскимъ ключемъ, чтобы воспѣть толикое благоденствіе, ниспосланное на меня вознесенною превыше всѣхъ смертныхъ.

— Поздравляемъ тебя отъ чистаго сердца, — сказалъ Волынскій.

Не зная, какъ освободиться отъ энтузіасмуса своего гостя и, между тѣмъ, боясь оскорбить его крутымъ переходомъ къ тому предмету, который лежалъ у него

на сердцѣ, онъ спросилъ будущаго профессора эло-квенціи, что у него за книга подъ мышкою.

— А именно эта книжица есть вина предшедшаго и вѣчно незабвеннаго событія. Ее велѣно... (вы понимаете, кто велѣлъ)... показать вамъ... Я имѣю довольно свободнаго времени, чтобы повѣствовать вашему превосходительству сіе происшествіе въ достодолжномъ порядкѣ.

— Много чести; зачѣмъ безпокоиться!

— Сіе безпокойство есть для меня репетиція моего благополучія.

Кабинетъ-министръ внутренно досадовалъ; но, желая разобрать смыслъ намека на знаменитую книжицу, потребовалъ ее къ себѣ и присовокупилъ, что онъ, между тѣмъ, будетъ слушать поэта внимательно, съ тѣмъ, однакожъ, уговоромъ, чтобы онъ обрадовалъ его секретною вѣсточкой. Василій Кирилловичъ улыбнулся, показалъ таинственно на сердце, мигнулъ глупо-лукаво на Зуду, какъ-бы считая его помѣхою, и поспѣшилъ обратиться къ своему любезному предмету.

— Вотъ извольте видѣть, высокомощный господинъ, эта книжица есть...

Тутъ Василій Кирилловичъ началъ говорить, и говорилъ о Гомерѣ, Виргиліѣ, Камоэнсѣ, о богахъ и богиняхъ, что утомилъ терпѣніе простыхъ смертныхъ. Зуда незамѣтно ускользнулъ изъ кабинета; въ слухъ Артемія Петровича ударяли одни звуки безъ словъ — такъ мысли его были далеки отъ его собесѣдника. Перебирая листы «Телемахиды», онъ нашелъ закладочку... На ней, въ нѣсколькихъ словахъ, заключалось для Волынскаго все высокое, все изящное, о чемъ ораторъ напрасно цѣлые полчаса проповѣдывалъ; на

ней было начертано: *«Маріорица; твоя Маріорица — скучно Маріорицѣ»!* Слова эти горѣли въ глазахъ влюбленнаго Волынскаго; онъ видѣлъ ужь впереди, и очень близко, шифры, переплетенные огнемъ, пылающіе алтари, потаенныя бесѣдки, всю фантасмагорію влюбленныхъ. Чего не изъяснилъ онъ, не перевелъ, не дополнилъ въ этихъ словахъ! Любовь, скорѣе всякаго профессора, научитъ анализу того, что говоритъ любовь.

— О Маріорица! милая Маріорица!—думалъ онъ,— мы и заочно чувствуемъ одно; намъ уже скучно другъ безъ друга. Ты теперь между шутами, принуждена сносить плоскости этихъ двуногихъ животныхъ; передо мною такой-же шутъ, котораго терплю потому только, что онъ бываетъ у тебя, что онъ съ тобою часто говоритъ, что онъ приноситъ отъ тебя частичку тебя, вещи, на которыхъ покоилась прелестная твоя ручка, слова, которыя произносили твои горящія уста, слѣдъ твоей души.

Въ то самое время, когда Волынскій, влюбчивый, какъ пылкій юноша, бесѣдовалъ такимъ образомъ съ своею страстью, портретъ его жены, во всемъ цвѣтѣ красоты и счастія, съ улыбкою на устахъ, съ вѣнкомъ на головѣ, бросился ему въ глаза и, какъ-бы отдѣлясь отъ стѣны, выступилъ ему на встрѣчу. Совѣсть заговорила въ немъ, но надолго-ли?... Взоры его обратились опять на магическія слова: *«твоя Маріорица»*, и весь міръ, кромѣ нея, былъ забытъ.

И вотъ кабинетъ-министръ, въ восторгѣ своего счастія, взглянулъ на небо, какъ бы прося исполнить скорѣй преступныя его желанія.

— О побѣда! о вѣнецъ труда великаго! — восклик-

нулъ съ радостнымъ лицомъ Василій Кирилловичъ, полагая, что восторженное движеніе Волынскаго относилось къ одному мѣсту изъ его поэмы. — Какое же мѣсто привело васъ въ такой энтузіасмусъ? соблаговолите указать торжествующему родителю на его дѣтище, чтобъ онъ могъ самъ поласкать его.

Волынскій смутился, какъ бы пойманный въ преступленіи, поспѣшилъ спрятать закладку въ карманъ, бросилъ взоры на угадъ въ книгу и, настроивъ свой голосъ на высокій ладъ, прочелъ:

«Видятъ они [1]) весь шаръ земли какъ блатную грудку:
Всѣ-жъ преобширны моря имъ кажутся водными капли,
Коими грязная кочечка-та по мѣстамъ окроплена».

— Это мѣсто превосходно! исполнено силы, великолѣпія! Я ничего подобнаго не знаю.

— Го, го, го! есть мѣста еще лучше. Если дозволите прочесть вашему признательному піиту!... Напримѣръ, когда Калипса, воспаленная *паренкомъ* любви и ревностью, даетъ *окрикъ* на Тилемаха и *дядьку* его.

Здѣсь Василій Кирилловичъ всталъ и, самъ воспалясь гнѣвомъ, замахавъ руками, вскричалъ такъ, что по сердцу собесѣдника его пробѣжала дрожь:

«Прочь отъ меня, прочь далѣй, прочь вертопрашный дѣтина;
Съ нимъ же ты совокупно прочь, старичишка безмозглый:
Ты почувствуешь, мощенъ колико гнѣвъ есть богининъ,
Ежели не отвлечешь его ты вскорѣ отсюду.
Больше видѣть его не хочу; и къ тому не терплю я.
Чтобъ которая изъ нимфъ слово спустила,
Иль на него чтобъ невозбранно коя смотрѣла.»

[1]) Боги.

— Чувствуете-ли, ваше превосходительство, какую красоту причиняетъ слово: *прочь*, четырежды повторенное. Это по нашему называется: фигура усугубленія.

«Духъ мучитель!»—подумалъ Волынскій, истерзанный самолюбіемъ сочинителя, и сказалъ вслухъ:

— Хорошаго понемногу, Василій Кирилловичъ! Дайте мнѣ отдохнуть отъ красоты одного образцоваго мѣста, великій мужъ!

— Ага, ваше превосходительство, вы истинный меценатъ, вы постигли меня, вы отдаете мнѣ справедливость. Но я повѣдаю вамъ анекдотецъ, какъ ошибаются и великіе люди. Теперь, не краснѣя, смѣю предъявить его во услышаніе міра, ибо я на предметъ своей знаменитости успокоенъ. Пускай букашки, цѣпляясь за былинки, топорщатся на парнасусъ; пусть рыбачишка холмогорскій въ нѣмецкой землѣ пищитъ и верещитъ на *сопѣлкѣ* свою одишку «на взятіе Хотина», которую несмысленные цѣнители выхваляютъ до небесъ, моя труба зычитъ во всѣ концы міра и заглушитъ ее; пѣсенка потонетъ въ 22,205 стихахъ моей піимы! 22,205 вѣрнѣйшимъ счетомъ!... Не легко сказать; возьмись-ка кто написать!... Сколько ни обгложутъ изъ нихъ мои зоилы, сирѣчь завистники, все останется мнѣ ихъ довольно для существованія въ потомствѣ.

— Скорѣй къ повѣствованію, Василій Кирилловичъ, и потомъ жаждущему хоть каплю воды; одно слово о княжнѣ. Когда ты скажешь мнѣ его, я велю принесть подарочекъ...

Глаза будущаго профессора элоквенціи заблистали огнемъ. Онъ разсыпался въ благодарности, окрылился и повѣствовалъ.

— Итакъ, я повѣдаю вашему превосходительству вкратцѣ анекдотецъ о себѣ и Петрѣ Великомъ. Извольте вѣдать, что я обучался элементамъ наукъ и древнихъ языковъ въ архангельской школѣ. Уже въ лѣтахъ младыхъ я обѣщалъ въ себѣ изобильныя надежды. Единожды, когда соблаговолилъ посѣтить нашъ вертоградъ, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государь Петръ I, профессоръ подвелъ меня къ его императорскому величеству, яко вельми прилежнаго и даровитаго студента по всѣмъ вѣтвіямъ наукъ, особенно въ реторикѣ и піитикѣ. Еле 14-лѣтній паренище, я выучилъ наизусть главу *«объ изобрѣтеніи»* со всѣми цитатами и эпиграфами, какъ «Помилуй мя, Боже», и сочинилъ стихословный акростихъ: *«Како подобаетъ чествовати боговъ земныхъ?»* Сей акростихъ былъ поднесенъ его императорскому величеству, и онъ, возрѣвъ, соблаговолилъ изречь: *«Лучше-бъ написалъ онъ мнѣ о рыбной ловлѣ, здѣшняго края!»* Ге, ге, ге, о рыбной ловлѣ: замѣтьте, ваше превосходительство! Осмѣлюсь присовокупить, впрочемъ не утруждая вашего драгоцѣннаго вниманія: Петръ Алексѣевичъ хотя и былъ государь премудрый, но въ реторическихъ извитіяхъ не обращался, греческаго и латинскаго языковъ не любилъ. Сожалительно весьма; чего-бы онъ съ познаніемъ ихъ не сотворилъ! Но обращаюсь къ сущему повѣствованію. Потомъ всемилостивѣйшій государь, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти, соблаговолилъ подойти ко мнѣ, выведенному изъ ряду прочихъ школьниковъ, поднялъ державною дланью волосы на головѣ моей и, взглянувъ пристально мнѣ въ очи, а скиптроносною ударивъ по челу моему, произнесъ: *«О! этотъ малой труженикъ: онъ мастеромъ никогда не будетъ»*.

И я дерзаю днесь изрещи: *Петръ былъ государь великій: но во мнѣ-то и ошибся!* Приникни нынѣ, о тѣнь божественная, на мою «Телемахиду», на Ролленя дважды въ 24 томахъ, и сознайся предъ ними въ своей опрометчивости.

Волынскій очень смѣялся этому анекдоту; но чтобы раздѣлаться съ своимъ мучителемъ и разомъ прекратить его повѣствованіе о себѣ, которое могло-бы вновь затянуться до безконечности, велѣлъ арабу принести обѣщанный подарокъ. Между тѣмъ рѣшительно приступилъ къ Тредьяковскому, чтобъ онъ безъ дальней благодарности и витійства далъ ему вѣсть о молдованской княжнѣ.

Василій Кирилловичъ разсказалъ за тайну, что ея сіятельство была очень скучна, узнавъ, что его превосходительство сдѣлался нездоровъ, что она разспрашивала, всѣ ли красавицы петербургскія ѣздятъ ко двору и нѣтъ ли какой въ городѣ, ей неизвѣстной; когда-жъ Василій Кирилловичъ, какъ новый Парисъ, вручилъ ей золотое яблоко, она казалась очень довольною. Далѣе спрашивала объ играхъ и затѣяхъ святочныхъ, собиралась, нынѣ же, когда мѣсяцъ станетъ уклоняться къ полуночи, выдти съ подругами своими на крыльцо и погадать о суженомъ; наконецъ, во время урока, принялась чертить свое имя и еще кое-что... Но, несмотря на старанія учителя взять эту записочку, Маріорица никакъ не согласилась отдать ее, боясь, что она попадетъ въ руки Артемія Петровича.

Мы видѣли, однакожъ, что эта самая записка очутилась въ «Телемахидѣ», между листами, вмѣсто закладки, и дошла, къ кому слѣдовала: такъ-то хитра любовь женщины! Вѣрьте, что она, когда нужно, про-

ведетъ не только профессора краснорѣчія, но и посѣдѣлаго въ дипломатіи мужа.

Утѣшенный Волынскій, съ новымъ запасомъ для своихъ волшебныхъ замковъ, выпроводилъ отъ себя Тредьяковскаго, а этотъ, уложивъ въ свой табачный, носовой платокъ богатую пару платья, ему подаренную, и свою «Телемахиду», отправился съ этимъ сокровищемъ домой. Вслѣдъ за его отбытіемъ пришли доложить кабинетъ-министру, что какія-то святочныя маски просятъ позволенія явиться къ нему. Велѣно пригласить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕРЯЖЕНЫЕ

„Послушай", говоритъ: „коль ты, умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!"

Крыловъ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали;
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали.

Жуковскій.

Еще на лѣстницѣ послышались пѣсни, хохотъ, пискъ, кваканье, говоръ на разные голоса. И какая бѣда съ профессоромъ элоквенціи. Ему на встрѣчу ватага переряженныхъ. Его оглушили, засвистали, защекотали; отъ парика его пошла пудра столбомъ. Въ этой суматохѣ онъ думалъ не о себѣ; нѣтъ, великій мужъ мыслилъ, подобно Камоэнсу, гибнущему въ морѣ, о спасеніи «Телемахиды» и праздничной пары. Жалѣя о своемъ дѣтищѣ, которое могло-бы пострадать отъ приступа маскарадныхъ героевъ, онъ повернулъ медвѣжьи стопы назадъ: его заперли и увлекли. Какъ огромный гремучій змѣй втянулись они въ залъ, составили «польскій», сгибаясь въ кольца и разгибаясь въ безчисленныхъ изворотахъ, но не выпуская изъ

своего круга бѣднаго, измученнаго кропателя стиховъ. Тутъ были инка, грандъ и донна, испанцы только по женскимъ мантильямъ, на нихъ накинутымъ, и по перьямъ на шапочкахъ съ бриллiантовыми аграфами. Шлейфъ донны несли два карла. Сбитеньщикъ, съ огромнымъ подушечнымъ брюхомъ, давалъ руку турку, трубочистъ, съ знатнымъ арiергардомъ на спинѣ,—великолѣпной Семирамидѣ въ фижмахъ, чертенокъ—капуцину. Тутъ выступалъ журавль, у котораго туловище было изъ вывороченной шубы калмыцкаго мѣха, шея изъ рукава, надѣтая на ручку половой щетки, носъ изъ расщепленной на-двое лучины, а ноги — просто человѣческiя, въ сапогахъ. Рядомъ ревѣлъ и медвѣдь: эту роль игралъ человѣкъ въ медвѣжьей шубѣ, вверхъ шерстью. Однимъ словомъ, тутъ полный доморощенный маскарадъ, какой только младенческое искусство тогдашняго времени могло устроить. Въ затѣяхъ подобнаго рода наши предки не были изящны; зато они веселились не равнодушно, не жеманно. Одинъ только рыцарь, запаенный съ ногъ до головы въ благородный и неблагородный металлъ, отличался приличiемъ и богатствомъ своей одежды; онъ одинъ хранилъ угрюмое молчанiе. Замѣтно было по жилистымъ, полновѣснымъ ручкамъ донны и Семирамиды, что онѣ способны управлять не иглой, а палашомъ.

Одна изъ масокъ остановилась въ сѣняхъ, ей—на встрѣчу барская барыня.

— Что новаго?—спросила первая.

— Цыганка послѣ смотра долго оставалась наединѣ съ бариномъ, — отвѣчала вторая на ухо переряженному, — допытайте ее хорошенько... За мной строго присматриваютъ...

Разговаривавшіе послышали шумъ шаговъ внизу лѣстницы, и бросились каждый въ свою сторону.

Прервавшій ихъ тайную бесѣду былъ волшебникъ въ высокой, островерхой шапкѣ и въ долгополой мантіи съ іероглифами и зодіаками, съ длинною тростью въ одной рукѣ и урной въ другой.

Гости очень веселились, танцовали живо, какъ молодые, плясали уморительно по-стариковски, приводя въ движеніе подушки, которыми обвязались; закидывали хозяина вопросами на разные чудные голоса, пускали шутихи остроумія и, повременамъ, намекали ему о нѣкоторыхъ тайнахъ его, извѣстныхъ только его друзьямъ. Это мучило Артемія Петровича; онъ не выдержалъ и приказалъ *маршалку* вывѣдать отъ кучеровъ, стоявшихъ у подъѣзда, кто были переодѣтые. Кучера сначала отговаривались, но гривна на водку вся открыла: они разсказали, что главныя маски были гофъ-интендантъ Перокинъ и тайный совѣтникъ Щурховъ, друзья Волынскаго, съ своими близкими. Узнали еще, что этотъ маскарадъ воэвращался уже изъ дворца, гдѣ увеселялъ больную государыню. Въ самомъ дѣлѣ, Артемій Петровичъ, сличая ростъ и ухватки своихъ друзей, увѣрился, что это точно они, да и карлы были тѣ самые, которыхъ онъ видалъ у Перокина и Щурхова. Вельможи эти были не молодыхъ лѣтъ, но въ тогдашнее, нещекотливое на приличіе время, старость и знать подъ веселый часъ любили подобныя затѣи, въ кругу пріятельскомъ или по закону государыни.

Турокъ потребовалъ питья у сбитеньщика, и этотъ налилъ ему изъ свой баклаги густого токая.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, — вскричалъ Артемій Петровичъ — стаканъ въ

дребезги — и далъ приказъ расшевелить всѣ углы домашняго погреба, завѣтнаго хранилища богатыхъ заморскихъ винъ.

Пиръ поднялся горой; стопы и чары, постукивая, начали ходить кругомъ; разлилось море вина, хоть купайся въ немъ. Инка, турокъ, Семирамида пили по-русски. Капуцинъ, осушая стопу, ссылался, что соблазнилъ его нечистый, а бѣсъ приговаривалъ, что, попавъ въ общество капуцина, поневолѣ научишься пить. Гости продолжали говорить не своими голосами, изрѣдка обстрѣливая Бирона и его приверженцевъ; хозяинъ, увлекаясь живостью своего характера, не выдерживалъ и осыпалъ герцога посылками съ убійственной начинкой. Только долговязый рыцарь молчалъ, какъ нѣмой, но пилъ за двоихъ. Надо оговориться, что Артемій Петровичъ, давъ слово гостямъ не нарушать ихъ маскарадной тайны, свято исполнилъ его; гостямъ-же бумажныя забрала позволяли, осушая стопы, сохранить свое инкогнито. Между тѣмъ Зуда съ ужимочками, съ улыбочками и привѣтствіями подходилъ то къ одной, то къ другой маскѣ, и каждаго ощупывалъ по роду его отвѣтовъ.

— Ахъ! — возопилъ инка, — изъ столицы солнца, гдѣ жгли меня и лучи его и жаровни испанцевъ, я прибѣжалъ прохладиться въ Россію.

— Ошиблись, ваше индѣйское величество! — подхватилъ Волынскій, — здѣсь научились жарить на морозѣ безъ огня и угольевъ.

Индѣецъ посмотрѣлъ на бѣса, бѣсъ на индѣйца, а хозяина въ это время дернулъ за полу кафтана волшебникъ.

— Кой чортъ его дергаетъ! — вскричалъ Волын-

скій.—Да, братецъ, господинъ волшебникъ, эта наука не доморощенная, привезена къ намъ изъ-за моря не русскимъ вельзевуломъ.

— Не русскимъ! да изъ какой-же земли? — спросилъ грозно турокъ.

— Пасую отвѣтомъ!—закричалъ чертенокъ.

— Изъ земли выходцевъ, гдѣ главныя достоинства счастіе и отвага,—прервалъ Волынскій,—жалъ только, что онъ не нашъ выходецъ, и на вѣки!

— Хватъ! перещеголялъ и меня!—восклицалъ бѣсъ, хлопая въ ладоши.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, братецъ, — спросилъ шопотомъ сбитеньщикъ Артемія Петровича, отведя его въ уголъ залы:—кто это волшебникъ?

— Да вѣдь онъ съ вами пріѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ увязался за нами на лѣстницѣ, не шпіонъ-ли герцога?

— А вотъ я скоро съ нимъ раздѣлаюсь, сдерну съ него фальшивую рожу.

— Постой, два слова...

— Боже! онъ погубитъ себя!—шопотомъ говорилъ Зудѣ волшебникъ, отведя его въ сторону, — онъ вѣрно принимаетъ его за друга... Сердце замираетъ отъ мысли, что онъ проговорится... Онъ съ бѣшенствомъ на меня посмотрѣлъ, грозился на меня, показывалъ, что сдернетъ съ меня маску... Я погибъ тогда. Отведи его, ради Бога!

— А меня ты узналъ скоро? — спросилъ сбитеньщикъ хозяина.

— Разомъ.

— Кто-жъ я?

— Перокинъ.

— Плутище!

— Въ другой разъ прячь получше свои толстыя жабры, пышныя губки и бородавку на ухѣ, а карломъ своимъ не хвастайся.

— Есть-ли новости, братъ?

— О, важныя! Малороссіянинъ...

— Ну что? тише...

— И мертвъ, и живъ.

— Что за притча!—Какимъ-же образомъ?

— До васъ я только-что получилъ...

— Сюда, Артемій Петровичъ! время не терпитъ!— вскричалъ страннымъ голосомъ Зуда, увлекая за собою упиравшагося волшебника:—плутоватъ, какъ Макіавель!

— Макіавель? — повторилъ Волынскій, — я разомъ къ тебѣ буду,—прибавилъ онъ, обратясь къ сбитеньщику, и бросился въ ту сторону, гдѣ Зуда возился съ астрологомъ.

Этотъ отъ Волынскаго, далѣе и далѣе, и въ противный уголъ залы, гдѣ никого не было.

— Вы губите себя,—сказалъ онъ Артемію Петровичу, схватя его за руку и легонько пожавъ ее.

Зуда присовокупилъ шопотомъ:

— Слушайте его, а не то бѣда! — потомъ сказалъ вслухъ,—колдунъ вовсе не пьетъ.

— Избавьте меня! — умолялъ жалобнымъ голосомъ астрологъ,—за то я предскажу вамъ будущность вашу. Выньте изъ урны вашъ жребій.

— Посмотримъ, посмотримъ!

Хозяинъ опустилъ въ волшебный сосудъ руку. между тѣмъ чародѣй протяжно запѣлъ непонятныя слова, какъ муэззинъ взываетъ на минаретѣ къ молитвѣ.

— Эй, люди, сюда!—закричалъ Волынскій, — держите его! бѣда колдуну, если онъ напророчитъ мнѣ худое: утоплю его въ винѣ.

Человѣка три ухватились за волшебника; изъ нихъ и Зуды составилась порядочная группа, почти закрывавшая главныя лица этой сцены. Молчаливый рыцарь всталъ съ своего мѣста, и не слыша, что они говорили между собою, впился въ ихъ душу глазами, сверкающими изъ-подъ маски, которую въ это время коробило.

Волынскій вынулъ изъ урны свернутую бумажку и прочелъ.

«Берегитесь! всѣ ваши гости лазутчики Бирона, выучившіе роль вашихъ друзей и пріѣхавшіе къ вамъ подъ именами ихъ. Они хотятъ втереться къ вамъ въ кабинетъ. Не оскорбляйте рыцаря: это братъ герцога».

Рука записки была та же, которая писала длинное, таинственное посланіе.

— Хитрая штука! — вскричалъ хозяинъ, стараясь не казаться озабоченнымъ. — Предсказывать, что мнѣ не будетъ болѣе успѣха въ волокитствѣ!... Качать его за то!... Эй, качать колдуна! — Осторожнѣе! — прибавилъ онъ потихоньку одному изъ своихъ слугъ, взявшихся за волшебника.

И двадцать молодцовъ, исполняя свято приказъ господина, подъ ладъ пѣсни бросали гостя вверхъ, какъ мячикъ, и принимали его бережно на руки, будто на пуховики. Между тѣмъ Артемій Петровичъ шепнулъ подъ шумокъ одному изъ своихъ слугъ, чтобы стерегли входъ въ кабинетъ, отослали домой сани пріѣхавшихъ гостей и запрягли три удалыхъ тройки съ собственной его конюшни, потомъ, возвратясь къ мни-

мому Перокину, продолжалъ начатый съ нимъ разговоръ.

— Вотъ видишь, любезный другъ,—сказалъ онъ,— я только-что предъ вами получилъ прошеніе на имя государыни за подписью какого-то Горденки и еще нѣсколькихъ важныхъ лицъ. Въ немъ описываются злодѣянія Бирона. Но — слышишь? просятъ вина! Не взыщи. Завтра въ 8 часовъ утра пріѣзжай ко мнѣ съ нашими задушевными — я вамъ разскажу все подробно.

— Зачѣмъ откладывать?... завтра... что-нибудь помѣшаетъ...

— Насъ могутъ услышать.

— Войдемъ въ кабинетъ...

— Не могу, право слово!... Эй! маршалокъ! бокалъ сюда! — закричалъ грозно Волынскій, приставъ къ шумящимъ гостямъ, и запѣлъ! «*Чарочка моя, серебряная, кому чару пить, кому выпивать...*» Да какая-же чара!—прибавилъ онъ, наливая бокалъ,—не только съ хмѣлькомъ, да и съ зельецомъ...

— *Выпивать ее Артемію Петровичу*,—запѣли два, три голоса съ коварною усмѣшкой.

— А я такъ думаю, всѣмъ гостямъ моимъ,—возразилъ съ такою-же усмѣшкой хозяинъ.

И чара обошла всѣхъ гостей, кромѣ волшебника, успѣвшаго скрыться.

— Эй! скорѣй еще вина!

Чертенокъ, воспользовавшись обращеніемъ Волынскаго къ своему дворецкому, погрозилъ вслѣдъ ему пальцемъ и примолвилъ:

— Послѣ такихъ винъ, какъ твои, господинъ хозяинъ, и ты не увернешься отъ нашихъ когтей

На эту шуточную угрозу, Волынскимъ услышанную, онъ отвѣчалъ:

— У насъ, по милости хозяина, во всякое время найдется довольно винъ, чтобы виноватымъ быть. Бѣда, бѣда сбитеньщику! За нимъ я вижу опять недоимка. Зуда, не отходи отъ него, пока не очиститъ, а то въ доимочный приказъ и на морозъ босыми ногами.

— Что скажете вы на все это, господинъ рыцарь?—спросилъ чертенокъ молчаливаго крестоносца.

Рыцарь молча ударилъ по эфесу меча своего.

— Ошиблись, господинъ! вы вмѣсто сѣкиры привѣсили благородный мечъ, — сказалъ Волынскій горячась.

— Не миновать тебѣ и ея!—былъ отвѣтъ рыцаря, какъ будто вышедшій изъ могилы.

Хозяинъ вспыхнулъ, но старался скрыть свое негодованіе.

— Что-то помалчиваетъ наша Семирамида?—лукаво спросилъ инка.

— Она горюетъ, — продолжалъ Волынскій, — что ошиблась въ выборѣ своего рыцаря. Но добрая Семирамида узнаетъ когда-нибудь свою ошибку—къ чорту угрюмаго конюшаго (при этихъ словахъ рыцарь нахохлился) и блаженство польется въ ея странѣ, какъ льется теперь у насъ вино. Друзья, за здравіе Семирамиды!

— За здравіе Семирамиды!—воскликнули гости, и стопы зазвучали.

— «Виватъ!»—возгласилъ турокъ.

— «Ура»! родное «ура»!—закричалъ хозяинъ.

— Виватомъ у насъ въ Петербургѣ встрѣчаетъ войско свою государыню.

— Войску велятъ нѣмцы-командиры, а намъ кто указываетъ! «Ура!» многія лѣта царицѣ! вѣки безконечные ея памяти!

— Слышишь?—сказалъ чертенокъ шопотомъ, толкнувъ монаха: «память ей вѣчная!»

— Да, да, я слышалъ,—отвѣчалъ капуцинъ,—слышалъ вѣрно и благородный рыцарь. Мы всѣ свидѣтели; отъ этого онъ не отопрется.

Волынскій подошелъ къ своимъ слугамъ и приказалъ, чтобы качали поперемѣнно всѣхъ его гостей.

— Бойчѣе!—прибавилъ онъ мимоходомъ: — разомните имъ кости!

Этотъ приказъ развязалъ руки качальщиковъ. Надо было видѣть, какъ летали турокъ, чертенокъ, капуцинъ и прочія маски. «Злодѣи! разбойники! тише, родные, пощадите!—кричали они, посылаемые сильными руками къ потолку. При этомъ дѣйствіи славили гостей подъ именами Перокина, Шурхова и другихъ, за кого приказано было людямъ принять ихъ. Едва унеся свое тѣло и душу изъ этой потѣхи, они еще принуждены были щедро наградить *за славленіе:* такъ водилось у нашихъ предковъ. Перокинъ болѣе всего держался за свои уши, бородавка на одномъ изъ нихъ не уцѣлѣла. Волынскій притворился, будто этого не замѣтилъ. Грозный рыцарь, по просьбѣ его товарищей, Семирамида, изъ уваженія къ ея высокому сану и полу, и Тредьяковскій, который уже храпѣлъ на стулѣ въ углу комнаты, обнявъ крѣпко свою «Телемахиду», одни избавились отъ торжественнаго возношенія подъ потолокъ.

— Умирать!—закричалъ Волынскій, ставъ на средину зала.

И вся многочисленная дворня, бывшая въ комнатѣ, окруживъ своего владыку и преклонивъ голову, пала къ нему въ ноги, какъ морскія волны, прибитыя взмахомъ вѣтра къ подножію колонны, стоящей посреди пристани. Нѣсколько минутъ лежали слуги, будто мертвые, не смѣя пошевелиться; но вдругъ, по одному мановенію своего господина, встали, затянувъ ему громкую пѣсню славы. Подъ ладъ ея подняли его на руки и осторожно покачали. Когда-жъ эта русско-феодальная потѣха кончилась, Волынскій нарядился въ богатый кучерской кафтанъ и предложилъ своимъ гостямъ прокатиться.

Согласились тѣмъ охотнѣе, что замашки хозяина грозили ужь опасностью. Каково-жъ было ихъ изумленіе и страхъ, когда они, вмѣсто своихъ экипажей, нашли у подъѣзда сани съ людьми, имъ вовсе незнакомыми? Три бойкія тройки, прибранныя подъ масть, храпѣли и рыли снѣгъ отъ нетерпѣнія.

— Извините, друвья,—сказалъ Волынскій:—ваши сани отосланы. Размѣщайтесь смѣлѣе; я васъ покатаю и развезу по домамъ.

Незваные гости не знали, какъ вырваться изъ западни: надобно было согласиться и на это предложеніе хозяина, который въ подобныхъ случаяхъ не любилъ шутокъ, и постараться, во время катанія, ускользнуть отъ него по-добру, по-здорову. Когда-жъ почти всѣ маски размѣстились, продолжая свое инкогнито, Артемій Петровичъ приказалъ кучерамъ на двухъ саняхъ, при которыхъ на облучкахъ усѣлись еще по двое дюжихъ лакеевъ, чтобъ они умчали своихъ сѣдоковъ на «Волково поле» и тамъ ихъ оставили.

— Слышите! на «Волковомъ полѣ» сбросить ихъ!— произнесъ онъ грозно;—потомъ, обратясь къ гостямъ, прибавилъ:—шутка за шутку! прощайте, господа! Теперь смѣйтесь на мой счетъ, сколько вамъ угодно! катай!...

Несчастные жалобно возопили, но кучера гаркнули, свистнули, полозья засипѣли, бубенчики на лошадяхъ залепетали, и въ одинъ мигъ сани, навьюченныя жертвами шпіонства, исчезли изъ виду.

— Теперь,—сказалъ Волынскій, садясь кучеромъ въ третьи сани, гдѣ помѣстился рыцарь печальнаго образа, довольно нагруженный виномъ, и обратясь къ нему:—позвольте отвезть вашу свѣтлость къ лѣтнему дворцу. Вы уже довольно наказаны страхомъ и, прибавлю, стыдомъ, что попали въ шайку подлыхъ лазутчиковъ. Знайте, за часъ до вашего пріѣзда меня извѣстили о вашемъ посѣщеніи, и потому я приготовился васъ встрѣтить. Мои шпіоны не хуже герцогскихъ. Вы, думаю, поймете, что шутками на счетъ вашего брата хотѣлъ я только доставить вамъ и вашимъ товарищамъ пищу для доноса. Увѣрьте, однакожъ, его свѣтлость, что какъ я, такъ и друзья мои никогда не потерпимъ личнаго оскорбленія, даже и отъ него. Мы спокойны: клеветѣ и зависти не сдѣлать бѣлаго чернымъ. Преданность наша государынѣ всѣмъ извѣстна: должнаго уваженія нашего къ герцогу мы никогда не нарушали. Но для всякой предосторожности, чтобы не перетолковали въ худую сторону моихъ шутокъ, нынѣ-жъ донесу ему обо всемъ, случившемся въ моемъ домѣ, и объ оскорбленіяхъ, мнѣ лично сдѣланныхъ людьми, играющими роль его лазутчиковъ. Надѣюсь, если вы не хотите, чтобы ны-

нѣшняя исторія извѣстна была государынѣ, и вы подтвердите мое донесеніе. Вотъ «Лѣтній дворецъ!» извольте сойти, цѣлы и невредимы; благодарите за то родству вашему съ герцогомъ курляндскимъ. Покойной ночи, Густавъ Биронъ!

Не отвѣчая ничего, со стыдомъ вышелъ рыцарь изъ саней и скрылся у входа въ жилище герцога. Остававшаяся при немъ свита выпрыгнула за нимъ, какъ лягушки, распуганныя на берегу, опрометью бросаются въ свое болото. Не такъ хорошо кончили свое ночное поприще ихъ пріятели. По буквальному тексту даннаго приказа, они выброшены на Волковомъ полѣ, получившемъ свое знаменитое названіе отъ волковъ, приходившихъ туда каждую ночь доканчивать тѣхъ, которые при своей жизни не были пощажены жестокостью собратій, а по смерти ихъ пренебреженіемъ.

Маски въ лунную ночь на кладбищѣ—и еще какомъ, Боже мой!—гдѣ трупы не зарывались—инка, Семирамида, капуцинъ, чертенокъ, это разнородное собраніе, борющееся съ мертвецами, которые, казалось имъ, сжимали ихъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ, хватали когтями, выростали до неба и преслѣдовали ихъ стопами медвѣжьими; стая волковъ, съ вытьемъ отскочившая при появленіи неожиданныхъ гостей и ставшая въ чуткомъ отдаленіи, чтобы не потерять добычи: таковъ былъ *дивертисементъ*, приготовленный догадливою местью героямъ, храбрымъ только на доносы. Къ довершенію ихъ горя, надо было имъ пройти до своихъ квартиръ нѣсколько верстъ пѣшкомъ и на морозѣ.

Торжествующій Волынскій, обѣщаясь быть впередъ осторожнѣе (что онъ не разъ уже обѣщалъ), отослалъ

слугъ домой и въ кучерской одеждѣ поѣхалъ шагомъ мимо «Зимняго дворца».

Луна, полная и свѣжая, какъ дѣва, только-что достигшая періода своей физической образованности, выказывала на голубомъ небѣ округленныя, роскошныя формы свои: то едва закрывалась сквозной косынкой облачка, то шаловливый вѣтерокъ сдергивалъ ее. Ночь была такъ свѣтла, что можно было читать. На улицахъ никого. Тишина и игра луннаго свѣта придавали этой ночи какую-то таинственность. По луговой линіи во всѣхъ домахъ огни были погашены; одѣтыя къ сторонѣ дворца мракомъ, зданія стали, какъ угрюмые исполинскіе стражи его, и простерли тѣнь свою, будто огромные зазубренные щиты. Одинъ дворецъ изукрашенъ былъ огнями, игравшими сквозь окна, какъ золотая фольга, и затопленный свѣтомъ луны, благопріятно обратившейся къ нему лицомъ, блестѣлъ миріадою снѣжныхъ бриллiантовъ. Воображая себя витяземъ нашихъ сказокъ, катился Волынскій по снѣжному полотну мимо этихъ волшебныхъ палатъ, гдѣ жила его княжна. Словно духи, его преслѣдовавшіе, тѣни отъ коней его то равнялись со дворцомъ, то далеко убѣгали, ложась по берегу Невы.

Разъ проѣхалъ мнимый ямщикъ подъ самыми окнами Маріорицы и мимо маленькаго дворцоваго подъѣзда. Какая досада! никого не видно. Въ другой, объѣхавъ двѣ, три улицы и возвращаясь опять къ крыльцу, какъ бы очарованному для него, онъ замѣтилъ издали мелькнувшія изъ сѣней головы. Ближе—нельзя сомнѣваться: это головы женскія. На лѣстницѣ, сошедшей въ улицу, захрустѣлъ снѣгъ подъ ножками; хрустнуло

и сердце у Волынскаго. Сильною рукою замедляетъ онъ шагъ коней.

Дѣвушки смѣялись, бросали свои башмачки, спрашивали служанку, ходившую поднимать ихъ, въ какую сторону легли они носкомъ, рѣзвились между собою, пололи снѣгъ и, наконецъ, увидѣвъ мимо ѣхавшаго ямщика, начали споръ. «Спроси ты»,—говорила одна. «Нѣтъ, ты! нѣтъ, ты!—слышалась перестрѣлка тоненькихъ, нѣжныхъ голосовъ,—голосовъ, заставляющихъ прыгать всѣ струны нашего сердца, особенно когда раздаются въ святочную ночь, въ таинственной ея тиши, когда и живописецъ-мѣсяцъ очерчиваетъ для васъ пригожія личики говорящихъ. Наконецъ, одна осмѣлилась, и спросила мнимаго ямщика.

— Какъ тебя зовутъ, дружокъ?

Волынскій содрогнулся и невольно остановилъ лошадей; въ этомъ вопросѣ онъ узналъ звуки Маріорицына голоса.

— Артеміемъ, сударыня!—отвѣчалъ онъ, скинувъ шапку.

— Артемій?—повторила задумавшись молдаванская княжна, и кровь ея, поднявшись быстро отъ сердца въ лицо, готова была брызнуть изъ щекъ.

— Артемій?—закричали смѣясь дѣвушки: — какое дурное имя!

— Неправда оно мнѣ нравится, — подхватила княжна.

— Кто бы это былъ вашъ суженый?—продолжали ея подруги.—Всѣ, кого мы знаемъ, не пара вамъ или дуренъ, или женатъ.

«Я знаю моего суженаго, моего неизбѣжнаго», ду

мала Маріорица, и молчала, пылая отъ любви и чувства фатализма.

Дѣвушки перешептывались, а лихой ямщикъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ; наконецъ и онъ осмѣлился обратиться къ нимъ съ вопросомъ:

— Смѣю спросить: васъ какъ зовутъ?

— Катериной! Дарьей! Надеждой! Марьеи!—посыпались отвѣты.

— Неправда, неправда,—сказалъ гнѣвно одинъ голосокъ:—Маріорицей!

И этотъ голосъ былъ покрытъ хохотомъ подругъ ея.

Ямщикъ вздохнулъ, надѣлъ шапку на бекрень и тронулъ шагомъ лошадей, затянувъ пріятнымъ голосомъ:

Вдоль по улицѣ мятелица мятетъ
За мятелицей и милый другъ идетъ.
«Ты постой, постой, красавица моя,
Еще дай ты насмотрѣться на себя.
На твою, радость, прекрасну красоту;
Красота твоя съ ума меня свела;
Сокрушила добра молодца меня».

Возвратившись домой, Артемій Петровичъ засталъ воспитанника Ролленева спокойно спящимъ на томъ же стулѣ, на которомъ хмѣль пріютилъ его. Влюбленному пришла мысль воспользоваться для своихъ замысловъ положеніемъ стихотворца.

«Пора къ дѣлу!—сказалъ онъ самъ про себя. Она такъ неопытна; давно ли изъ гарема? кровь ея горитъ еще жаромъ полудня: надо ковать желѣзо, пока горячо! Свѣтское приличіе, которому скоро ее научатъ, разсудокъ, долгъ, одно слово, что я женатъ... и мои

мечты всѣ въ прахъ! Напишу ей записку и перешлю съ господиномъ Телемахомъ. Она найдетъ ее... будетъ отвѣчать, если меня любитъ... а тамъ тайное свиданіе, и Маріорица, милая, прелестная Маріорица моя!

И Волынскій пишетъ, исполненный адскихъ замысловъ, вскружившихъ ему голову до того, что онъ не видитъ ужасной будущности, которую готовитъ вдругъ и своей супругѣ и дѣвушкѣ, неопытной, какъ птичка, въ первый разъ вылетѣвшая изъ колыбельнаго гнѣзда своего на зовъ теплаго, лѣтняго дыханія.

Вотъ что онъ пишетъ:

«Не выдержу долѣе!... Нѣтъ, не достанетъ силъ человѣческихъ, чтобы видѣть тебя, милая, прекрасная, божественная Маріорица, видѣть тебя, любить и молчать. Куда бѣжать мнѣ съ моимъ сердцемъ, растерзаннымъ мукою любви? Почему не могу вырвать его изъ груди своей, чтобы бросить псамъ на съѣденіе?... Мысли мои помутились, горячка пробѣгаетъ по жиламъ, уста мои запеклись: одно слово, только одно слово, росинку надежды — и я блаженъ, какъ ангелы на небесахъ! Видишь, я у твоихъ ногъ, обнимаю ихъ, цѣлую ихъ слѣдъ, какъ невольникъ, который чтитъ въ тебѣ и свою владычицу и божество, которому ты свѣтъ, жизнь, воздухъ, все, что для него только дорого на землѣ и въ небѣ. О, милая, безцѣнная Маріорица! Ужели жестокостью своей захочешь ввергнуть меня въ бездну тартара? Ужели хочешь видѣть трупъ мой подъ окнами твоими?... Рѣши мою участь. Положи отвѣтъ въ ту же книжку, которую къ тебѣ посылаю, и возврати мнѣ ее на имя Тредьяковскаго завтра по утру, какъ можно ранѣе».

Волынскій не затруднялся сочинить это письмецо: любовь и опытность помогли ему. Не такъ легко было сочинителю пустить записку въ ходъ. Узелъ въ рукахъ опьянѣвшаго Тредьяковскаго развязанъ; но лишь только Артемій Петровичъ дотронулся до «Телемахиды», какъ творецъ ея, по какому-то сочувствію, замычалъ во снѣ. Дано ему забыться опять сномъ, и новый Язонъ опять принялся за похищеніе золотого руна. Мычаніе повторилось, но въ то самое время, какъ Волынскій, со всею осторожностью, вытягивалъ изъ узла громоздкое твореніе, арабъ вкладывалъ на мѣсто его такъ же осторожно полновѣсный фоліантъ. Послышавъ тягость въ своихъ рукахъ, Тредьяковскій захрапѣлъ.

Подрѣзана бумага подъ переплетомъ «Телемахиды», и письмецо вложено въ него такъ, что, коснувшись нѣжнымъ пальчикомъ, сейчасъ можно было его ощупать. Затѣмъ велѣно арабу ѣхать во дворецъ, отдать книгу княжнѣ Маріорицѣ Лелемико отъ имени ея учителя, Василія Кирилловича, который дескать ночуетъ у г. Волынскаго и приказалъ-де ей выучить къ завтрашнему дню, для произнесенія предъ государыней, первые десять стиховъ изъ этой книги и приказалъ-де еще переплетъ поберечь, книги никому не давать и возвратить ее рано по-утру человѣку, который за ней придетъ. Арабу наказано было отдать посылку какъ можно осторожнѣе, или въ собственныя руки княжны, или горничной, однакожъ такъ, чтобы онъ слышалъ, что книга отдана княжнѣ. Съ сердцемъ, полнымъ страха и надежды, какъ водится въ такихъ случаяхъ, Волынскій отправилъ своего черномазаго Меркурія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАПАДНЯ

Кого кто лучше проведетъ,
И кто хитрѣй кого обманетъ?
Крыловъ.

Съ сырыми отъ снѣга башмаками возвратились гофъ-дѣвицы домой изъ своего путешествія въ волшебный міръ гаданья. По каменнымъ, истертымъ ступенямъ дворцовой лѣстницы прядали онѣ какъ серны. Всѣ собрались въ комнатѣ Маріорицы.

— Наши русскія барышни свычны со снѣгомъ,— сказала княжнѣ ея горничная, уговаривая перемѣнить обувь, — имъ ничего! а вы у насъ прилетная птичка изъ теплыхъ краевъ.

— И я хочу быть русской!—отвѣчала Маріорица; однакожъ послушалась, чувствуя, что ноги ея были очень мокры.

Усадили княжну въ огромныя, президентскія кресла, которыхъ древность и истертый бархатъ, чернаго порыжѣлаго цвѣта, еще рѣзче выказывали это юное, прелестное твореніе, разрумяненное морозомъ, — въ блестящей одеждѣ, полураспахнувшейся, какъ бы для

того, чтобы обличить стройность и нѣгу ея формъ. Это былъ розовый листъ, павшій на рясу чернеца, лебедь, покоющійся въ темной осокѣ. Окруженная подругами, которыя смотрѣли на нее, какъ бы желали себѣ, одна—ея мягкихъ волосъ, свивавшихся черными лентами около шеи и до пояса, другая — ея румянца, третья — ея стана, плечъ и, Богъ знаетъ, чего еще; замѣчая въ ихъ глазахъ невольную дань ея превосходству и видя это превосходство въ зеркалѣ; осыпанная нѣжными заботами служанки, стоявшей на колѣнахъ у ногъ ея, Маріорица казалась какою-то восточною царицей, окруженною своими подданными. Горничная проворно скинула съ нея обувь, брала то одну, то другую ногу въ руки, грѣла ихъ своимъ дыханіемъ, потомъ на груди своей; согрѣвши, положила одну ножку на ладонь къ себѣ, любовалась ею, показала ее въ какомъ-то восторгѣ подругамъ княжны, какъ-бы говоря: «я такой еще не видывала! вы видали-ли? и, поцѣловавъ, спѣшила обуть. Маріорицѣ, раскинувшейся на бархатѣ креселъ, которыя, казалось, бережно огверзали ей свои древнія ручки, какъ старецъ осторожно принимаетъ въ изсохшія объятія милое дитя свое,—Маріорицѣ пріятны были искреннія ласки горничной. Однакожъ, она вздохнула. Кто изъ мужчинъ, видавшихъ ее, не желалъ бы быть предметомъ и живымъ истолкователемъ этого вздоха?

И вотъ фатализмъ опять взвился надъ нею, какъ хищный орелъ, чтобы вырвать и эту сокровенную жертву. Кто-то постучался у дверей. Служанка вышла и скоро возвратилась съ огромною книжицей и порученіемъ отъ г-на Тредьяковскаго, переданнымъ вполовину.

— Охъ! ужь этотъ мнѣ Василій Кирилловичъ! — сказала княжна, топнувъ слегка ногой и съ досады надувъ губки. — Легко-ли?... выучить наизустъ эти стихи, въ которыхъ вязнетъ языкъ, будто ѣдешь на лѣнивомъ ослѣ по грязнымъ улицамъ Хотина!... Выучить наизустъ! Мучитель! безбожникъ!

— Велѣно еще доложить вамъ, сударыня, — примолвила торопясь служанка, будто стараясь разсказать выученный урокъ,—что вашъ учитель, дескать, остался опочивать у егарей-мастера Артемія Петровича Волынскаго, проситъ васъ переплетъ книжицы поберечь, ее самое никому не давать, а возвратить человѣку, который отъ него присланъ будетъ завтра поутру, какъ можно ранѣе, потому-де, что книжица эта ему очень нужна.

При этомъ докладѣ мысль, что въ посылкѣ скрывается что-нибудь таинственное, пробѣжала, какъ огненная змѣйка, въ головѣ смѣтливой и — нечего грѣха таить — влюбленной дѣвушки. Угадчикъ-сердце шибко застучало. Маріорица призадумалась было, какъ математикъ надъ рѣшеніемъ трудной задачи; но поспѣшила спрятать въ душу свои догадки, раскрыла книгу съ важностью президента и принялась за урокъ, читая его вслухъ. Отъ первыхъ стиховъ:

— «*Въ крайней тоскѣ завсегда уже пребывала Калипса*», — и проч., гофъ-дѣвицы были въ восторгѣ.

— Какъ это хорошо! такъ и тянетъ за душу, — говорили онѣ; но вдругъ захохотали, смотря лукаво другъ на друга, когда дошли до описанія кораблекрушенія:

Се вдругъ узрѣла она корабля разбитаго Доски,
Лавки Гребецки почти на Дщицы переломаны, Весла

Также туда и сюда по песку разметаны, купно
Щеглу [1]), Кормило одно и Верви при брегѣ пловущи...

— Не мѣшайте мнѣ учиться,—сказала Маріорица, принявъ гнѣвный видъ, и подруги ея смѣясь высыпали изъ комнаты.

Съ робостью осмотрѣлась кругомъ Маріорица. Въ комнатѣ, кромѣ ея, никого. Она начала трудиться надъ книгой, перелистываетъ ее, шаритъ въ ней...

Могла-ли она думать, что въ перегородкѣ, отдѣлявшей ея спальню отъ комнаты Груни, ея горничной, была умышленно проверчена щель? Могла-ли подозрѣвать, что этой горничной настрого приказано оберъ-гофкомисаромъ Липманомъ неусыпно приглядывать за ея поступками? Не будетъ-ли наказовъ, посылокъ, записокъ — и именно изъ дому Волынскаго?... Боже упаси Груню утаить что-нибудь! Домашній лазутчикъ кабинетъ-министра ужь далъ знать герцогу, чрезъ кого слѣдовало, о склонности Артемія Петровича, проскочившей наружу въ разговорахъ его съ Тредьяковскимъ и Зудою. О! этотъ случай золотой, чтобы очернить соперника и врага въ глазахъ государыни, строгой на счетъ нравственности, или запутать его въ собственныхъ сѣтяхъ, такъ, чтобы онъ не могъ ужь вредить фавориту.

Горничная искренно любила свою госпожу, и нельзя было не любить ея. Обворожительная своею красотой и дѣтскою добротою сердца, Маріорица казалась существомъ, похищеннымъ изъ двухъ раевъ, магометова и христіанскаго. Грунѣ гораздо было бы пріятнѣе по-

---

[1]) *Машта:* NB. Толкованіе г. Тредьяковскаго. Въ стихахъ соблюдено его право, или кривописаніе.

вести любовное дѣло, въ которомъ она могла бы показать все свое мастерство и усердіе, нежели шпіонить противъ нея; но выступить изъ повелѣнія Липмана, оберъ-гофкомисара, любимца Биронова и крестника государынина, можно было только, положа голову въ петлю.

Родомъ жидъ, онъ остался жидомъ, хотя по наружности обновилъ себя духомъ. Вывезенный герцогомъ, нагъ и нищъ, изъ Курляндіи и имъ обогащенный въ Россіи, онъ готовъ былъ, по одному только намеку его, оклеветать, пытать, удавить и утопить кого бы ни попало. И потому Груня покорилась необходимости. Творя крестныя знаменія и читая молитвы, она исполняла приказъ грознаго перекрещенца.

Случалось-ли вамъ играть въ отгадку подъ музыку или стукъ какой-нибудь вещицы? Такъ Маріорица искала чего-то въ книгѣ Тредьяковскаго подъ маятникомъ своего сердца. То билось оно тихо, то шибче, и вдругъ затрепетало, какъ голубь въ рукахъ охотника; кровь пошла скоро, скоро, будто колеса въ часахъ, когда порвалась цѣпочка: Маріорица ощупала роковую записку. Вынуть, прочесть ее, упиваться страстными выраженіями, отмѣтить малѣйшіе оттѣнки любви, слить эти оттѣнки въ одну радугу надежды, погоревать, даже поплакать, что бѣдный ея Артемій Петровичъ такъ страдаетъ отъ любви; наконецъ поцѣловать разъ, еще разъ, нѣжно, страстно, роковое посланіе и потомъ спрятать его на груди, у сердца, вотъ что дѣлала Маріорица и что дѣлаетъ каждая влюбленная дѣвушка, получивъ записку отъ предмета своей любви (пожалуй, если угодно отъ жениха).

Несмотря на эту оговорку, предчувствую, что грозное ополченіе дѣвушекъ поднимается на меня войной, копьями своихъ булавокъ исковыряетъ эту печатную страницу и вездѣ встрѣтитъ меня крикомъ: «Неправда! неправда! Стыдъ автору! Смерть политическая его сочиненію!»

Виноватъ, виноватъ: я пошутилъ; и если вы находите, что Маріорица сдѣлала очень дурно, принявъ посланіе, то вспомните, что она воспитывалась въ гаремѣ.

— И онъ стоитъ у ногъ моихъ, какъ стояла Груня, обнимаетъ, цѣлуетъ ихъ! О какой же онъ нѣжный, страстный!...—говорила про себя Маріорица и, спрятавъ записочку подъ подушку, объявила горничной, что она хочетъ лечь спать.

Замѣчаютъ испытатели природы, что такого рода записки обыкновенно клонятъ на подушку.

И милая 18-лѣтняя княжна, сбросивъ съ себя всю тягость одеждъ, еще разъ посмотрѣла въ зеркало, какъ бы хотѣла сказать: «да, я таки не дурна!...» вспрыгнула, какъ проворная кошечка, на пуховикъ, еще разъ поцѣловала записку, обѣщаясь завтра поутру отвѣчать на нее—а то, пожалуй, немудрено и убиться бѣдненькому! — положила ее подъ изголовье и, наконецъ, заснула, сладко-мучительно заснула.

Груня видѣла все. Стало ей жаль барышни, и она рѣшилась было не исполнить приказъ Липмана; но мысль о заводахъ, куда сошлютъ ее и гдѣ отдадутъ за какого-нибудь горбатаго, кривого кузнеца, придала ей жестокой твердости. Она сотворила крестное знаменіе, какъ-бы умывая себѣ руки въ невольномъ преступленіи, прочла молитву, подошла на цыпочкахъ

къ постели барышни, не смѣя перевесть дыханіе отъ страха, что дѣлаетъ худое дѣло, и отъ страха, что Маріорица, того и гляди, можетъ проснуться.

Какъ беззаботно раскидалось прелестное дитя! Щеки ея горѣли, райская улыбка перепархивала по устамъ. Вотъ рука горничной подъ подушкой... Маріорица вздохнула... и Грунѣ показалось, что рука у ней отнялась... «Открой она теперь глаза» думала невольная сообщница шпіонства, «и меня какъ громомъ пришибетъ». Но рука ужь подъ изголовьемъ... мысль о заводахъ, какъ сильный проводникъ, дала ей движеніе... записка схвачена... рука на свободѣ.

Груня залилась горючими слезами; плакать, однакожъ, было некогда: она обтерла слезы, вышла на цыпочкахъ изъ отдѣленія своей госпожи и явилась въ ближнемъ коридорѣ. Тутъ чрезъ камеръ-лакея подозвала къ себѣ одного изъ дежурныхъ пажей, отдавъ ему роковую записку, сказала, какъ она досталась, и чтобы онъ вручилъ ее герцогу, когда тотъ будетъ проходить отъ государыни, и доложилъ-бы ему, что бумажку нужно назадъ. На такіе случаи, въ тогдашнее время, пажи были наметаны. Горничная стала на часахъ у своего отдѣленія, а проворный пажъ нырнулъ въ извилинахъ дворцовыхъ коридоровъ, слабо освѣщенныхъ.

Герцогъ не долго заставилъ себя дожидаться. Въ дежурной комнатѣ два пажа, увидѣвъ въ замочную скважину, что онъ приближается, въ одно мгновеніе ока растворили передъ нимъ обѣ половины двери, важно вытянулись и въ поясъ ему поклонились. Герцогъ ласково кивнулъ имъ, вынулъ кошелекъ и, одѣля ихъ по горсти мелкаго серебра, примолвилъ:

— Заправна, плутишка! люблю молодца! вотъ вамъ на сладка!

Пажи поцѣловали у него руку; одинъ-же изъ нихъ, дѣлая это, всунулъ въ нее потихоньку извѣстную записку.

— Твоя, помолодше, проводитъ моя!—сказалъ Биронъ, махнувъ ему рукой.

Въ одной изъ ближайшихъ комнатъ герцогъ остановился и спросилъ своего провожатаго, погладивъ его по головѣ:

— Отъ кого?

— Изъ отдѣленія молдаванской княжны, — отвѣчалъ быстро пажъ,—записка принесена изъ дома Волынскаго, въ книгѣ русскаго учителя; горничная ждетъ назадъ.

Биронъ говорилъ плохо по-русски, но понималъ лучше, нежели показывалъ. Онъ прочелъ записку, и радость до того имъ овладѣла, что руки у него затряслись.

Развращать во дворцѣ... любимицу государыни?... Этого довольно, чтобы сгубить соперника!... Но Биронъ-ли раскроетъ и пресѣчетъ эту связь въ самомъ началѣ?... Нѣтъ онъ не такъ простъ. Ему нужно продлить ее, усилить даже собственною помощью, запутать молодца и... тогда... Что будетъ тогда, увидимъ.

Теперь-же вынулъ онъ свою записную книжку и велѣлъ пажу на одномъ изъ листковъ ея списать роковое посланіе. Когда-жъ это было исполнено, онъ сличилъ подлинникъ со спискомъ и сказалъ своему маленькому секретарю тѣмъ-же исковерканнымъ языкомъ, котораго дали мы образчикъ, но который не

станемъ болѣе употреблять, избѣгая затрудненія въ разговорахъ:

— Какой прекрасный почеркъ! Золотая ручка! да гдѣ ты этому мастерству учился?

— У камеръ-лакея Исполатова, — отвѣчалъ торжествующій пажъ съ самодовольнымъ видомъ.

— Виватъ, Исполатовъ! Только, вотъ видишь, дружокъ, надо быть аккуратнымъ во всѣхъ дѣлахъ — при этомъ словѣ пажъ видимо опечалился: онъ думалъ, что исполнилъ свое дѣло, какъ искуснѣйшій министръ.—Впрочемъ, это бездѣлица; я говорю для переду. Замѣть своей рукой въ моей книжкѣ мѣсяцъ, число и годъ полученія письмеца, а какъ я вижу, у тебя нѣтъ часовъ, то я дарю тебѣ свои.—Разумѣется, пажикъ поцѣловалъ опять у Бирона руку за подарокъ и исполнилъ приказъ его съ быстротою стенографа.— Впередъ я поручаю тебѣ всякій день справляться о новостяхъ въ отдѣленіи молдаванской княжны. Это плутни, мой миленькій! негодныя вещи, которыхъ не любитъ государыня! Развратъ не долженъ быть терпимъ. Мы должны показывать примѣръ. Не учись этому, когда выростешь.

Не учись!... Лукавецъ!... А самъ развращалъ дитя ремесломъ шпіонства и страстными выраженіями, которыя заставлялъ списывать.

Когда этотъ урокъ кончился, Биронъ отправилъ пажа къ горничной съ строгимъ наказомъ — держать языкъ за зубами, а уши на макушкѣ. Награды не посылалось: наградой можно-бъ избаловать служанку— на нее долженъ былъ дѣйствовать одинъ страхъ и гроза.

Горничная тряслась у дверей своихъ, будто про-

хваченная насквозь сырымъ, сквознымъ вѣтромъ. Взявъ отъ пажа роковое посланіе, она съ этой тяжелой ношей вошла въ спальню своей барышни и тихо, украдкою, положила записку подъ подушку.

— Бѣдная! какъ сладко спишь ты!—подумала служанка,—можетъ статься, видишь своего полюбовника во снѣ, и не вѣдаешь, что противъ тебя замышляютъ. И я, окаянная, попала къ тебѣ на этотъ разъ! Чтожъ? кабы не я, сдѣлала-бы это другая.

И съ этими мыслями пошла Груня спать на свое жесткое ложе, молилась, плакала, но не могла заснуть до зари. Поутру рано, пока барышня ея спала, отослала она книгу къ Тредьяковскому, рѣшившись сказать что за нею присылали. Вѣдь наказано было какъ можно ранѣе возвратить ее. А то, не равно, бѣдная княжна вздумаетъ отвѣчать на письмецо; отвѣтъ перехватятъ, и опять новое горе, новыя заботы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СЦЕНА НА НЕВѢ

И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
Пушкинъ.

Была глухая полночь. Мѣсяцъ, насупившись, бросалъ дремлющій свѣтъ на землю. Ни одной живой души по всѣмъ улицамъ Петербурга.

Только на берегу Невы, къ Смоляному двору, прорывался конскій топотъ. На дровняхъ неслись два мужика; одинъ правилъ бойкою лошадью, другой сидѣлъ позади, свѣся ноги. Бороды ихъ густо заиневѣло. Между ними лежалъ рогожечный куль, порядочно вздутый. Видъ этой поклажи въ такое время не предвѣщалъ ничего добраго.

Начали спускаться на Неву. Правившій лошадью оглянулся, укоротивъ бѣгъ ея, и спросилъ своего товарища,—не видать-ли кого.

— Тьфу, пропасть!—отвѣчалъ другой,—во всю дорогу вертѣлось предъ глазами черное пятно; то росло, то пропадало.

— А теперь?

— Пропало вовсе.

— Тебѣ померещилось; а, можетъ, и нечисть разыгралась за нами. Полночные часы!... ѣдемъ съ мертвецомъ!...

— Не впервинку возить; кажись, по насъ въ ходу и пословица: *«въ куль, да въ воду!»* Нѣтъ, братецъ, нынѣ времена жуткія. Курицы по всѣмъ частямъ поютъ пѣтухомъ, пѣтухи несутся; сказываютъ и оборотень свиньею бѣгаетъ по городу: вчера у дворца хотѣлъ ее часовой штыкомъ, анъ штыкъ у него пополамъ.

— Ужь и кликуши по церквамъ вызываютъ нечисть. Да чего добраго ждать? Нашу русскую землю затоптали нѣмцы, и вѣру-то Христову хотятъ подъ пяту. Привезли сюда сотни двѣ монаховъ и монахинь; собирается набольшій ихъ разстригать, дескать не по его крещены. Вытье такое, хоть бѣги вонъ изъ Питера!

— Нѣмецъ нѣмцу рознь; и изъ нихъ бываютъ добрые люди. Вотъ, недалеко ходить, племянникъ комисара. Густа Ивановичъ.. даромъ, что креста не носитъ. То-то простота, то-то душа ангельская! Не забыть мнѣ во вѣки его милости.

— Съ того, со безвременья, какъ поласкали тебя кошками, а надглядывать за секуціей было приказано Густу Ивановичу? Помню. Только-что ударилъ тебя разъ заплечный, а у него, сердечушки, слезы въ два ручья. Видѣлъ я самъ, сунулъ онъ живодеру серебряный...

— И по мнѣ словно мушки стали летать. За то душу свою для него выворочу.

— А мы вотъ и крещеные, да что дѣлаемъ! сбываемъ людей, будто комаровъ, да и погребаемъ тѣла христіанскія безъ попа и молитвы.

— Охъ, охъ, неволя! хоть разъ запрегъ-бы въ нее самого хаворита...

— И взмылилъ-бы его, какъ давича хохла.

— Что, братенька, былъ-ли на обливанцѣ нашемъ крестъ?

— Еще и ладонка.

— Такъ онъ подъ ноготь діаволу не попадетъ!

Одинъ изъ мужиковъ, въ которыхъ мы узнаемъ конюховъ Бирона, перекрестился и сказалъ:

— Помяни, Господи, раба твоего во царствіи своемъ!

Другой сдѣлалъ то же. Послѣ чего оба вздохнули и замолкли.

Они ужь съѣхали на Неву. Во многихъ мѣстахъ по рѣкѣ сдѣланы были проруби, которыя отъ колыханія воды казались живыми пастями, движущимися, какъ-бы готовясь поглотить жертвы, къ нимъ привозимыя.

— Экой погостъ!—произнесъ одинъ изъ конюховъ, стараясь попасть духомъ на веселый ладъ. — Не надобно копать могилокъ! подѣлали добрые люди про всякой обиходъ на весь приходъ! Ну, матушка Нева, кормишь ты насъ добрыми сигами, да мы не урѣживаемъ пускать въ тебя долгоперыхъ ершей.

Тутъ правившій лошадью остановилъ ее у ближняго проруба.

— Не кстати тѣшиться, Агаѳонычъ—сказалъ другой, слѣзая сзади дровней.—Вотъ этакъ разъ... Да что за чудо!... посмотри-ка по набережной... Сердце такъ и упало.

— Словно сани летятъ!

— Не погоня-ли?

— Вотъ ужь спускаются на рѣку. Эка небывальщина.

— Не послалъ-ли *самъ* приглядѣть за нами?

— Поскорѣй-бы концы въ воду!

— У меня и руки отнялись.

— Трусъ! подержи коня, а я спущу мертвеца съ дровень да возьмусь за дубинку: нечего зѣвать!

Между тѣмъ какъ эти слова приводились въ исполненіе, сани въѣхали на Неву и стали шагахъ въ пятидесяти отъ конюховъ. Изъ этихъ саней выползло что-то маленькое, похожее на человѣка и обезьяну; но вдругъ малютка выросъ на нѣсколько аршинъ. Гигантъ началъ отмѣривать рѣку огромными, саженными шагами. При этомъ появленіи наши конюхи, ни живы, не мертвы, бросились на дровни, взвизгнули и были таковы.

Великанъ, потерявъ ихъ изъ виду, опять сдѣлался крошкою. Къ нему присоединился кто-то, вышедшій вслѣдъ за нимъ изъ саней. Свѣтъ мѣсяца освѣтилъ лицо араба Волынскаго. Малютка былъ Зуда. Ходули помогли ему исполински вырости въ одинъ мигъ и испугать, кого нужно было.

Они во всю ночь караулили похоронный выѣздъ изъ конюшенъ бироновскихъ.

Куль распоротъ и предъ ними засіяла ледяная, безобразная глыба. Только всемогущая мысль могла проникнуть сквозь эту грубую скорлупу и разобрать подъ ней человѣка, нѣкогда сердцевину живого міра. Этотъ кусокъ льду, облекшій былое *я*, частицу Бога, поглотившій то, чему на землѣ даны были имена чести, благородства, любви къ ближнимъ: подлѣ него зіяющая могила, во льду-жъ для него изсѣченная; надъ этимъ чуднымъ гробомъ, который служилъ вмѣстѣ

и саваномъ, маленькое, бѣлое существо, полное духовности и жизни, называемое европейцемъ и сверхъ того русскимъ и Зудою—тутъ же на замерзлой рѣкѣ черный невольникъ, сынъ жаркихъ и свободныхъ степей Африки, волшебный свѣтъ луны, говорящей о другой подсолнечной, такой же бѣдной и все-таки драгоцѣнной для тамошнихъ жителей, какъ намъ наша подсолнечная; тишина полуночи, и вдругъ далеко, очень далеко, благовѣстъ, какъ будто голосъ неба, сходящій по лучу мѣсяца:—если это не высокій моментъ для поэта и философа, такъ я не понимаю, что такое поэзія и философія.

. . . . . .

Осмотрѣвъ ледяную статую, Зуда и арабъ похоронили ее въ снѣжномъ сугробѣ на берегу Невы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ЯЗЫКЪ»

Но не знаешь? Эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разъѣзжать:
Мы пропускать должны.

Утромъ вышли наши цыгане *съ постоялыхъ дворовъ*, гдѣ отведена имъ была квартира вмѣстѣ съ другими товарищами, привезенными на игрище.

Дворецъ, государыня, золотыя кареты, прекрасная, разряженная княжна, все это еще кружилось радужнымъ вихремъ предъ глазами цыганки. Сердце ея росло отъ восторга; она шла наравнѣ съ палатами; она мечтала, что съ Маріорицей весь Петербургъ, весь народъ русскій принадлежитъ ей, и что ея слово, если она захочетъ, будетъ указомъ. Но какъ мало надобно, чтобы эти восторги, это счастіе и величіе уронить въ прахъ! Для этого стоитъ ей только вспомнить слова камеръ-лакея: *«не тронь ее, братецъ! видишь, какъ она*

похожа на молдаванскую княжну; точно мать ея или старшая сестра!»

— Вдругъ изъ княженъ въ цыганки! Каково такъ упасть?—повторяетъ про себя Маріула, и проситъ вновь своего товарища, слугу и друга помочь ея горю. Только ему одному повѣрила она частью свою тайну: душа его для тайны Маріулы, какъ крыша гробовая—разъ заколоченная, не открывается ни для кого.

Товарищъ ужь со вчерашняго дня думалъ, гадалъ, прилаживалъ мысленно, какъ бы исполнить слово и утѣшить свою благодѣтельницу; наконецъ придумалъ способъ.

Надо знать, что Василій былъ нѣкогда русскимъ матросомъ. По цыганской своей породѣ, любя волю болѣе всего, бѣжалъ изъ службы, таскался нѣсколько лѣтъ по всѣмъ захолустьямъ Россіи, по Бессарабіи и Молдавіи, коновалилъ, покупалъ, кралъ и продавалъ лошадей, обманывалъ кого и гдѣ могъ и попалъ было подъ гвоздь хотинскаго кадія. Случись при этой бѣдѣ Маріула, знававшая его прежде и бывшая въ милости у хотинскаго паши, и Маріула спасла его. Обязанный ей своею волей и благосостояніемъ, онъ съ тѣхъ поръ не покидалъ ея, и съ нею-то попалъ въ Петербургъ. Возвратиться ему туда не было опасно: въ тучномъ старикѣ не могли узнать прежняго молодца.

Статистика низшихъ рядовъ общества отъ полатей до подклѣти, въ городѣ и въ округѣ, была ему извѣстна, какъ его карманы. Со времени его бѣгства она не могла много измѣниться, и потому въ услугѣ, которую Василій хотѣлъ оказать своей куконѣ, мѣтилъ онъ на пособіе одной задушевной пріятельницы. Это была крестьянка въ Рыбачьей слободѣ, которой отецъ

передалъ искусство врачеванія. Вывѣдавъ, что она еще здравствуетъ, онъ повелъ къ ней Маріулу.

Вотъ повернули цыгане на *большую прешпективу*.

Такое громкое названіе дано было улицѣ, которая тянулась, съ перехватами пустырей, отъ Луговой линіи къ Аничковой слободѣ. Тогда Петровъ городъ переводился съ острова этого имени большею частью на Адмиралтейскую сторону, и потому *прешпектива* застраивалась *нарочитыми* домами. А каковы были эти нарочитые дома, можно судить по лучшему изъ нихъ, *комедіантскому театральному дому*, деревянному и съ крышею изъ дерна, воздвигнутому, какъ сказалъ древній описатель Петербурга, для *отправленія трагедій, комедій и оперъ*. Образчикъ этого великолѣпнаго храма Таліи, Мельмопены и проч., и проч. существовалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ. Другіе дома, болѣе скромной наружности, выбѣгали, однакожъ, по вызову правительства на *большую прешпективу*, и своими новенькими черепичными или гонтовыми крышами свидѣтельствовали, что и они достойны показаться въ большомъ свѣтѣ и стать въ указную линію. Деревянный «Гостиный дворъ», въ два яруса, съ безчисленными, мелкими арками, какъ стойлами, отстраивался на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній. Онъ примыкалъ еще тогда къ березовой рощѣ, уступившей ему часть своего достоянія, но сохранившей другую, большую часть къ сторонѣ Аничковой слободы, какъ бы убѣгая отъ наступчивыхъ, бойкихъ горожанъ къ жителямъ болѣе спокойнымъ. Но и тутъ людкость столицы не дала долго отдыхать утѣсненнымъ гамадріадамъ, завела рынокъ посреди рощи и въ скоромъ времени святотатственно

посягнула на послѣднія кое-гдѣ мелькавшія деревья, осѣнявшія хижину стараго инвалида морскихъ баталіоновъ. Гдѣ теперь и Аничкова слобода, и гордый комедіантскій домъ, и домики, чопорно выходившіе на большую прешпективу, чтобы похвастаться своими черепичными кровлями, какъ набѣленныя и разрумяненныя купчихи выходятъ въ праздничный день къ своимъ воротамъ, на людей посмотрѣть, а болѣе себя показать. Гдѣ все, о чемъ теперь говорили!

Люблю воображать себѣ этотъ первобытный Петербургъ, но только лѣтомъ, когда закатъ солнечный набрасываетъ на него фантасмагорическій отливъ. Живописно красуется онъ съ своими палатами, важно поглядывающими свысока, и толпою мазанокъ, постепенно пробивающихся въ знать; съ своими полу-голландскими, полу-русскими домиками, надъ которыми строители истощили независимыя, безотчетныя затѣи, какъ-бы хотѣли ими сказать: *«всякій молодецъ на свой образецъ»*. Однѣ кровли домовъ ужь богатая жатва для взора, любящаго вездѣ отыскивать поэзію. Съ какою нѣгою раскидывается солнышко по муравѣ ихъ, на которой время подобрало оттѣнки зеленаго, желтаго, ржаваго и дикаго цвѣтовъ! Послѣдніе лучи какъ хорошо графятъ розовыя, черепичныя крыши (кое-гдѣ въ два, три этажа, словно двѣ, три шляпы треугольныя, одна на другую нахлобученныя, кое-гдѣ стрѣльчатыя, минаретныя, или на подобіе голубятенъ)! Какъ поигрываетъ солнечный лучъ въ яблокѣ адмиралтейскаго шпица, будто въ золотомъ шарикѣ, который вертится поверхъ скачущаго водомета! Какъ искрится въ крестахъ Божіихъ храмовъ, большею частью деревянныхъ, и выбиваетъ огненный снопъ о луженое же-

лѣзо высокихъ палатъ! А крыльца разнохарактерныя то прячутся на дворъ, то чванливо подбоченили зданія, или выступаютъ на улицу; а кораблики съ вѣющими флагами на воротахъ, а мельницы, съ вычурными колпаками и ходулями, на берегу Васильевскаго острова, кивающія «Зимнему дворцу» и смотрящіяся вмѣстѣ съ нимъ и Меншиковыми палатами въ одно зеркало Невы; а подлѣ этихъ палатъ свита мазанокъ, ставшая въ ранжиръ подъ именемъ Французской слободы; а Нева безъ мостовъ, которую то и дѣло снуетъ флотилія раскрашенныхъ лодокъ, или изъ которой вырастаютъ мачты, какъ частый тростникъ на озерѣ и, наконецъ, рощи и луга посреди этого города; все это развѣ не живопись, не поэзія?...

Но зимой, и особенно зимой 1739—40 года, не желалъ бы я быть въ первобытномъ Петербургѣ. Это Голландія и Сибирь вмѣстѣ, одна призванная, другая осѣдлая, съ изумленіемъ сошедшіяся у Финскаго залива; онѣ косятся другъ на дружку и силятся выжить одна другую. Разумѣется, что въ морозы наша русачка беретъ верхъ. Даже и на именитой *прешпективѣ* она является самовластною. Множество пустырей; дома, будто госпитальные жители, выглядывающіе въ бѣлыхъ колпакахъ и въ бѣлыхъ халатахъ, и ставшіе одинъ отъ другого въ стрѣлковой дистанціи точно послѣ пожара; улицы только именемъ и заборами, ихъ означающими; каналы съ деревянными срубами и перилами, снѣжные бугры, безлюдство, Бироновскіе ужасы: незавидная картина!

Только къ концу *большой прешпективы*, около «Гостинаго двора», русскій торговый духъ оживляетъ ее. Бойкіе сидѣльцы, при появленіи каждаго прохожаго,

скинувъ шапку и вытянувъ руку, будто загоняютъ цыплятъ, отряхнувъ свою масляную головку, остриженную въ кружокъ, клохчатъ, лаютъ, выпѣваютъ, вычитываютъ длинный списокъ товаровъ, вертятъ калейдоскопъ своихъ привѣтствій, встрѣчаютъ и провожаютъ этимъ гамомъ, какъ докучливыя шавки, пока потеряютъ прохожаго изъ виду. — «Что вамъ угодно? Барыня, сударыня, пожалуйте сюда! Что покупаете? Господинъ честной, милости просимъ! Что потребно? Желѣзо, медъ, бахта, платки, бархатъ, парча, деготь, бумага!... Образа промѣнивать!... Мѣха сибирскіе! Икра астраханская! Сафьянъ казанскій! Ко мнѣ, сударыня, у меня товаръ лучшій!»—«Не слушайте, онъ вретъ... у меня...» — «Ей-богу, уступлю за безцѣнокъ... съ убыткомъ, только для почину... съ легкой руки вашей...» — И готовы разорвать прохожаго. А вздумай онъ войти въ лавку, такъ продавецъ въ убытокъ запроситъ съ него въ пять разъ дороже, чего товаръ стоитъ. Жеманныя барыни въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ шубахъ, въ платочкѣ, обвязавшемъ по-русски голову, причесанную по-*нѣмецки*, съ большими муфтами, расхаживаютъ по *рядамъ*, какъ павы, и бранятся съ купцами какъ матросы. Разрумяненныя купчихи, въ парчевыхъ кокошникахъ и полушубкахъ, чинно киваютъ, какъ глиняныя кошечки, не шевеля своего туловища и едва процѣживая сквозь губы свои требованія. Кое-гдѣ важный господинъ въ медвѣжьей шубѣ и, наперекоръ сѣверной природѣ, въ треугольной шляпѣ, вѣнчающей парикъ, очищаетъ себѣ *натуральною* тростью дорогу между стаей докучливыхъ сидѣльцевъ, предоставляя послѣди нахаловъ-слугъ разметать влѣво и вправо эту мѣщанскую челядь. *Воловьи*

и *подъѣзжіе* извозчики то и дѣло шныряютъ около «Гостинаго двора» съ отзывомъ татарскихъ временъ: «пади! пади!» Тамъ кричатъ: «блины горячи!» «сбитень!» тутъ: «папушники!» Бубенчики звонко говорятъ на лошадяхъ; мѣрно гремятъ полосы желѣза, воркуютъ тысячи голубей, которыхъ русское православіе питаетъ и лелѣетъ, какъ священную птицу; рукавицы похлопываютъ; морозъ сипитъ подъ санями, скрипитъ подъ ногой. Вездѣ движеніе, говоръ, гамъ, бряцанье.

Эти предметы, эта суета торговая новы для нашихъ цыганъ; на все они заглядываются, всего заслушиваются.

Вдругъ откуда-то раздается сторожевой крикъ. Кажется, это вѣстовой голосъ, что наступаетъ конецъ міра. Все слѣдомъ его молкнетъ, всякое движеніе замираетъ, пульсъ не бьется, будто жизнь задохнулась въ одинъ мигъ подъ стопою гнѣвнаго Бога. Вѣсы, аршины, ноги, руки, рты остановились въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ этотъ возгласъ. Одинъ слухъ, напряженный до возможнаго, замѣнилъ всѣ чувства; онъ одинъ обнаруживаетъ въ этихъ людяхъ присутствіе жизни: все прислушивается...

Опять раздается возгласъ, волнуется, всходитъ будто со ступени на ступень, ближе и ближе; ужь можно слышать въ немъ слово: «языкъ!»

— «Языка» ведутъ! «Языка»!... — повторяютъ съ ужасомъ сотни голосовъ.

Слово: «языкъ» стонетъ въ обоихъ этажахъ «Гостинаго двора», по улицамъ, слабѣетъ, усиливается и сообщается, какъ зараза. Почти каждый человѣкъ его отголосокъ. Бросаютъ товаръ, деньги, запираютъ лавки, запираются въ нихъ, толкаютъ другъ друга, бѣгутъ

опрометью, задыхаясь, кто куда попалъ, въ свой, чужой домъ, сквозь подворотни, ворота на запоръ, въ погребъ, на чердакъ, бросаются въ свои экипажи, садятся не торгуясь на извозчиковъ; лошади летятъ какъ будто въ сраженіи, предчувствуя вмѣстѣ съ людьми опасность. И въ нѣсколько мгновеній *большая прешпектива*, «Гостиный дворъ», вся часть города пуста, словно вымершая.

Только на площадкѣ, противъ «Гостинаго двора», видны два человѣка. Они какъ бы обезумленные, не понимая ничего, не зная, что дѣлается около нихъ и что имъ дѣлать, ожидая чего-то ужаснаго, стоятъ на одномъ мѣстѣ. Эти два человѣка наши цыгане.

Оборачиваются...

На нихъ, прямо-таки на нихъ идетъ, сопровождаемое пѣшимъ конвоемъ и полицейскимъ чиновникомъ на лошади, какое-то чудовищное существо. Такъ, по крайней-мѣрѣ, оно кажется издали.

Цыгане думаютъ бѣжать, но куда? Ужь поздно; ихъ можетъ тотчасъ настигнуть верховой. Да еще ихъ ли нужно? Они за собой ничего не знаютъ. Не хотятъ ли спросить ихъ о чемъ?... Въ такихъ переговорахъ они стояли на одномъ мѣстѣ, ожидая на себя конвоя.

Чудовищное существо ближе, ближе къ нимъ; уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Можно различить, что это человѣкъ, покрытый съ головы до пятъ мѣшкомъ изъ грубаго холста, въ которомъ оставлены только прорѣхи для глазъ и для рта. О! этотъ человѣкъ существо ужаснѣйшее. Не даромъ упреждаетъ его бѣгство и опустошеніе. Онъ равнозначителенъ чумѣ, трусу, наводненію. Когда изъ маленькой холщевой прорѣхи

слышится магическое *слово и дѣло*, оно ведетъ къ допросу, пыткѣ и казни, оно мертвитъ прежде смерти: не менѣе ужасно голоса крокодила, раскрывающаго пасть, чтобы поглотить свою жертву. Это одно изъ привилегированныхъ золъ, отъ которыхъ освободила насъ Екатерина Великая. Его звали: «*языкъ*».

Чтожъ такое былъ «языкъ?»

Уголовный преступникъ, котораго водили по городу въ нарядѣ, нами описанномъ, чтобы указать на участниковъ въ его преступленіи. Разумѣется, этимъ ужаснымъ средствомъ пользовались, для исполненія своихъ видовъ, корысть или властолюбіе, месть или желаніе продлить и запутать судъ.

«Языкъ» подошелъ къ испуганной цыганкѣ и оговорилъ ее роковымъ *словомъ и дѣломъ*. Ее окружаетъ конвой; полицейскій чиновникъ грозно приказываетъ ей слѣдовать за нимъ. Трясясь отъ страха, потерявъ даже силу мыслить, такъ внезапно нахлынула на нее бѣда, она хочетъ что-то сказать, но губы ея издаютъ одни непонятные, дрожащіе звуки. Покорясь безпрекословно, она слѣдуетъ за ужаснымъ оговорителемъ.

— Возьмите и меня,—кричитъ ея товарищъ, котораго съ нею разлучали,—коли она въ чемъ оступилась, такъ я съ нею половинщикъ. Спросите ее сами, я не отхожу отъ нея день и ночь; безъ меня она не зарѣжетъ цыпленка.

— На тебя не показываетъ «языкъ»—сказалъ полицейскій чиновникъ,—намъ тебя не нужно.

— Вы должны и меня съ нею взять; я на себя показываю.

Цыгану возразили убѣжденіями прикладовъ.

— Бейте меня, мучьте меня,—продолжалъ кричать Василій,—растерзайте мое тѣло по кусочку, выньте мою душу по частямъ, я не отстану отъ своей куконы.

И, несмотря на угрозы и скорое исполненіе ихъ, онъ послѣдовалъ за своей подругой и госпожей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОПРОСЪ

А что, пытали? — Да! — Чѣмъ? кнутомъ, клещами? —
Словами!...
Но что предъ ними зубъ клещей, въ огнѣ смола
И все, что выдумалъ адъ въ сердцѣ человѣка!...

Страхъ заранѣе сметалъ людей съ улицы, по которой шелъ «языкъ», ведя свою жертву. Лишь изрѣдка держала ему навстрѣчу вельможная карета.

Когда бѣдная цыганка пришла въ себя, первая мысль ея была о Маріорицѣ.

— Милое дитя мое,—твердила она про себя,—не дадутъ мнѣ злые люди насмотрѣться на твое счастіе... Еще-бъ только увидать тебя пристроенною за богатаго, знатнаго Волынскаго, и тогда-бъ я умерла спокойно, радостно, какъ въ небѣ. Чтожъ? я и теперь сдѣлала все, какъ мать, можетъ быть, и то, чего-бъ не сдѣлала другая... Кабы еще къ этому хоть одно привѣтное слово отъ тебя, дочки моей!... хоть бы одну слезинку на лицо матери прежде, чѣмъ закрою очи!... Нѣтъ, нѣтъ, страшно и подумать, что ты увидишь въ цыганкѣ мать свою, страшнѣе, чѣмъ смерть, на которую, можетъ статься, меня теперь ведутъ! Я

свила твое благополучіе высоко, высоко; не снесу его въ грязь, не дамъ стоптать людямъ... Пускай казнятъ меня: на плахѣ прошепчу твое дорогое имячко, буду молить Бога только о томъ, чтобы Онъ при тебѣ заступилъ меня!...

Цыганка посмотрѣла на небо, къ сторонѣ Дворца, на свою стражу, и шла спокойнѣе.

Мысли за мыслью, догадки за догадкой вязались въ головѣ ея; вдругъ одно страшное сомнѣніе мелькнуло предъ ней и всю ее обхватило... сердце ея то кипѣло, какъ разожженная сѣра, то стыло, будто подъ ледяной рукой мертвеца. «Не узнали-ли ея тайну?... Можетъ быть, сходство? ужасное сходство!... Не ведутъ-ли ее къ допросу объ этой роковой тайнѣ...» О! никакія пытки не заставятъ ее проговориться. Что ей муки? лишь бы о Маріорицѣ помину не было. Неизвѣстность колебала ея душу изъ стороны въ сторону; смерть, смерть въ груди бѣдной матери. Она торопилась, она, кажется, хотѣла обогнать стражу, чтобы поскорѣй къ развязкѣ, и повременамъ молила Бога сохранить отъ бѣды только одну драгоцѣнную голову.

Маріулу привели въ одинъ изъ мазанковыхъ домиковъ, позади Лѣтняго сада, принадлежащихъ къ службамъ герцогскимъ. При входѣ сдернули съ нея шубу. Василія остановили у наружнаго крыльца: здѣсь онъ рѣшился дожидаться своей куконы, хоть бы замерзнуть. Черезъ огромную, нечистую переднюю, гдѣ стояли дрова, скамейка въ инвалидномъ состояніи и непокрытое ведро съ водой, ввели Маріулу въ другую большую комнату другого содержанія, но не менѣе мрачную. Продолговатый столъ занималъ средину этой

комнаты по наклону пола, столь эластическаго, что, ступивъ на одинъ конецъ доски, можно было заставить прыгать все, на ней стоявшее. Окна, запушенныя на вершокъ морозомъ, пропускали въ это домовище синеватый цвѣтъ. Кое-гдѣ по потолку свисла паутина, будто крылья летучихъ мышей. Вдоль черныхъ стѣнъ лежали кипы бумагъ, которыхъ годы существованія могъ бы исчислить развѣ архивный Кювье по слоямъ пыли, ихъ покрывавшимъ. Одно, что съ перваго взгляда утѣшало въ этой комнатѣ, такъ это зерцало, стоявшее на вощанкѣ, посреди стола; но и этотъ памятникъ великой идеи великаго Царя-законодателя оскорбляли и смѣлый паукъ, завѣсившій его по мѣстамъ своею тканью, и безчеловѣчіе, помѣстившее разныя орудія пытки въ боковой комнатѣ, въ которую дверь оставлена была, какъ бы съ умысломъ, полузакрытою. Это была полицейская канцелярія при домѣ герцога.

Смотря на эти предметы, цыганка ожидала ужаснаго допроса. Видъ особъ, представившихся ея глазамъ, не болѣе былъ утѣшителенъ. У стола, на судейскомъ мѣстѣ, сидѣлъ худощавый старикъ отвратительной наружности: рыжія космы падали безпорядочно на плеча; голова его, вытянутая, изсохшая, имѣла форму лошадиной, обтянутой человѣческой кожей, съ глазами гіены, съ ушами и ртомъ орангутанга, расположенными такъ близко одни отъ другого, что, когда сильно двигались челюсти, шевелились дружно и огромныя уши и ежились рыжіе волосы. Глаза его, то останавливаясь неподвижно, принимали мертвый цвѣтъ свинца, то сверкали ужасно, какъ пытливый зондъ, или схватывали безъ пощады слабую душу и

держали ее надъ бездной. Онъ былъ одѣтъ весь въ красно-коричневомъ, даже до шелковыхъ чулокъ; богатыя кружевныя манжеты, закрывая кисть его руки, возбуждали подозрѣнія, что подъ ними скрываются когти нечистаго. Подлѣ него, сбоку стола, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, бѣлокурый, тщедушный. Въ лицѣ его, казалось, не было кровинки; мутные, безжизненные глаза выражали сонливую или болѣзненную природу. Впрочемъ, въ поступкахъ и словахъ его можно было замѣтить какую-то изученную таинственность: онъ весь похожъ былъ на недоговоренный смыслъ, означенный нѣсколькими точками. Онъ держалъ нехотя перо въ рукахъ и смотрѣлъ болѣе на бумагу передъ собой, нежели на живые предметы, его окружавшіе. Первый былъ достойный клевретъ Бирона, оберъ-гофкомиссаръ Липманъ, второй—домашній секретарь ихъ обоихъ и племянникъ послѣдняго, Эйхлеръ, котораго онъ воспитывалъ, какъ сына, и любилъ—для себя. Едва умѣя подписывать свое имя, Липманъ употреблялъ это живое орудіе по всѣмъ бумажнымъ дѣламъ своимъ. Бездѣтный, не имѣя кому передать, кромѣ него, свои богатства и свою знать, онъ хотѣлъ не умереть на землѣ хотя въ немъ, и потому доставилъ ему завидный постъ, приближавшій его къ герцогу; мѣсто кабинетъ-секретаря было у племянничка на мази.

Чудное это желаніе не умирать послѣ себя на землѣ!... Часто цѣлое потомство, цѣлый народъ, человѣчество пожинаетъ на томъ полѣ, которое засѣяло самолюбимое, возвышенное чувство одного человѣка.

По одну сторону зерцала поставили Маріулу, по другую—«языка»: ее, красивую, опрятную, въ шел-

ковомъ нарядѣ, по которому разсыпались золотыя звѣзды (мать княжны Лелемико унизилась бы въ собственныхъ глазахъ, если бы одѣвалась небогато), ее—блѣдную, дрожащую отъ страха, его—въ черномъ, холщевомъ мѣшкѣ, сквозь который проглядывали два сѣрые глаза и губы, готовыя раскрыться, чтобы произнести смертельный приговоръ.

Начался допросъ. Прелюдія ужь хорошо объясняла, каковъ будетъ самый концертъ.

— Смотри, цыганка!—сказалъ грознымъ голосомъ рыжеватый судья, — уговоръ лучше денегъ — говори правду, или косточки твои заговорятъ намъ за тебя.

Онъ указалъ въ боковую комнату. Глаза его при этомъ движеніи подрали по сердцу Маріулы, какъ бы прошли по немъ пилой.

— Не вѣдаю за собой ничего,—сказала она, собравъ силы,—но о чемъ спросишь, господинъ, на все готова отвѣчать. «Лишь бы не о Маріорицѣ», думала она, «о! объ этой не заставитъ меня сказать полслова и то, что вижу въ боковой комнатѣ».

— Еще прибавка къ нашему условію: если сознаешься скоро, въ чемъ тебя обвиняютъ, то мы держать тебя долго не станемъ. Теперь къ дѣлу!

— Слушаю, господинъ!

— Вотъ видишь этого урода въ мѣшкѣ: онъ погубилъ нѣсколько душъ, и доказываетъ, что ты дорогою изъ Москвы сюда была въ короткихъ связяхъ съ его атаманомъ, который, подъ именемъ малороссіянина Горденки, пробирался въ Питеръ, чтобы ограбить казну.

«А!—подумала цыганка, догадываясь, къ чему подбирались допросчики,—слава Богу! дѣло не о моемъ дѣтищѣ; послѣ этого все пустяки, вздоръ!...»

Тяжелый камень свалился съ груди ея; блистающіе радостью глаза и улыбка на устахъ ей измѣнили.

— Только?—невольно спросила она своего судью.

— Развѣ этого мало? Дружба съ атаманомъ! это ведетъ вмѣстѣ съ нимъ на плаху. «Языкъ», твоя очередь! Говори-жъ, что ты доказывалъ на нее. Какъ ее зовутъ? Какіе были у ней плутовскіе замыслы съ атаманомъ?

Человѣкъ въ мѣшкѣ началъ свой доносъ, искусно сочиненный, но худо затверженный. Кто бы зналъ голосъ Ферапонта Подачкина, не обинуясь сказалъ бы, что это былъ онъ.

И дѣйствительно, это былъ сынокъ барской барыни. Его заставили играть роль «языка» для того, чтобы оговорить цыганку, бывшую въ короткихъ связяхъ съ тѣмъ, котораго хотя и заморозили, но не могутъ докончить съ его грозными замыслами,—цыганку, умѣвшую понравиться и Волынскому, съ которымъ она, послѣ смотра, оставалась долго наединѣ. Горденко не передалъ-ли ей извѣстнаго доноса? Не перешелъ-ли этотъ письменный доказчикъ въ третьи руки, къ врагу герцога?... Личность его свѣтлости съ этой стороны не обезопасена; а кто не знаетъ, что личность временщика идетъ впереди всего? Не бѣда сдѣлать цыганку преступницей, навалить ей на плеча два, три злодѣянія!... Скрутивъ ее такимъ образомъ, можно ее допытать и, смотря по обстоятельствамъ, наказать или помиловать: все въ волѣ герцога.

Повести это дѣло къ желанной цѣли поручено, какъ мы видѣли, хитрецу Липману.

— Правда, — отвѣчала съ твердостью цыганка, — меня зовутъ Маріулой, правда и то, что малороссія-

нинъ — Богъ знаетъ, кто онъ такой — полюбилъ меня за мое будто лукавство, часто говаривалъ со мною, и...

— И передалъ тебѣ?... — спросилъ, дрожа отъ нетерпѣнія, Липманъ,—ну, голубушка?

— Понимаю, — сказала про себя Маріула, — понимаю, и все открою. Что мнѣ до чужихъ дѣлъ! У меня только одно дѣло на свѣтѣ... Велите выдти этому мѣшку,—примолвила она вслухъ, обратясь къ судьѣ,— я знаю, что вамъ надо.

Спокойствіе и твердость, съ которою она говорила, предвѣщали благопріятную и скорую развязку допросамъ. Гроза, собравшаяся на лицѣ оберъ-гофкомиссара, начала расходиться. Онъ далъ знакъ «языку» рукою; этотъ понялъ и вышелъ. Тогда цыганка сказала съ твердостью:

— Вамъ надобна бумага Горденки, такъ-ли?

— Да, да, моя голубушка! бума...га, которую... но ты... догадлива, ты все знаешь...

— Нѣтъ, господинъ, я ничего не знаю.

— Какъ ничего?... — вскричалъ грозно допросчикъ.—Проклятая цыганка! не ты-ли сама?...

— Я не знаю, что въ бумагѣ; но она...

— Ну?...

Липманъ при этомъ вопросѣ приподнялся невольно со стула; глаза его вцѣпились, какъ когти дьявола, въ душу Маріулы, изъ которой, казалось, хотѣли исторгнуть ея тайну.

— Гдѣ?—прибавилъ онъ нетерпѣливо.

— У меня, и со мною теперь,—отвѣчала цыганка.

Еслибъ она сказала другое, старичишка растерзалъ-бы ее по клочкамъ; обрадованный отвѣтомъ, онъ готовъ былъ расцѣловать ее.

Не спрашивая позволенія, Маріула подошла къ окну, оборотилась къ Липману спиной, вынула изъ-за пазухи запечатанный пакетъ и потомъ передала его своему судьѣ съ вопросомъ:

— Она-ли?

Заворотивъ свои манжеты, Липманъ схватилъ трепещущей рукой пакетъ, сломалъ на немъ печать и, передавъ его секретарю, задыхаясь спросилъ также лаконически.

— Она?...

Секретарь машинально взялъ бумагу, сонными глазами пробѣжалъ ее, кивнулъ утвердительно и, зѣвая длинною зѣвотой, отвѣчалъ:

— Она!—потомъ сталъ пристально читать ее.

Пока роковое слово не дошло до ушей старика, онъ, казалось, готовъ былъ съѣсть племянника за медленность изъясненія; но отвѣтъ произнесенъ, и торжествующая душа его вся излилась въ восклицаніи:

— А!...

Не иначе произнесъ-бы это восклицаніе алхимикъ, найдя философскій камень; вѣроятно, не иначе произнесъ его Колумбъ, увидя первый берегъ открытаго имъ новаго свѣта.

Тутъ лукавая Маріула, посвященная Горденкою въ нѣкоторыя политическія тайны, касающіяся до Бирона, умѣла, не путая въ нихъ кабинетъ-министра, осторожно разсказать, какъ досталась ей бумага, какъ Горденко—атаманъ, что-ли, она не вѣдала — умолялъ, въ случаѣ смерти его, подать эту бумагу матушкѣ-царицѣ.

— Я обѣщала, — говорила она, — между тѣмъ, у меня было на умѣ: коли Богъ приберетъ его, такъ

запечатанный листъ въ печь; а то, статься можетъ, напляшешься съ нимъ, что и чертямъ до слезъ.

— Начинаю вѣрить, что ты не причастна злодѣяніямъ разбойника, а то жаль было мнѣ славной бабенки. За то и голова у тебя цѣла, да еще жди милостей отъ самого герцога. Баринъ большой, выше его нѣтъ въ Россіи — что я говорю: въ Россіи? — въ подсолнечной! баринъ добрый, щедрый, стоитъ только знать его.

— Какъ-же, батюшка, — отвѣчала Маріула, — про него вездѣ, даже и въ турецкой землѣ, такая хорошая слава идетъ...

Молодой человѣкъ едва-едва усмѣхнулся; но и эту усмѣшку прикрылъ зѣвотой, положилъ бумагу на столъ, протянулъ ноги во всю длину ихъ и началъ дремать.

— Теперь еще два вопроса, — сказалъ Липманъ, — и если ты на нихъ будешь такъ же скоро и вѣрно отвѣчать какъ доселѣ, такъ поздравляю: ты съ богатою обновой.

— Спрашивайте, господинъ!

— Не видала-ли ты на малороссіянинѣ другой бумаги?

— Не видала.

— Не проговаривался-ли онъ объ ней?

— Никогда.

— Не разсказывалъ-ли онъ тебѣ своихъ замысловъ?

— Сказывалъ только, что ищетъ выместить на комъ-то свою обиду, а на комъ и какъ—не пояснилъ мнѣ.

— Теперь послѣдній вопросъ: о чемъ говорила ты наединѣ съ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ вчера, у него въ домѣ?

Духъ занялся у цыганки; блѣдная и запинаясь, она отвѣчала:

— Ничего, господинъ... право слово, ничего...

— Гмъ! ничего! Но ты блѣднѣешь и дрожишь?... Ничего?... Ты должна мнѣ сказать, что съ нимъ говорила, или...

— Признаться, господинъ великій... божусь вамъ Богомъ, это нейдетъ къ вашему дѣлу... пустячки...

— Если это пустячки, такъ зачѣмъ скрывать ихъ?

— Поклялась...

— Эй, заплечный мастеръ!—закричалъ Липманъ.

Вошелъ палачъ.

— О! когда дѣло дошло до этого, пытайте меня: не скажу!

При этомъ отвѣтѣ, въ которомъ выразилась вся сила души Маріулы, она подняла голову и потомъ спросила: «куда ей идти на пытку?»

Молодой человѣкъ былъ исторгнутъ изъ своей дремоты восклицаніемъ ея; наклонившись къ дядѣ, онъ сказалъ ему по-нѣмецки:

— Не ожесточайте ея! Когда она не утаила отъ васъ бумаги, такъ разсказала-бы и другія тайны свои, которыя касаются до малороссіянина, изъ заговора Волынскаго, еслибъ ихъ знала. Вѣроятно, какое-нибудь волокитство... просили ея помощи... вѣдь вамъ ужь сказывали...

— Любовное дѣло? не такъ-ли? — прибавилъ онъ по-русски, обратясь къ цыганкѣ и ободряя ее голосомъ и взоромъ.

— Да! Больше не ждите отъ меня словечка, — отвѣчала Маріула.

— Давно бы такъ, голубушка,—подхватилъ Липманъ, перемѣнивъ свой грозный голосъ на ласковый и давъ знакъ рукою палачу удалиться:—понимаю, понимаю... невѣста хоть куда!... ба, ба, ба, да она въ тебя словно вылита!... Не живала ли ты ужь въ Молдавіи у какого-нибудь господарчика?

— Полноте шутить, — отвѣчала съ сердцемъ Маріула.

Она согласилась бы въ это время провалиться сквозь землю.

— Чтожъ, доброе дѣло!—продолжалъ иронически старичишка:—женихъ хоть куда! богатый, знатный... свахѣ будутъ хорошіе подарки...

Женихъ! невѣста! слова эти стучали, какъ молотъ, въ сердце бѣдной матери.

— Въ этомъ сватовствѣ мы вамъ мѣшать не будемъ, лишь бы остальное... смотри!... — прибавилъ Липманъ значительно, погрозясь и показывая на губы.

— Умретъ въ груди моей,—отвѣчала цыганка съ твердостью, оправившись отъ своего испуга.

— Хорошо, я доволенъ! Да, да, еще одно дѣльце!

— Приказывайте.

— Малороссіянинъ, атаманъ не атаманъ, назови его какъ хочешь, пропалъ...

— Такъ чтожъ, сударь?

— Малороссіянинъ, который былъ наряженъ на игрище воеводой и подмѣненъ потомъ Горденкою, теперь на лицо... Вотъ видишь, если узнаютъ, что онъ пропадалъ, что разбойникъ подставилъ себя на мѣсто его и хотѣлъ насмѣяться надъ властями, худо будетъ

воеводѣ, начнутся допросы... пойдетъ путаница, въ которую, — долго-ли до грѣха! — и тебя втащутъ... Такъ лучше, смекаешь, разомъ кончить это дѣло... тѣмъ, что во всю дорогу знала ты одного хохла... теперь разумѣешь...

— И что за Горденко такой, и не вѣдаю...

— Те, те, те! эка разумница!

— А подруга малороссіянина?

— О ней не хлопочи. Она, приставъ и другіе, кто дорогою только знавалъ проклятаго хохла, что нагородилъ намъ столько дѣла, всѣ подъ присягою сказали...

— И я тоже не прочь!

— Смотри!... Знаешь съ кѣмъ будешь имѣть дѣло!... Живую зароемъ въ землю...

— Тяните изъ меня по жилкѣ клещами, если я проговорюсь. Что мнѣ за неволя болтать на свою голову? Можетъ, еще и пригодитесь на черный день.

— О какъ же! какъ же! Экое сокровище!... Ну, не останешься, милочка, безъ награды отъ *самого*.

И подражая *самому*, Липманъ протянулъ въ знакъ милости руку цыганкѣ, улыбаясь огромными своими губами такъ, что въ адѣ сонмъ зрителей, конечно, рукоплескалъ этой художнической архидіавольской улыбкѣ, если только тамошніе зрители могутъ любоваться игрою здѣшнихъ собратовъ-актеровъ.

Этимъ кончился допросъ. Маріула, вмѣсто ожиданной напасти, понесла съ собою лишній серебряный рублевикъ, да еще увѣреніе въ покровительствѣ «перваго человѣка» въ имперіи. Можно догадаться, какъ обрадовался Василій, увидавъ ее живою и веселою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛѢКАРКА

— Вася, другъ мой!, скорѣй обѣщанное, или я накину на себя петлю,—сказала цыганка.

Сердце ея разрывалось отъ досады, что въ ней опять нашли сходство съ княжной Лелемикой.

Не отвѣчая ничего, только поглядывая частенько на свою кукону, какъ бы удостовѣряясь, что она жива, свободна и съ нимъ, цыганъ повелъ ее въ «Рыбачью слободу». Разумѣется, они при этомъ случаѣ избѣгали *большой прешпективы* и площади «Гостинаго двора», гдѣ все пришло въ прежнее суетливое состояніе и гдѣ толковали во всѣхъ углахъ только о томъ, какъ «языкъ» оговорилъ цыганку, которая будто была женою разбойничьяго атамана и погубила нѣсколько душъ. Пустите, какой хотите, глупый слухъ въ толпу—глупая толпа, не разсуждая, всему вѣритъ и все повторяетъ.

Пришли въ «Рыбачью слободу». На концѣ улицы постучался Василій въ избушку, закуренную дымомъ до того, что она казалась построенною изъ угля. Она земно била челомъ къ сторонѣ улицы; соломенная

прическа ея, густо напудренная снѣгомъ, была растрепана непогодами. Вокругъ ни двора, ни кола.

Изъ окна кто-то вынулъ внутрь рамочку, затянутую пузыремъ; пахнулъ паръ, и вслѣдъ за нимъ изъ отверстія оконнаго высунулось, обвитое этимъ паромъ, какъ облачкомъ, желтовосковое, въ густыхъ сборахъ, лицо старушки. Она закашлялась, и тогда, казалось, вылетали изо рта ея вспышки дыма. Ласковымъ голосомъ спросила она, что нужно цыганамъ.

— Намъ до тебя приспѣло, родная,—сказалъ Василій:—впусти, не скаешься.

— Хоть и не во время пожаловали, добрые люди,—отвѣчала старуха:—не на улицѣ же въ морозъ стоять вамъ: войдите съ Богомъ.

По обледенѣлой лѣсенкѣ, такъ-же черно и уклончиво стоящей, какъ и все зданіе, взошли наши странники на площадку ея. Тутъ Василій дернулъ щеколду у огромной двери, и она, отворившись, увлекла бы его, конечно, за собой, если бы онъ не перевѣсилъ ея своею тяжестью. Цыганы очутились въ маленькихъ сѣняхъ, отдѣлявшихъ жилье отъ чулана, служившаго, вѣроятно, аптекою, потому что изъ него несло благовоніемъ майскихъ травъ. Сдѣлавъ спросъ у щеколды другой двери, вступили они въ избу, хорошо *окутанную* и освѣщенную. Тепло, свѣтъ, такъ и обдали нашихъ путниковъ, запушенныхъ морозомъ. У *искоска*, убраннаго изсохшими цвѣтами и вербою, прилѣплены были три горящія восковыя свѣчки и ярко озаряли икону съ посеребреннымъ вѣнчикомъ, увѣшаннымъ разноцвѣтными лентами, кольцами и крестиками, усердными приношеніями болящихъ. На ней время и копоть дыма изгладили и потемнили изображеніе Матери Божіей;

но вѣра живописала чудными красками цѣлый міръ благодати. Головой къ иконѣ, на залавкѣ, лежала крестьянская дѣвушка, блѣдная, страждущая. Глаза ея издавали фосфорическій блескъ, грудь тяжело ходила; волосы, заплетенные въ косу, падали на полъ; руки и ноги были связаны веревками. Возлѣ нея школьникъ, исполинскаго роста, бормоталъ гнусавымъ голосомъ какое-то заклинаніе бѣсовъ. Старушка, въ синемъ сарафанѣ, приземистая, горбатенькая, но такая опрятная, чистенькая, какъ ошелущенный орѣхъ, читая шопотомъ молитву, дала знакъ рукою гостямъ, чтобы они сѣли на залавокъ. Дѣвушка лѣтъ четырнадцати, свѣжая, румяная, будто умылась только снѣгомъ, стояла у шестка и сыпала на черепокъ какой-то смолы, отъ которой по избѣ неслись струи благоуханнаго дыма. Когда-жъ школьникъ произнесъ громовымъ, протяжнымъ голосомъ: «Изыде...» больная застонала, заскрежетала зубами и страшно закликала на разные голоса. То слышался въ ней лай собаки, то скрипъ телѣги, то хрюканье свиньи. По временамъ изрыгала она богохульныя слова. Ее начало ломать; глаза ея хотѣли выпрыгнуть изо лба. Веревки на ней лопнули; она сгибалась въ кольцо, волною, билась, какъ рыба объ ледъ, цѣплялась ногами за стѣну... Казалось, всякая часть тѣла ея имѣла притягательную силу... Животъ ея вздуло горой... гора эта упала, грудь расширилась необыкновенно, шея напружилась такъ, что жилы казались веревками. Школьникъ и цыганъ схватили ее за руки и за ноги, но сила ихъ обоихъ была ребячья въ сравненіи съ женскою—ихъ отшатнуло. Коса больной, ударивъ по щекѣ школьника, провела по немъ красный рубецъ

Ужасъ окаменилъ Маріулу; волосы встали на ней дыбомъ. Одна лѣкарка спокойно молилась. Вскорѣ кликуша начала утихать; изо рта у ней забила пѣна, и вслѣдъ затѣмъ повалилъ легкій паръ. Когда-жъ онъ исчезъ, благоговѣйно перекрестилась, перекрестила ее, сотворила надъ нею молитву, стала шептать непонятныя слова, поводить рукою по тѣлу и очамъ страдалицы... долго, долго, тихо, таинственно, усыпительно поводила... Глаза лѣкарки заблистали, на желтоватыхъ щекахъ выступили по блѣдно-розовому пятну... Больная пришла въ спокойное состояніе, взглянула свѣтлыми, благодарными глазами на старушку, на образъ, пылающій отъ свѣчей, вздохнула, перекрестилась, смежила рѣсницы и заснула съ улыбкою на устахъ. Лицо ея покрыли бѣлымъ платкомъ. У ногъ присѣла дѣвочка, держа ихъ въ рукахъ своихъ. Утомленная старушка сдѣлала нѣсколько шаговъ до залавка, прилегла на нее и сама въ одинъ мигъ заснула крѣпкимъ сномъ. Школьникъ, потушивъ свѣчки, далъ знакъ цыганамъ рукою, чтобы они не шумѣли, и уплелся потихоньку изъ избы. Въ ней сдѣлалось тихо, такъ тихо, какъ будто сонный геній накрылъ ее крыломъ своимъ. Теплота оранжерейная испаряла нѣгу; дыханіе сонныхъ настраивало понемногу къ дремотѣ. Не въ силахъ одолѣть ее, Маріула и товарищъ ея прилегли на залавки—и въ нѣсколько мгновеній все въ этой избушкѣ спало глубокимъ сномъ подъ какимъ-то волшебнымъ наитіемъ.

Когда они проснулись, былъ уже вечеръ. На столѣ, покрытомъ скатертью съ красною оторочкой, горѣла сальная свѣча. Дѣвочка, проворная, какъ бѣлка, ставила на него огромные ломти чернаго хлѣба и огром-

ную деревянную солоницу съ узорочною рѣзьбой. Хозяйки не видать было. Котенокъ игралъ бумажкой, которую на ниткѣ спускала съ палатей трехлѣтняя дѣвочка. Изъ-подъ бѣлыхъ волосъ ея, расправленныхъ гребешкомъ, словно волны молодого барашка, и свѣсившихся вмѣстѣ съ головой, можно было только видѣть два голубые, плутоватые глазка.

Пришла и хозяйка.

— Не погнѣвись, родимая,—сказалъ ей Василій, кланяясь въ поясъ вмѣстѣ съ своей подругой,—ужь у тебя и соснуть успѣли. А все твое тепло, такъ и паритъ съ морозу...

— Паръ костей не ломитъ, батюшка. А про Божій рай и поминать не къ слову грѣхъ: тепло земное не для душки,—отвѣчала проворно старушка, засыпая словами.—Видно, поустали путемъ, дорогой; и то молвить, снѣгъ какъ мѣсиво, такъ и путаетъ ноженки. Теперь скажите-ка мнѣ, отколь Богъ васъ несетъ и за какимъ дѣльцемъ.

— Ты, кажись, Аграфена Парамоновна, не признала меня?

— Не взыщи, родной, не признаю, — сказала старушка, вглядываясь потухшими глазами въ цыгана.

— Правда, много воды утекло съ того времени, какъ мы съ тобою видѣлись, а еще болѣе, какъ съ тобой свели знакомство. Я изъ молодого, браваго парня сталъ брюханъ, старичишка, а ты изъ красивой дѣвки горбатенькая старушка. Красоту твою рукой сняло, а мою жиромъ занесло.

Цыганъ вынулъ роговой гребень и причесалъ себѣ черные съ просѣдью волосы на головѣ, остриженной

въ кружокъ, и подставилъ умильно предъ глазами старушки лицо свое, густо опушенное бородою.

— Батюшка, какъ бы вспомнить!

Другая, на мѣстѣ нашей лѣкарки, сказала бы, можетъ быть: «помоги Господи!» но она призывала имя Господне только въ важныхъ случаяхъ.

— А помнишь, какъ ты шла отъ нѣмца-лѣкаря, къ которому посылалъ тебя отецъ, и тебя въ полѣ обидѣть хотѣли два солдата... а я проводилъ честно до дому, лишь поцѣловалъ тебя, мою разлапушку, въ щечку, словно въ аленькій цвѣтокъ.

Лицо старушки зардѣлось слегка и вмѣстѣ заблистало радостью.

— Васинька, родной, Василечикъ ты мой, это ты?— воскликнула она, и положила дружески изсохшую руку на плечо жирнаго цыгана.—Какъ мнѣ забыть тебя!... То ли ты для меня сдѣлалъ? вынесъ моего сожителя, хвораго, безногаго, изъ полымя, какъ случился у насъ пожаръ...

— Да укралъ у васъ же лошадь.

— Эхъ, эхъ! ты все такой же балагуръ, какъ бывало,—сказала развеселясь лѣкарка.—Много лѣтъ мы съ тобой хлѣбъ-соль водили. Кто-жъ эта молодица?

— Моя кукона, по-русски госпожа моя.

— Такъ ты пошелъ въ кабалу?

— То есть въ неволю?... Нѣтъ, Парамоновна; развѣ ты меня не знаешь... Кто велѣлъ бы мнѣ оставить службу у добраго царя, кабы не сидѣлъ у меня царь въ головѣ — проклятая цыганская волюшка. Маріула, вотъ видишь, сдѣлала мнѣ добро, не-мало не-много отъ плахи избавила; и поэтому-то хоботу я ей служу, называю ее своею госпожей, а она меня своимъ братомъ,

сватомъ и всякою околесницей. Къ тому-жъ она цыганка, наша сестра! Назови жъ она меня не въ шутку своимъ слугою, такъ я... ей кланяюсь, даромъ что люблю ее пуще сестры родной. Эй! Маріула, поцѣлуй же старую мою знакомку.

И госпожа исполнила съ удовольствіемъ приказъ своего товарища и слуги.

— Какъ же тебя въ Питеръ принесло? Ужь не на бѣсовское ли игрище, что твоя товарка такъ нарядна! Мы ужь со внучками до-сыта налюбовались звѣздочками на ея одеждѣ, точно съ Господняго неба сняла.

— Маріулѣ нужно было въ Питеръ: мнѣ вездѣ хорошо, гдѣ со мною воля и насущный хлѣбъ—бояться нечего за старые грѣхи мои: ты меня не признала, такъ никто не признаетъ—на игрище мы попали, потому что насъ за это холятъ, да одѣваютъ, да кормятъ хорошо, а къ тебѣ пришли за снадобьицемъ: вотъ и вся недолга.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады старому другу.

— Помнишь ли, приходила разъ къ отцу твоему бабеночка, сухотная, чахотная что ли, все покрехтывала да покашливала, словно у ней въ горлѣ что стояло! Вотъ далъ онъ ей снадобья, какого-то жгучаго, да и велѣлъ ей пить по капелькѣ въ водѣ на заряхъ. «Смотри,—говорилъ онъ ей, — пузырька не разбей, а то надѣлаешь такихъ проказъ, что свѣту Божьяго не взвидишь».

— А она, глупенькая, тутъ же выронила бумажку, которую заткнутъ былъ пузырекъ, и обожгла себѣ руку такъ, что и умерла съ красными пятнами, словно давленой клюквой кто ее обрызгалъ.

— Э, ге! видно съ этою шуткою шутить не надо,—

сказалъ значительно цыганъ, посмотрѣвъ на свою подругу, у которой въ это время сердце стучало, какъ молотъ, а глаза умоляли Василія дополнить начатое.— Однако,—продолжалъ онъ,—мы не такъ глупы, какъ эта бабенка... побережемся...

— Для кого же вамъ это снадобьице? Ты, кажись, не сухотенъ,—старушка плюнула, и перекрестилась,— твоя названная госпожа хоть и грустна, а, Богъ съ ней, здоровехонька.

— Вотъ видишь, родная,—подхватила Маріула, — одна богатая барыня въ Питерѣ просила меня лѣкарства отъ сухотки и обѣщала меня озолотить, коли ей помощь сдѣлаю. Васѣ я это разсказала; онъ вспомнилъ, что родитель твой поднялъ кого-то на ноги точь-въ-точь отъ такой хворости, и привелъ меня сюда. Помоги, Парамоновна; барыши всѣ пополамъ.

— Изволь, изволь, есть у меня что вамъ потребно; только о барышахъ ни словечка; мы люди свои, а я еще въ долгу у твоего и моего Васиньки.

Тутъ лѣкарка подошла къ коробу, подозвала старшую дѣвочку, называя ее своею внучкой, велѣла ей осторожно вынуть пузырекъ, замѣченный соломинкой въ бумажной пробкѣ; потомъ отдала его Маріулѣ съ крѣпкимъ наказомъ давать больной лѣкарства по одной каплѣ, и то въ водѣ.

— А передать,—продолжала она, — не долго принять на душу грѣхъ смертный: и ты, и я пропадемъ навѣки. Теперь поставь снадобье на полку, а завтра возьмешь его съ бережью, помолясь Богу. Чай, вы у меня отвѣдаете хлѣба-соли да переночуете? Морозъ такъ и воротитъ лицо — долго ли до грѣха? попадешь и подъ снѣжную пелену.

Маріула и Василій благодарили и согласились переночевать. Первая съ трепетомъ сердечнымъ поставила пузырекъ куда ей указали.

Сѣли за скромную сельскую трапезу. Меньшая дѣвочка, босая, слѣзла съ полатей и заняла возлѣ своей бабушки почетное мѣсто, выглядывая исподлобья плутоватыми глазками на гостей. Старшая внучка прислуживала за столомъ. Послѣ ужина занялись бесѣдою какъ водится, о тягостяхъ настоящаго времени и о блаженствѣ прошедшаго. Этотъ предметъ разговора—общее мѣсто у необразованнаго класса народа во всѣ вѣка; тогда оно было горькою истиной. Жаловались на временщика, на нужды народныя и жалѣли о государынѣ, которой некому было молвить правду за ея дѣтокъ; скорбѣли также, что въ нѣсколькихъ деревняхъ, по сосѣдству съ Рыбачьей слободой, ходила какая-то немочь и валила малаго и большого, но что, благодаря Бога, она миновала до сихъ поръ слободу. Разсказывали также объ игрищѣ, которое готовили въ Питерѣ, о диковинныхъ людяхъ, похожихъ на звѣрей, привезенныхъ туда, о слонахъ, верблюдахъ, ослахъ и прочихъ разнородныхъ животныхъ, на которыхъ будутъ возиться эти люди по городу, и даже о ледяномъ домѣ, о которомъ молва успѣла уже прокрасться въ однѣ сутки изъ дворца въ хижины. Такъ-то царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ. Между тѣмъ бесѣду прерывали нѣсколько разъ болящіе. Одна просила полѣчить ее отъ зубовъ, другая—отъ жабы. И ту и другую маленькая, добренькая старушка лѣчила молитвами, приговорами и осязаніемъ, которое нынѣ назвали бы магнетизмомъ. Къ этимъ способамъ прибавляла она — для одной деревянный гвоздикъ, для другой воду съ солью.

Визиты доставили медику въ сарафанѣ десятокъ яицъ и крынку молока. Несмотря на скудость дара, услужливая лѣкарка, дѣлавшая все во имя Бога, довольна была наградой болѣе, нежели иной врачъ, получившій за консультацію золотую табакерку. Отъ горбатенькой старушки такъ и сіяло святынею добра.

Молодую паціентку ея пришли звать на посидѣлки въ сосѣднюю избу. Когда она ушла, цыганъ и цыганка просили лѣкарку разсказать, отчего приключилась съ несчастною дѣвушкою такая немощь. Старушка охотно согласилась исполнить ихъ желаніе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ

Слово не мимо идетъ.
Русская посл вица.

— Сотворимъ-ка знаменіе крестное; всякое знаменіе со крестомъ вѣрнѣе, — сказала старушка, и когда исполнила свой завѣтъ, а за ней послѣдовали ея слушатель и слушательница, приступила къ дѣлу.

— Этому было, не мало, не много, тому назадъ десятка полтора лѣтъ, о святки, въ часы ночные, какъ бы не обмолвиться, развѣ за часокъ до первыхъ пѣтуховъ. Православные въ слободѣ улеглись всѣ спать. Лишь въ нашей избѣ горѣла лучина; мы съ дочкою, покойницей, пощипывали и чесали ленъ да поджидали сожителя ея изъ Питера. Разгуляйся вдругъ погода такая, что носа нельзя высунуть на дворъ, мятель сердито скребла окошко, вѣтеръ укалъ, будто просился къ намъ, инда жутко становилось. Вперемежку, только-что онъ, поугомонившись, отдохнулъ крохотку, слышимъ: возлѣ самаго угла избы бранятся, да какъ?— прости Господи! — словно въ кабакѣ. Плюнула я на

этотъ грѣхъ—до молитвы ли? — отворила окошко, высунула голову, и вижу, — батюшки, свѣты мои! Мятель сѣетъ часто, часто, что твои нитки на моталкѣ у проворной мотальщицы, вихорь крутитъ винтомъ снѣгъ вдоль загороды, воротишки въ село занесены, и мужикъ возится въ сугробѣ съ кляченкой — у сердечной только-что рыло да спина чернѣются. Мужичку бы, Христомъ да Богомъ, покликать кого на помощь, а онъ, остервенившись, такую несетъ клятву на погоду, на слобожанъ, что не прочистили, вишь, про него сугробовъ, на себя, на жену, на свое дѣтище.

— Да неужели есть такіе родители?—сказала цыганка съ ужасомъ,—кровь свою проклинать!...

— Мало какихъ людей на свѣтѣ нѣтъ! Не мѣшай же мнѣ спросами, сизая голубка, а то, на старости лѣтъ, мудрено ли сбиться?

— Вотъ, слышу, голосъ-то знакомый, мужичка изъ сосѣдней деревушки. Ахти, Сидоръ! молвила я ему, въ такую ли пору браниться? Перекрестись-ка лучше да призови Господа на помощь, а мы съ дочкою придемъ къ тебѣ да разгребемъ сугробецъ.

«— Помоги, матушка, сударушка, разлапушка, и такая и сякая! — вопилъ мужикъ... — хозяйка родила дочку, сама хворая, того и глади протянется; взмолилась: поѣзжай-де къ батькѣ, въ Рыбачью, да привези ей и дѣтищу молитву. Провалъ ихъ возьми, когда вздумала родить!...

— Экой грѣхъ, экой грѣхъ! слово не мимо идетъ!— молвили мы промежъ себя съ дочкой,—видно, хмѣльной! погубитъ онъ свою и ихъ душу. Вѣдомо намъ было, рыльце-то онъ свое окуналъ частенько въ зелено вино. Какъ придетъ дурь въ голову, рѣшетомъ

деньги мѣритъ, проспится, не на что рѣшета купить, бьетъ хозяйку не на животъ, а на смерть: давай денегъ въ кабакъ, а нѣтъ, такъ холсты неси въ закладъ. Житье бѣдной было такое, хоть живой въ землю лечь. Взяли мы съ дочкой по лопатѣ и ну разметывать сугробъ. Работа далась легкая и скорая—снѣгъ былъ рыхлый, а мужичку покажись она тяжелою — мудренаго нѣтъ, отъ того, что лошаденка его завязла ногою въ заворъ. Уменъ былъ, хотѣлъ, чтобы кляченка сломала грудью жерди. Спасибовъ наклалъ онъ намъ съ коробъ и помчалъ по селу.

«Сказывала я вамъ до сихъ поръ, други мои, что своими оченьками видѣла; теперь стану разсказывать слышанное. Вотъ подъѣхалъ Сидорка къ поповскому дому. На стукъ его вышелъ священникъ и, вывѣдавъ, за какимъ дѣльцемъ тотъ пріѣхалъ, впустилъ его къ себѣ. Спросилъ у мужичка шапку, прочелъ въ ней молитву новорожденному младенцу и родильницѣ и, перекрестя, надѣлъ на голову мужика со строгимъ наказомъ, крѣпко-де бы держалъ ее на головѣ, а пріѣдучи домой, вытрясъ бы изъ нея молитву на тѣхъ рабовъ Божіихъ, на чье имя взята она. Денегъ у Сидорки за душой и полушки не было, а полѣзъ будто за кисой.

«— Ахти, батька!—молвилъ онъ, будто въ испугѣ,— везъ тебѣ два алтына, да, знать, дорогой обронилъ.

— Богъ проститъ! — сказалъ отецъ духовный, — когда-нибудь сочтемся.

«Мы только-что прилегли: слышимъ, катитъ нашъ Сидорка мимо избы, словно буря, затянувъ пѣсню съ разными прибаутками.

«Деревушка его отъ нашей слободы рукой подать,

много-много съ полверсты. Отъѣхалъ онъ врядъ-ли за околицу, чуетъ, на головѣ шапка свинецъ-свинцомъ, такъ и давитъ голову: то поправитъ ее слегка, то крошечку приподыметъ. Онъ погонять лошадь, а шапка рѣжетъ ему лобъ, словно желѣзный обручъ. Вдругъ, отколѣ ни возьмись, на встрѣчу ему сани, вороной жеребецъ въ запряжкѣ, хрипитъ и мечется кляченку изгрызть. Сидитъ въ саняхъ мужичище рыжій, шапка саженная съ двумя заломами, борода по колѣна огневая, такъ и чешетъ ее по сторонамъ вѣтеръ, какъ охапку льну. Видно, грѣхъ на грѣхъ наѣхалъ.

«— Своротн!—грозно гаркнулъ онъ.

«Сидоркѣ стоило бы смирнехонько, съ молитвою, отвесть свою лошадку въ сторону; гдѣ ему, озарнику? кричитъ:

«— Я самъ-ста не хуже тебя! Хаворитъ Меншиковъ что-ли ѣдетъ?... Эка фря! Своротишь самъ!...— Да къ этому ругнулъ проѣзжаго недобрыми словами.

«Не стерпѣлъ этихъ позорныхъ словъ рыжій мужикъ, скокъ съ саней, кляченку за уздцы, втопталъ ее по уши въ снѣгъ, Сидорку по рылу, инда у этого искры изъ глазъ посыпались, а по шапкѣ его не тронулъ. Осерчалъ нашъ Сидорка, хвать самъ врага кулакомъ — мимо, еще — опять мимо; а недобрый проѣзжій,—съ нами сила крестная! — въ сани и погналъ шажкомъ на вороном жеребцѣ. Мужичишка нашъ и пуще прежняго разгорѣлся; схватился за шапку съ молитвой и швыркомъ ее въ нечистаго — глядь, будто огонекъ взвился къ небу, а врага и слѣдъ простылъ; только поднялся по полю такой бѣсовскій хохотъ, что твои лягушки въ болотѣ! Дѣлать было Сидоркѣ нечего; отыскалъ насилу шапку свою, вытащилъ кляченку изъ

снѣгу—съ бѣдной паръ такъ и валилъ—и поѣхалъ домой съ недобрыми мыслями: «затаю, дескать, хозяйкѣ, что молитву потерялъ». Шасть къ себѣ на дворъ, вошелъ въ избу; только-что хотѣлъ крестное знаменіе сотворить, да не смогъ: изъ-за печки сверкнулъ кто-то очами и подразнилъ языкомъ, пусто бы ему было! Въ избѣ вой и плачъ, хоть вонъ бѣги.

«— Поспѣшай, батюшка,—молвили ему сосѣдки,—хозяюшка твоя на отходѣ.

«Снялъ тутъ Сидорка шапку и, словно добрый человѣкъ, потрясъ ее надъ умирающей — слышитъ, за печкой кто-то захохоталъ, родильницу перевернуло къ стѣнѣ; взвизгнула бѣдная, замахала рукой и испустила душеньку. Онъ къ младенцу съ тѣмъ же благословеніемъ: у дѣвчонки косило ротъ и животъ дуло, пока отецъ держалъ надъ ней шапку.

«— Будь проклята ты! — вскричалъ онъ такъ, что на всѣхъ ужасъ навело, и посыпали сосѣдки вонъ изъ избы. Шлепнулъ онъ съ сердцовъ шапку на полъ и пошелъ на полати спать; только худо ему спалось. Видитъ онъ,—съ нами крестная сила! и разсказывать, такъ морозъ подираетъ, — бѣсъ съ рожками няньчитъ младенца, а мертвая, въ саванѣ, сидитъ и плачетъ и упрашиваетъ его отдать ребенка... Съ тѣхъ поръ ужь Сидоркѣ все грезился нечистый. Спитъ-ли? — душатъ его саженной шапкой двумя заломами. Пьетъ-ли зелено вино?—голосятъ ему въ ухо: «пропилъ ты и такъ молитву!» Осушилъ-ли стклянку? — на днѣ дразнятъ его языкомъ; какая-то рыжая борода по губамъ вытираетъ, кто-то шепчетъ ему: «молитвой закуси!» Обезумѣлъ Сидорка: то бранится самъ съ собой, то упрашиваетъ невидимо кого; въ ину пору отмахивается попусту, въ

другую пору бѣлугой вопитъ: «батюшки! рѣжутъ! душатъ!» Съ тѣмъ и пошелъ ровнехонько черезъ годъ въ могилу; лишь передъ смертнымъ часомъ покаялся отцу духовному, что пьяный бросилъ шапку съ молитвой, которую онъ далъ ему».

— А дѣвочка?—спросила цыганка съ ужасомъ.

— Дѣвочка что-то больно кричала, какъ стали ее крестить, но потомъ росла себѣ пригожая и смышленая, только съ-маленька все задумывалась да образовъ боялась и ладону не любила. А какъ вошла въ пору да въ разумъ, поразсказалъ ей невѣдомо кто, какъ отецъ потерялъ молитву ея. Съ того дня ей попритчилось, и стала она кликать на разные голоса. Вотъ ее-то бѣдную видѣли вы. Кажись, теперь нечистому недолго въ ней сидѣть. Помощь Божья велика намъ, грѣшнымъ. А вы помните, други мои:—слово дурное и хорошее не мимо идетъ.

Чѣмъ начала старушка разсказъ, тѣмъ и кончила, то-есть крестомъ. Долго еще послѣ того мерещился въ глазахъ слушателей пьяный, безумный Сидорка и нечистый съ рыжею бородою на вороном жеребцѣ, и какъ няньчилъ-то онъ младенца въ полночь, и какъ упрашивала мать отдать его. Пуще всѣхъ задумывалась Маріула и собиралась узнать, носитъ-ли дитя ея на груди крестъ, благословеніе отцовское.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУСАЛКИ

Дитя ея для нея не цѣлое-ли человѣчество?
Бальзакъ.

Къ ночи все прилегло въ избѣ, но заснули крѣпко только бабушка да маленькая внучка, обѣ равно спокойныя духомъ, обѣ съ дѣтскою непорочностью, готовыя перелетѣть отъ земли въ лоно Бога. Маріула не могла сомкнуть глазъ; въ головѣ ея гнѣздились замыслы. Старшая внука, повозившись немного на полатяхъ, слѣзла съ нихъ осторожно, надѣла бѣлый *сушунъ* и тихо, какъ тѣнь, прокралась изъ избы. Цыгана подмывали тоже думы. Онъ видѣлъ, какъ пригожая дѣвушка выплелась изъ общей ихъ спальни. Любопытство сильно толкнуло его подъ бокъ, и Василій, почти вслѣдъ за ней, пробрался въ сѣни и на крыльцо,—надворное, хотѣлъ я сказать, забывъ, что хижина стояла безъ двора и загороды, одна-одинехонька, какъ бобыль безъ роду и племени.

Ночь была свѣтлая, по-вчерашнему. Серебряный мѣсяцъ, казалось, весь растопился и разлился по бѣлой

скатерти равнины; далеко, очень далеко означался на ней малѣйшій кустъ, который, при каждомъ дуновеніи вѣтерка, принималъ видъ движущагося человѣка или звѣря. Деревни съ своими снѣжными кровлями казались рядами огромныхъ, бѣлыхъ шатровъ. Гдѣ-гдѣ подслѣповато мигалъ въ нихъ огонекъ, утѣшая издали робкаго путника. Въ одномъ Петербургѣ чаще проблескивали огни, будто плошки сквозь декораціи, оставшіяся послѣ великолѣпнаго освѣщенія. Цыганъ сдѣлалъ скачокъ глазами вдоль улицы, чтобы посмотрѣть, куда пойдетъ бабушкина внучка; но слѣдъ ея уже простылъ. Прислушиваясь, онъ потонулъ было въ глубокой, холодной тишинѣ: вдругъ обдали его, точно кипяткомъ, мурлыканье и возня кошекъ надъ его головой.

— Чтобъ вамъ подохнуть! — вскричалъ цыганъ, плюнувъ съ досады,—напугали меня пуще «языка».

Не успѣлъ онъ еще успокоиться, какъ слуху его сказался далекій шумъ шаговъ. Прислушивается—это не походка одинокаго спутника. Скрипъ, скрипъ, скоро, скоро, и много, очень много—должно быть, цѣлая толпа. А никого, нигдѣ не видно!... Вотъ тянется гулъ изъ Петербурга: часы бьютъ полночь. Что-то, кромѣ мороза, подрало по сердцу Василія. Хотя и не твердый христіанинъ, однакожъ сотворилъ онъ крестное знаменіе; собравшись съ духомъ, сошелъ съ лѣстницы и—за уголъ избы. Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, смоляная бочка, ярко пылавшая въ полѣ. Еще нѣсколько шаговъ впередъ, и видитъ: вдали, за овинами убѣгаютъ русалки, съ распущенными волосами, въ одеждѣ по модѣ русалокъ, какую онѣ въ подводномъ царствѣ употребляютъ. Въ одинъ мигъ онѣ и скрылись. Не обманули-ли его

глаза?... Снѣгъ шуршитъ еще подъ ихъ ногами. Чтожъ тутъ? Уши обманываютъ?... Это недобрымъ отзывается. Вотъ какія чудеса творятся въ Рыбачьей слободѣ! Ге, ге, ге! Не даромъ говорятъ, рыбаки водятъ дружбу съ русалками! Видно, нынче шабашъ ихъ? Окаянныя и смоляную бочку зажгли для праздника, все также по-нашему, по-человѣчью!

Въ такомъ страшномъ раздумьѣ, потирая себѣ частенько глаза и вертя пальцемъ въ ухѣ, Василій возвратился на площадку лѣстницы; но лишь только сталъ на нее—слышитъ опять бѣглый скрипъ, все ближе и ближе, яснѣе и громче. За нѣсколько минутъ онъ видѣлъ русалокъ въ задъ; теперь онѣ бѣгутъ, обратясь къ нему лицомъ. Мѣсяцъ обрисовываетъ ихъ пріятныя и непріятныя формы, разрумяненныя морозомъ. Вѣдьмы водяныя обошли слободу кругомъ. Василій присѣлъ на корточки и сотворилъ молитву, снизанную наскоро изъ нѣсколькихъ молитвъ, худо выученныхъ. Дѣвки чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ болѣе уходитъ духъ его въ пятки. Хоть бы дать стречка въ избу, еслибъ не боялся привстать и показаться. Чего добраго? защекочутъ. Толпа-жъ большая! Однако же морозъ не шутитъ и съ ними, гонитъ ихъ порядкомъ, едва не вскачь. Вотъ поровнялись съ избушкой, въ двухъ шагахъ отъ нея... Духъ занялся у цыгана... Впереди идутъ рядомъ двѣ толстыя, претолстыя, будто беременныя, — должны быть матки! За ними все молодыя, и между ними, ахти! нельзя ошибиться—бабушкина пригожая внучка. Въ русалки завербовалась! каково?... а дома, словно святая, воды не замутитъ, да и крестъ кладетъ не хуже раскольника. Матки несутъ что-то въ рукахъ; у одной черный пѣтухъ, у другой черный котъ или

кошка. Слышно клохтанье и мяуканье; только не разберешь, котъ-ли клохчетъ и пѣтухъ мяучитъ, или наоборотъ. За ними одна молоденькая русалка—и провалъ ее возьми! такая пригоженькая, что на старости поцѣловалъ бы ее—несетъ огромный клубокъ, который, словно живой, вертится въ ея рукахъ. Потомъ бѣжитъ соха, запряженная нѣсколькими дюжими дѣвками, и сильно вспахиваетъ снѣгъ. Чѣмъ ватага далѣе, тѣмъ болѣе храбрится цыганъ. Онъ слѣзаетъ опять съ лѣстницы, становится за угломъ избы и видитъ: остановилась нечисть у смоляной бочки. Русалки связали два противные конца какой-то нитки вмѣстѣ, зарыли тутъ бѣднаго пѣтуха и кота, обѣжали нѣсколько разъ горящую бочку съ какими-то бѣсовскими приговорками, зашли за нея въ одеждѣ русалокъ, а вышли изъ нея въ одеждѣ слободскихъ дѣвушекъ и женщинъ, закидали огонь снѣгомъ и бросились всѣ врассыпную по слободѣ. Внука лѣкарки прямо къ себѣ на лѣстницу, и въ избу. Шасть за нею и Василій. Вотъ онъ ее поставитъ предъ бабушкой и образомъ въ допросъ!...

Между тѣмъ въ избѣ было не безъ дѣла. Маріула, какъ мы сказали, не могла сомкнуть глазъ. Голова ея пылала одною мыслью, что она погубитъ дочь сходствомъ: какъ нарочно, та въ нее вылита. Другимъ матерямъ это сходство служило бы утѣшеніемъ, для нея же оно — мука. Судьба зоветъ ее во дворецъ; Волынскій назначилъ ей быть тамъ на дняхъ... А удовольствіе смотрѣть на Маріорицу, говорить съ ней?... Можно-ли отказаться? Но тамъ увидятъ цыганку вельможи, статься можетъ, государыня, увидятъ рядомъ съ княжной Лелемикой, и довольно одного намека, одного подозрѣнія, чтобы уронить Маріорицу въ

общемъ мнѣніи—милую ея Маріорицу, которую она любитъ болѣе своей жизни, болѣе своей души. Мысль эта душитъ ее и на будущее время нигдѣ не даетъ ей покоя! Надо избавиться отъ этой муки.

Пузырекъ съ ядовитымъ веществомъ на полкѣ. Маріула хорошо замѣтила, гдѣ онъ стоитъ. Старушка сказала: «если жидкость попадетъ на тѣло, то выйдутъ на немъ красныя пятна, которыя одна смерть можетъ согнать». Чего-жъ ближе къ дѣлу?... Василій вышелъ, а то бы онъ помѣшалъ, можетъ статься!... Цыганка не разсуждаетъ о послѣдствіяхъ, о собственной гибели: одна мысль, какъ пожаръ, обхватила ее. Раздумывай, береги себя другая, а не она!...

Дрожа, какъ преступникъ, и между тѣмъ вся пылая, Маріула встаетъ съ залавка... осматривается, прислушивается... все спитъ. Слава Богу, что все спитъ!... Два, три шага, легкіе, какъ шаги духа — и она у полки... Рука ея блуждаетъ... наконецъ, схватываетъ пузырекъ... бумажная пробочка вонъ, и... Боже! что съ нею?... глазъ ея поврежденъ... кипящій свинецъ рѣжетъ щеку... бьется мозгъ въ головѣ, будто черепъ сверлятъ... предъ остальнымъ глазомъ прыгаютъ солнцы... въ груди тысячи ножей... И только одинъ стонъ, одинъ скрежетъ зубовъ въ дань всѣмъ этимъ мукамъ и посреди этихъ мукъ слабая, далекая мысль о Маріорицѣ! Эта мысль торжествуетъ надо всѣмъ.

Что ей дѣлать? Разбудить лѣкарку? Умереть на мѣстѣ? Зачѣмъ нѣтъ съ нею теперь Василія?... «Господи, Господи, помоги!» можетъ она только сказать, и, шатаясь, идетъ искать своего товарища. Ей кажется съ каждымъ шагомъ, что она наступаетъ на ножи, на вилы. Дверь сама собой отворяется; кто-то даетъ ей

мѣсто: это внука лѣкарки, идущая съ ночной прогулки, изъ бесѣды русалокъ. Цѣпляясь за стѣны, Маріула выходитъ на площадку лѣстницы, и Василій ее окликаетъ.

Маріула не въ силахъ отвѣчать, только стонетъ; хватается за его рукавъ, крѣпко, судорожно сжимаетъ его и, готовая упасть отъ нестерпимой боли, виснетъ на немъ. При свѣтѣ мѣсяца цыганъ всматривается въ лицо своей куконы и каменѣетъ отъ ужаса. Онъ не сомнѣвается болѣе: несчастная изуродовала себя *крѣпкою водкой*.

— Маріула, Маріула! что ты сдѣлала? — говоритъ Василій сквозь слезы, схватываетъ ее бережно въ охапку и вноситъ въ избу.

Онъ будитъ всѣхъ, она жалобно проситъ у всѣхъ помощи. Лѣкарка и старшая внука опрометью бросаются, одна съ залавка, другая съ полатей спрашиваютъ, гдѣ пожаръ; высѣкаютъ огонь, бѣгаютъ и толкаютъ другъ дружку; маленькая внучка, испуганная тревогою, плачетъ. Суматоха, стоны, спросы, отвѣты: вся избушка вверхъ дномъ. Лѣкарка, узнавъ наконецъ, отъ чего кутерьма, и взглянувъ на одноглазое, изрытое лицо Маріулы, теряетъ голову; не знаетъ, за что приняться, говоритъ, дѣлаетъ невпопадъ, но, вспомнивъ Бога и сотворивъ молитву, приходитъ въ себя. Она употребляетъ всѣ средства, какія только предлагаютъ ей знанія ея и усердіе, и только къ разсвѣту все опять затихаетъ въ избушкѣ. Никогда еще со времени ея существованія не тревожились такъ сильно ея обитатели.

Поутру стучались въ хижину, несли, по ежедневному обычаю, приношенія лѣкаркѣ: кто вязанку дровъ,

кто горшокъ съ похлебкою только-что изъ печи, кто пришелъ съ вызовомъ истопить избу. Долго не было отвѣта. Наконецъ, вышла старшая внука и извинилась, что къ бабушкѣ нельзя: она-де ночью возилась съ одною больной и только къ утру прилегла отдохнуть. Приношенія осторожно приняты, услуги отложили до полдня.

И въ самомъ дѣлѣ, только-что къ полдню проснулись въ избушкѣ. Сдѣлали новыя перевязки больной, и между тѣмъ спросили, какъ ее угораздило, послѣ строгаго наказа, испытать лютаго зелья. Цыганка разсказала, что она впросонкахъ слышала, какъ на полкѣ возился котенокъ; она встала, хотѣла по немъ ударить и зацѣпила рукавомъ за пузырекъ... остального будто за жестокою болью не помнила.

— Не кручинься, бабушка, — примолвила цыганка,—мои грѣхи, видно, меня и попутали; захотѣла вдругъ разбогатѣть!... Въ городѣ же скажемъ, что обварилась кипяткомъ, вытаскивая горшокъ изъ печи...

Сильно упрекала себя старушка, зачѣмъ дала цыганкѣ такое опасное снадобье; но Маріула оправдывала ее такъ убѣдительно, такъ увертливо сваливала на себя бѣду, что Парамоновна успокоилась. Она безкорыстно желала сдѣлать добро другимъ; не ея же вина, если ея не послушались. Что тяжелѣй всего было для нея, надо было прибѣгнуть ко лжи, которую она считала тяжкимъ грѣхомъ. Разгласивъ же истину, можно было на старости лѣтъ познакомиться съ тюрьмою или съ чѣмъ-нибудь худшимъ.

Нѣсколько дней пробыли цыгане у лѣкарки, и когда раны на лицѣ больной стали совсѣмъ заживать, подали ей кусочекъ зеркальца, чтобы она посмотрѣлась

въ него. Половина лица ея отъ бровей до подбородка была изуродована красными пятнами и швами; она окривѣла, и въ ней только по голосу признать можно было прежнюю Маріулу, которой любовались такъ много всѣ, кто только видалъ ее. Она посмотрѣлась въ кусочекъ зеркала, сдѣлала невольно гримасу и — потомъ улыбнулась. Въ этой улыбкѣ заключалось счастіе ея милой Маріорицы.

Между тѣмъ во время курса лѣченія, цыганъ, узнавъ, что его госпожа внѣ опасности и достигла, чего желала, началъ шутить попрежнему. Разъ, когда вышла изъ избы старшая внучка лѣкарки, онъ разсказалъ о шабашѣ русалокъ. Смѣялась очень старушка разсказу, но разочаровала цыгана, объяснивъ, что не водяныя вѣдьмы напугали его, а рыбацкія слобожанки.

— Вотъ видишь, родимый,—говорила она,—изстари ведутъ здѣсь этотъ обычай: коли заслышатъ по сосѣдству повальныя немочи, дѣвки запахиваютъ нить кругомъ слободы; гдѣ сойдется эта нитка, тамъ зарываютъ чернаго пѣтуха и черную кошку живыми. Впереди идутъ двѣ беременныя бабы, одна, дескать, тяжела мальчикомъ, а другая дѣвочкою. Немочь будто не смѣетъ пройти черезъ нить. А коли спросишь, для какой потребы пѣтухъ и кошка и смоляная бочка, не могу тебѣ въ ясность растолковать. Старики-жъ наши про то знавали доточно; видно, умнѣе насъ бывали [1]).

Василій часто заставлялъ краснѣть, какъ пунцовый макъ, пригожую внуку лѣкарки, напоминая ей русалочную, свѣтлую ночь.

---

[1]) Повѣрьте—описанное въ этой главѣ существуетъ еще и понынѣ въ нѣкоторыхъ Великороссійскихъ губерніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЪ ПЕРЕДНЯГО И СЪ ЗАДНЯГО КРЫЛЬЦА

Недруга догнать, надъ нимъ занятъ вѣтръ способный,
И побѣду одержать, вступая въ бой удобный,
Трудъ немалый.

Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками!
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, опѣмѣвъ, слезы у иново
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить...

Кантемиръ.

Просимъ изъ бѣдной хижины Рыбачьей слободы нѣсколькими днями назадъ въ палаты герцогскія. Однакожъ, прежде позвольте оговорку.

Вы знаете, что безъ нея не обходился ни одинъ разсказчикъ, начиная отъ дѣдушки нашего Вальтера-Скота.

У кого, кромѣ крестьянина, нѣтъ передняго и задняго крыльца! Эти два входа и выхода всего живущаго, слѣдственно мыслящаго и чувствующаго, въ иномъ домѣ могли бы доставить новому Фонъ-Визину матеріала на цѣлую остроумную книгу. Не думаю,

чтобы лѣстницы, особенно задняя, гдѣ-нибудь представили столько занимательныхъ сценъ, какъ у насъ на Руси. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Ограничусь изображеніемъ того, что въ данное нами время стеклось у герцога курляндскаго съ обоихъ крылецъ.

Съ пробужденіемъ дня жизнь зашевелилась въ палатахъ его; но только какая жизнь? — караульная, украдчивая, боязненная. Сначала лѣниво ползла она съ истопниками, конюхами и полотерами по заднимъ дворамъ, по коридорамъ и переднимъ; но лишь раздалось слово: *проснулся!* все въ домѣ вытянулось въ струну; шаги, движенія, слова, взоры, дыханіе, выровнялись и пошли въ мѣру; безчисленные проводники отъ великаго двигателя: *Биронъ* навели въ нѣсколько минутъ весь Петербургъ на этотъ ладъ. Казалось, душѣ скомандовалъ кто-то: «слушай»! и душа каждаго стала во фрунтъ, чтобы выкидывать свои однообразные темпы.

Огромные переходы вели къ дому; въ нихъ и на лѣстницѣ разставлены были по мѣстамъ, въ виду одинъ отъ другого, часовые изъ гвардіи герцогской. Каждый изъ нихъ, облитый съ головы до ногъ золотомъ, казался горящимъ пукомъ, всѣ они—золотою цѣпью, къ которой, увы! за порогомъ невидимо примыкала желѣзная, опутавшая всю Россію. Огромную переднюю затемняли, какъ туча саранчи, павшая на маленькое пространство, множество скороходовъ, гайдуковъ, турокъ, гусаръ, егерей, курьеровъ и прочей барской челяди, богато одѣтой; между привычнымъ нахальствомъ ея затерты были ординарцы отъ полковъ гвардіи. Смотря на косые взгляды слугъ и грубые отвѣты

ихъ, смотря, какъ они зѣвали и ломались на залавкѣ при входѣ не слишкомъ значительнаго человѣка, вы сейчасъ отгадали бы, что господинъ—временщикъ.

Въ пріемной залѣ, подлѣ двери самой передней, сидѣлъ ужь Кульковскій. Онъ пришелъ въ послѣдній разъ отдежурить на своемъ стулѣ и насладиться на немъ закатомъ своей службы *при* первомъ человѣкѣ въ имперіи, съ тѣмъ, чтобы онъ напутствовалъ его покровительскимъ взглядомъ на новое служеніе. Замѣтно, что онъ нѣсколько смутенъ, и какъ быть ему веселымъ, беззаботнымъ попрежнему? Онъ прощается съ пріемной комнатой герцога, какъ своею родиной. Здѣсь, у золотого карниза, гдѣ изображенъ сатиръ, выкидывающій козьими ногами затѣйливый скачокъ, улыбнулись ему тогда-то; тутъ, у мраморнаго стола, положили на плечо могучую и многомилостивую руку, которую онъ тогда-жъ поцѣловалъ; далѣе, свѣтлѣйшій, ущипнувъ его въ пухлую, румяную щеку, подвелъ къ огромному зеркалу, только-что привезенному изъ Венеціи, чтобы онъ полюбовался на свою рожу и лысую голову, къ которой сзади приклеены были ослиныя уши. А стулъ, драгоцѣнное сѣдалище проходящаго величія его? О! его понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ сквозь всѣ бури и превратности міра. Въ послѣдній разъ принесъ онъ горяченькія новости искателямъ фортуны, именно, что любимая кобыла герцога ожеребилась; потомъ — надо же поставить себя рядомъ съ чѣмъ-нибудь герцогскимъ — что у него готовъ уже пажескій кафтанъ, который изволилъ пожаловать ему его свѣтлость, и наконецъ, что Эйхлеръ сдѣланъ кабинетъ-секретаремъ, о чемъ еще никто не вѣдалъ, кромѣ его, Кульковскаго, и самого герцога.

Улыбка и пожатіе руки знатныхъ, просившихъ его не забыть ихъ при дворѣ, пожатіе мимоходомъ руки герцогскаго камердинера,—все это, увы! въ послѣдній разъ освѣтило поприще его минувшей службы. Что ожидаетъ его впереди? Роль шута! Это бы хорошо: онъ будетъ первый шутъ въ имперіи по знатности рода. Но опасны плутоватые пажи; облѣпятъ его насмѣшками, какъ мякушками, не дадутъ ему и отсидѣться на стулѣ! Новости не черезъ него будутъ идти. Такъ-то измѣнчива фортуна!

Понемногу входили въ пріемную залу должностныя лица — со вздернутымъ носомъ, плюющія на небо за порогомъ Биронова жилища, а здѣсь сплюснутыя, какъ пузырь безъ воздуха, сутуловатыя, съ поникшимъ, робкимъ взоромъ, выжидающія Рока изъ двери во внутренніе покои. Словъ между приходящими не слышно; замѣтны только шелестъ губъ, движенія рукъ, улыбка, свѣренныя по масштабу самаго униженнаго страха. Все, однакожъ, люди съ вѣсомъ! Они мѣрятъ бархатъ и парчу плечами и локтями; когда они стали въ ранжиръ вдоль стѣны и оконъ, больно глазамъ смотрѣть на нихъ,—такъ блестятъ золото и яркость цвѣтовъ на ихъ одеждахъ. Не видно ни бѣдной вдовы съ просьбою о пенсіи по смерти мужа, или о принятіи сироты въ учебное заведеніе, ни старика-крестьянина съ жалобою, что все молодое семейство распродано по-одиночкѣ, или отдано въ рекруты, взачетъ будущихъ наборовъ; не видно ни торговца съ предложеніями новыхъ промышленныхъ видовъ, ни художника, вытребованнаго нежданно-негаданно къ полученію награды за великій трудъ, который онъ творилъ для потомства, а продавалъ, наконецъ, за кусокъ хлѣба. Ни одного

просителя между приходящими,—все искатели. Золотое время! Ждутъ они часъ, два и болѣе.

Довольно холодно, если не жутко, какъ видите, на передней половинѣ. Что-то дѣется на задней?

Бросивъ мелькомъ взглядъ въ уборную герцогини, куда и откуда суетливо и увертливо шныряютъ факторы разнаго рода, народа и званія, ювелиры, купцы, портнихи, секретари-слуги и служанки-секретари, войдемъ въ берлогу самого медвѣдя, именно въ кабинетъ герцога.

Герцогъ любилъ великолѣпіе. Можно вообразить, какъ онъ облѣпилъ его затѣями комнату, откуда дождилъ Россію жгучими лучами своего властолюбія. Покрытый батистовымъ пудрамантомъ и нѣжа одну стройную ногу, обутую въ шелковый чулокъ и въ туфлѣ, на пышномъ бархатѣ скамейки, а другую спустивъ на персидскій коверъ, сидѣлъ онъ въ креслѣ съ золотою герцогскою короною на спинѣ; осторожно, прямо, вглядывался онъ повременамъ въ зеркало, въ которомъ видѣлъ всего себя. Туалетомъ своимъ онъ занимался до кокетства, подобно искуснѣйшему калиграфу, желающему плѣнить знатока малѣйшею живописною черточкой въ своемъ письмѣ. Не смотря, что головѣ его доставалось отъ парикмахера, убиравшаго его, онъ былъ терпѣливъ, какъ бумажный болванъ, на которомъ обдѣлываютъ прически. Только одинъ волосоубиратель его могъ обходиться съ нимъ такъ деспотически, не страшась мщенія. За парикмахеромъ пришелъ камердинеръ и одѣлъ его съ ногъ до головы. Кто увидѣлъ бы его, когда онъ, по окончаніи туалета, съ торжествующей улыбкой любовался своей фигурой, могъ подумать, что главная цѣль его жизни была плѣнять

наружностью. Но лишь только камердинеръ вонъ изъ кабинета—на мѣсто его звѣрообразный Гроснотъ съ пакетами. Распечатанъ одинъ, другой, и щоголь, привлекательный мужчина исчезъ. По тигру повели рукой противъ шерсти. Глаза его налились кровью; лицо исказилось; онъ кусалъ себѣ губы, кусалъ ногти,—временщикъ воспрянулъ.

— Дуракъ!... мѣшается не въ свое дѣло... — сказалъ онъ вполголоса, рванувъ и разорвавъ алансовыя манжеты на рукавѣ, которыхъ клочки испестрили персидскій коверъ.

Благозвучный эпитетъ, вырвавшійся у него, принадлежалъ его брату, Густаву, за то, что принималъ глупое участіе въ маскарадномъ наѣздѣ противъ Волынскаго. Письмо объ этой экспедиціи лежало передъ нимъ искомканное. Герцогъ былъ взбѣшенъ, а когда онъ находился въ этомъ состояніи, ему нужна была жертва. Алансовыя манжеты пострадали, но кружева—вещество, а не существо, которое могло бы чувствовать свое страданіе. Гроснотъ стоялъ предъ нимъ; онъ бросился на Гроснота.

— И ты,—вскричалъ онъ запинаясь отъ злобы,—ду....рракъ, скотина!

Адъютантъ, одушевленный чугунъ, привыкшій къ такимъ взрывамъ, молчалъ. Ни одной тѣни страха или оскорбленнаго самолюбія на лицѣ.

— Вы преступники, сударь, и я съ вами говорю, какъ съ преступникомъ!—вскричалъ грозно Биронъ.

Адъютантъ хранилъ молчаніе. Повелитель его все болѣе и болѣе утихалъ.

— Прикажи ослу караулить огородъ, онъ всѣ гряды перетопчетъ... Давай этимъ господамъ порученія!...

Ни догадки, ни сноровки! Ломятъ наповалъ, напрямикъ!... Вчера велѣно тебѣ было пытать малороссіянина, а ты?...

— Заморозилъ его нечаянно однимъ лишнимъ ушатомъ, — отвѣчалъ хладнокровно Гроснотъ: — однимъ бездѣльникомъ на свѣтѣ меньше.

— Знаю, что онъ былъ злодѣй, собака; но все-таки слѣдовало позаконнѣе... по крайней мѣрѣ не у меня на дворѣ... Да, да, гдѣ вздумали допытывать?... Тамъ, куда могла пріѣхать моя всемилостивѣйшая государыня, которая все примѣчаетъ, все видитъ... какъ это и случилось.

— Некогда было откладывать, ваша свѣтлость; Липманъ приказалъ мнѣ кончить скорѣй...

— Мнѣ чортъ васъ побери съ Липманомъ! Съ нимъ и раздѣлывайтесь, когда дѣло дойдетъ до отвѣта. Я ничего не знаю, не хочу ничего знать. У меня чтобъ мертвый былъ живъ! Слышишь?...

— Слышу, ваша свѣтлость!

— И если малороссіянина потребуютъ на лицо къ Волынскому, чтобъ онъ былъ на лицо, хоть обернись самъ въ него!... Слышишь? а не то комендантомъ въ рудокопную фортецію!

— Вина наша съ господиномъ оберъ-гофкоммиссаромъ, на насъ и падетъ отвѣтъ. Но обстоятельства ужъ ее исправили.

— Позвольте узнать, чѣмъ и какъ?

— Могу только доложить, что отъ Горденки ни волкамъ, ни могильщикамъ поживиться будетъ нечѣмъ, и что малороссіянинъ, наряженный къ празднику и смѣненный самозванцемъ, здѣсь на лицо. Но какъ это

сдѣлалось, объяснитъ вашей свѣтлости самъ г-нъ Липманъ. Я только знаю, что мнѣ велѣно знать.

— Хорошо, что такъ,—сказалъ герцогъ, утихая:— я тебя люблю, къ тебѣ привыкъ; ты мнѣ преданъ и исполнителенъ... и потому желалъ бы отъ души, чтобы ты выпутался здоровъ и цѣлъ изъ этой негодной исторіи. Но вотъ и гофкоммиссаръ... Ступай къ своему мѣсту.

Адъютантъ Гроснотъ и оберъ-гофкоммиссаръ Липманъ могли во всякій часъ дня и ночи входить безъ доклада къ герцогу. Но степень довѣрія къ этимъ двумъ лицамъ была различна. Каждый имѣлъ свой департаментъ. Первый былъ только строгій, безотговорочный исполнитель тайныхъ приговоровъ, исправная хлопушка, который колотилъ людей, какъ мухъ, не зная однакожъ, за что ихъ душилъ,—однимъ словомъ, нѣмой, готовый по первому взгляду своего повелителя накинуть петлю; другой—ловкій, умный лазутчикъ, совѣтникъ, факторъ и допросчикъ по всѣмъ дѣламъ, гдѣ духъ человѣка и гражданина выказывалъ себя въ словахъ, или даже намекахъ, благороднымъ противникомъ властолюбивой личности временщика. Стоило Бирону тронуть эту струну, чтобы со всѣхъ концовъ Россіи дали отзывы. Если-бъ кто, какъ брадобрѣй Мидаса, зарылъ свою тайну въ землѣ и герцогу нужно было бы ее знать, Липманъ выростилъ бы на этой землѣ тростникъ, и вѣтеръ, шевеля его, разсказалъ бы тайну. Самъ временщикъ, сколько ни изучалъ уловки и хитрости неблагонамѣреннаго политика, сколько ни старался подражать лукавству тогдашняго вице-канцлера Остермана, образца въ искусствѣ надѣвать на себя личину, смотря по обстоятельствамъ, однакожъ ни-

когда не могъ достигнуть совершенства въ этой наукѣ, не имѣя ни довольно ума, ни довольно власти надъ собою, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ случаяхъ же, гдѣ необузданность характера его могла ему измѣнить, или гдѣ лукавства его недоставало, работалъ Липманъ, какъ кротъ въ норѣ,—а темныхъ проводовъ изъ его норы было довольно подо всѣ мѣста, начиная отъ дворца до нищенской лачуги.

Такимъ образомъ каждый изъ двухъ соперниковъ, герцогъ курляндскій и Волынскій, имѣлъ по совѣтнику, равно лукавому. Разница между ними была въ томъ, что Зуда, съ возвышенною и благородною душой, дѣйствовалъ изъ одной безкорыстной преданности и любви къ своему довѣрителю и другу, во имя прекраснаго и высокаго, а Липманъ, готовый на всѣ низости и злодѣйства, служилъ своему покровителю и единомышленнику изъ почестей и злата.

Липманъ вошелъ въ кабинетъ, весело съежившись, подобно коту, желающему приласкаться къ своему хозяину. Но, взглянувъ на клочки корабля послѣ бури, сбавилъ нѣсколько своего удовольствія. Первое слово его было о малороссіянинѣ...

— Все объ немъ! Да дадутъ-ли мнѣ съ нимъ покой!... — сердито прервалъ герцогъ, желая некстати поиграть лукавствомъ съ своимъ совѣтникомъ. — Да неужели вы воображаете, что я такъ много хлопочу объ этой дряни?... Если-бъ и вздумалъ кто... такъ одно слово...

— Ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Липманъ униженно и съ усмѣшкой, расшевелившею его уши, — не желаете, конечно, заставлять меня пріобрѣтать вновь неоцѣненное довѣріе ваше, которое я почиталъ уже своею

неотъемлемою наградой за столь многолѣтніе опыты моего къ вамъ усердія и преданности. И я думаю...

— Что я забавляюсь? Да, да, любезный Липманъ, я пошутилъ, потому что на лицѣ твоемъ замѣтилъ предвѣстіе чего-то добраго. Знаю, какъ дѣло наше важно, по связямъ его съ польскими дѣлами; но увѣренъ также, что въ особѣ нашего оберъ-гофкоммиссара и друга мы имѣемъ оберегателя, который не допуститъ до насъ непріятностей.

— Вы отгадали. Дѣльце, нѣсколько запутанное, которое Гроснотъ неосторожно хотѣлъ разрубить однимъ взмахомъ своего меча, кончено благополучно.

— Да, да...—сказалъ герцогъ, запинаясь отъ удовольствія.—Гроснотъ погорячился, за то и объявилъ я ему, что, въ случаѣ бѣды, онъ одинъ отвѣчать будетъ. Добрый, преданный малый, но ломитъ всегда какъ медвѣдь! И такъ?...

— Я имѣлъ счастіе вполнѣ оправдать довѣренность вашей свѣтлости. Надо признаться, что помогла намъ много расторопность людей, вамъ преданныхъ.

— И тобою-жъ избранныхъ, мой скромный другъ!

Липманъ закинулъ назадъ свои рыжія космы, и лицо его открылось во всей полнотѣ удовольствія. Онъ поклонился и продолжалъ чрезвычайно тихо, такъ что за дверью никто не могъ слышать его разговора.

— Воевода, подписавшійся, для вида, между прочими, въ доносѣ Горденки и давшій мнѣ знать обо всемъ, слѣдилъ бездѣльника по горячимъ слѣдамъ. Въ Твери провѣдалъ онъ о подмѣнѣ малороссіянина, наряженнаго къ празднику, и, догадавшись, что Горденко будетъ нуженъ на другое игрище, не далъ бѣглецу далеко утечь и прислалъ его ко мнѣ въ самую пору.

Горденки нѣтъ; настоящій малороссіянинъ на лицо, и кто скажетъ противное, напутаетъ на себя бѣду. Въ это дѣло замѣшалась было цыганка, умная и лукавая, какъ самъ бѣсъ. Однакожъ, благодаря средствамъ, даннымъ мнѣ вашею свѣтлостью, я справился съ нею такъ успѣшно, какъ не ожидалъ.

Здѣсь Липманъ разсказалъ свои подозрѣнія, допросъ и успѣхъ своихъ дѣйствій. Подлинный доносъ былъ торжественно поданъ герцогу, и этотъ, прочитавъ его нѣсколько разъ, пожалъ столько же разъ руку своему клеврету.

— Управься мнѣ съ доносчиками, какъ хочешь, лишь бы *концы въ воду*, — сказалъ герцогъ, и вынулъ изъ бюро нѣсколько листовъ, которые и отдалъ Липману вмѣстѣ съ подлиннымъ доносомъ Горденки. — Вотъ тебѣ бланки на ихъ судьбу! Выбравъ нужное для себя, сожги бумагу.—Потомъ прибавилъ онъ благосклонно, — ты сдѣлалъ мнѣ нынѣ подарокъ, и я у тебя въ долгу. Твой племянникъ пожалованъ въ кабинетъ-секретари, объяви ему это и прибавь, что на первое обзаведеніе въ этомъ званіи дарю ему пару коней съ моей конюшни и приличный экипажъ.

— Милости ваши велики; чувствовать ихъ могу, но благодарить за нихъ не имѣю словъ, великій мой протекторъ! Позволь моему племяннику самому... свѣтлѣйшій, едва я не сказалъ, ваше высочество...

— О! съ высочествомъ не такъ поспѣшно...

— На этотъ случай я буду пророкомъ, много-много, чрезъ полгода вся Россія поднесетъ вамъ этотъ титулъ...

Биронъ ласково погрозился пальцемъ.

— Льстецъ!... Ну, гдѣ-жъ твой племянникъ?...

Тигръ забавлялся съ лисицей.

— Господинъ Эйхлеръ! — закричалъ оберъ-гофкомиссаръ, отворивъ дверь въ ближнюю комнату на заднюю половину дома, — его свѣтлость желаетъ васъ видѣть...

На этотъ зовъ явился сонный, долговязый Эйхлеръ, поклонился, какъ студентъ при первомъ дебютѣ своемъ въ свѣтъ, наступилъ неосторожно на ногу своего дяди и сталъ въ неподвижномъ положеніи, выставя свой бекасинный носъ впередъ.

— Благодарите его свѣтлость за новыя милости, которыя ниспосылаетъ онъ на васъ отъ высокихъ щедротъ своихъ, — сказалъ ему Липманъ, показывая глазами, чтобы онъ подошелъ къ рукѣ благодѣтеля,— вы пожалованы въ кабинетъ-секретари.

Дядя не иначе обращался къ своему племяннику, какъ мѣстоимѣніемъ *вы*.

— О, конечно... милости... ваша свѣтлость... благодѣянія вѣчно незабвенныя.. — сказалъ племянникъ, запинаясь и кланяясь; но, будто не понимая приказа дяди, не подошелъ къ рукѣ герцога.

— Довольно, довольно, — прервалъ усмѣхаясь Биронъ.—Не бойкій ораторъ, ха, ха, ха! въ Демосѳены не попадетъ! да намъ ихъ и не надо. За то строчитъ бумаги не хуже лучшаго изъ нашихъ кабинетъ-министровъ. Остерманъ—кажется, его отзывы можно во что-нибудь ставить!—именно Остерманъ предвѣщаетъ въ немъ великаго дипломата (Эйхлеръ отвѣсилъ поклонъ).—Люблю, что подчиненный мыслитъ, когда велятъ, а не тогда, когда вздумается ему... Продолжай, продолжай, молодой человѣкъ, и помни, что скромность, скромность и скромность—первыя добродѣтели и покровители кабинетъ-секретаря, и что первый врагъ языкъ.

Тутъ Биронъ кивнулъ Эйхлеру, и когда этотъ, догадавшись, что ему надо вонъ, вышелъ, отвѣсивъ такой неловкій поклонъ, что зацѣпилъ портупеей своей шпаги ручки креселъ и потащилъ было ихъ за собой, герцогъ, усмѣхнувшись, обратилъ рѣчь къ его дядѣ:

— Не отесанъ еще, хотя болѣе года секретарствуетъ при мнѣ; но выполируется современемъ въ кабинетѣ, при дворѣ... Теперь — продолжалъ онъ, — съ малороссіяниномъ кончено, и я спокоенъ съ этой стороны; но ты знаешь, что у насъ есть дѣло гораздо важнѣе...

— Борьба съ буйнымъ, непокорнымъ Волынскимъ, угодно вамъ сказать?

— Да; этого человѣка ничѣмъ не удовлетворишь, ничѣмъ не задобришь и не испугаешь! Онъ вездѣ, гдѣ только можетъ, мнѣ поперечитъ! Онъ грезится мнѣ и во снѣ, какъ шлагбаумъ, который, того и гляди, ударитъ меня по головѣ; онъ портитъ мнѣ безпрестанно кровь... и пока голова на плечахъ его, я не твердъ, у меня связаны руки, я самъ-другъ властвую... ты понимаешь меня?

— Его смертное паденіе необходимо для вашего спокойствія. Онъ предводитель шайки, которая хочетъ все сокрушить, что только не русское.

— Мятежники! я ихъ въ бараній рогъ! Мужики, отъ которыхъ воняетъ лукомъ!... Не всѣмъ ли намъ обязаны? и какова благодарность! О, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ!... Животныя, созданныя, чтобы пресмыкаться, хотятъ тоже въ люди! Я ихъ!... Я имъ докажу, что водовозная кляча герцога курляндскаго дороже русскаго... Гмъ! Они не знаютъ, съ кѣмъ тягаются... не на Кульковскаго напали!

Говоря это, Биронъ судорожно трясся, едва не скрежеталъ зубами. Немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Впрочемъ мы, по твоему совѣту, нашли слабую сторону этого Ахиллеса...

Липманъ не читывалъ не только Гомера, а и календаря, но догадался тотчасъ, о чемъ дѣло шло.

— Вы изволите намекать на интригу его съ молдаванскою княжной: прекрасный способъ! Я предрекалъ вашей свѣтлости, что его опутать можно въ этихъ тенетахъ, и какъ скоро вы изволите разсказать мнѣ вашу удачу, я дополню ее съ своей стороны.

— Изволишь видѣть, служанка ея работаетъ усердно... вчера пажъ доставилъ мнѣ записку къ княжнѣ отъ благопріятеля. Начало удачно Надо, однакожъ, повести это дѣло еще хитрѣе и сильнѣе; участить переписку.. доставить свиданьице наединѣ... а тамъ, чортъ возьми! если не поймаемъ птичку въ зернѣ!... Понимаешь, надо будетъ...

— Навести васъ, или самую государыню.

— Ты, дорогой мой, схватываешь мои мысли, какъ любовникъ взглядъ своей любезной. Государыня не надышится на дѣвчонку; лелѣетъ ее, какъ дитя свое, бережетъ отъ дурного глаза, видитъ въ ней свое утѣшеніе, любимую игрушку: а тутъ... самъ демонъ въ образѣ Волынскаго обезобразитъ, искомкаетъ это сокровище.

Адскій восторгъ вылился на лицѣ временщика.

— О! тогда голова мятежника въ вашихъ рукахъ— подхватилъ достойный клевретъ съ торжествующимъ видомъ. — Чтобъ довершить потѣху, мы постараемся еще взбѣсить его въ самомъ дворцѣ... А пока голова

у него свѣжа, признаться, опасенъ бунтовщикъ. Мы поведемъ это дѣло прекрасно; ручаюсь за успѣхъ жизнью своей. Цыганка невольно помогаетъ намъ, взявшись, какъ видно, маклеровать влюбленнымъ... Ваша свѣтлость доставитъ ей... этой чудной, небывалой гадальщицѣ, халдейкѣ—все, что вамъ угодно будетъ сказать объ ней—вы доставите ей входъ во дворецъ, свободный ходъ во всякое время къ глупенькой княжнѣ.

— Да, да, государыня любитъ гаданье съ тѣхъ поръ, какъ альманачникъ Бухнеръ напророчилъ ей престолъ. Гороскопами она замучила профессора астрономіи... Астрологъ въ юпкѣ — это новое! Мы употребимъ эту небывальщину въ дѣло!

— Учителя и нынѣшняго посредника мы разсердимъ такъ, что онъ будетъ первый доказчикъ.

— Добро, все добро, все сѣмя для богатой жатвы! Ты золотая голова; тебя бы надо въ кабинетъ-министры.

— Я стою выше, я вашъ кабинетъ-министръ. Забылъ еще одно обстоятельство. Надо всѣми средствами поддержать слухи, что Волынскій вдовецъ... это необходимо! А то планы наши могутъ уничтожиться въ самомъ началѣ. Съ моей стороны, я всѣхъ, кого могъ, настроилъ этими слухами и буду продолжать...

— Обѣщаю тоже съ своей стороны.

— Надо бы на время задержать жену его въ Москвѣ... но объ этомъ хлопочетъ ужь самъ вѣрный супругъ.

— Ха, ха, ха! Придумать нельзя ничего лучше. Поди сюда, мой вѣрнѣйшій и умнѣйшій совѣтникъ; дай себя поцѣловать.

И герцогъ курляндскій поцѣловалъ въ лобъ хитреца, униженно поклонившагося передъ нимъ, какъ бы для принятія благословенія отъ пастыря духовнаго.

Ущедренный этой наградой, Липманъ продолжалъ:

— Потомъ вы имѣете книгу, которую выкрала барская барыня изъ кабинета... имя забываю...

— «Исторію Жанны неаполитанской», на поляхъ которой написано рукою мерзавца: *Она! она!*

— Приноравливать къ кому вздумалъ! Самъ на себя петлю надѣваетъ! Въ придачу еще вчера вечеромъ...

— Я перебью тебя, любезный, — сказалъ Биронъ голосомъ сожалѣнія и качая головой, — признаться, меня вчерашняя маскарадная исторія огорчила за тебя. Охъ, охъ, бѣдный! идти съ Волкова поля пѣшкомъ, въ жестокій морозъ!...

— Обо мнѣ не извольте безпокоиться. Мое тѣло и душа готовы за васъ въ пеклу. Для васъ, еслибъ нужно было, я вырылъ бы своими руками всѣхъ мертвецовъ на кладбищѣ и зарылъ бы живыхъ столько же. Мы было устроили такъ хорошо, да испортила какая-то маска, пробравшаяся вслѣдъ за нами... шепнула что-то хозяину, и все вывернула съ-изнанки на-лицо. Къ тому-жъ и вашъ братецъ порыцарствовалъ некстати...

— Брата подъ арестъ! Хоть для виду, надо же удовлетворить Волынскаго, который считаетъ себя обиженнымъ. Любопытно, однакожъ, знать, кто эта секретная особа, которой извѣстны ваши тайны... (призадумавшись) это нехорошо, это что-то неловко!

— О! я отыщу этого секретника, во что ни станетъ, и... Богъ свидѣтель, вымещу на бездѣльникѣ

мое ночное путешествіе и ваше безпокойство, которое стоитъ, чтобы ему тянуть жилы клещами. Но это пустячки при нашихъ успѣхахъ! Кстати, Волынскій и вчера проговорился на счетъ государыни. Онъ пилъ съ насмѣшкою за ея здравіе, припѣвая ей память вѣчную.

— И то будетъ имѣть важную цѣну въ глазахъ больной государыни.

— Посылалъ васъ... — Липманъ, усмѣхаясь, потиралъ себѣ руки.

— Къ чорту?... это не новое! Посмотримъ, кто первый попадется въ его когти. Все прекрасно, безподобно, мой усердный другъ!

— Теперь позвольте о двухъ милостяхъ.

— Заранѣе даю слово выполнить твои желанія.

— Вы имѣете важнаго соперника, и я не безъ нихъ. Лукавый Зуда работаетъ противъ насъ, сколько можетъ. Преданная намъ барская барыня у него на замѣчаніи и съ часу на часъ ожидаетъ себѣ гибели. Надо спасти ее, хотя на зло ея господину.

— А средства? она крѣпостная...

— Я ужь придумалъ ихъ. Кульковскому ищутъ невѣсту изъ простыхъ...

— Чегожъ лучше для него этой шлюхи!... Сама государыня будетъ просить отдать ее за своего 50-лѣтняго пажа.

— И Волынскій не посмѣетъ отказать. Только надо какъ можно скорѣй, ваша свѣтлость!

— Первое мое дѣло во дворцѣ будетъ объ этомъ.

— Сынъ ея — если позволите доложить... ге, ге! хотя и глупенекъ, но усердно служитъ намъ; сейчасъ только еще сыгралъ исправно роль «языка»...

— Ну чтожъ.

— За приводъ людей къ празднику ему обѣщано офицерство.

— Можешь именемъ моимъ поздравить его офицеромъ.

— Докладъ мой конченъ — и я спѣшу къ работѣ. Въ пріемной залѣ толпа давно ожидаетъ появленія своего солнца, чтобы ему поклониться.

— Пускай ждутъ! Эту челядь надо проучивать, а то какъ разъ забудутся... Поболѣе блеска и шуму для дураковъ, и потяжелѣе ярмо для умныхъ, и все пойдетъ хорошо. Пошли мнѣ Кульковскаго; я хочу съ нимъ позабавиться да распорядиться на счетъ его свадьбы.

Липманъ вышелъ; на мѣсто его вошелъ Кульковскій.

— Любезный пажикъ!—сказалъ ему герцогъ,—мы разстаемся!

— Я лишаюсь лицезрѣнія вашей свѣтлости, которымъ нѣсколько лѣтъ питался, какъ манною небесною, — отвѣчалъ 50-лѣтній пажъ, подходя къ рукѣ герцога.

— О, о! зачѣмъ это?... — Онъ слегка отдернулъ было руку, но тотъ успѣлъ уловить ее своими устами. — Повѣрь, я не оставлю тебя и на новомъ твоемъ мѣстѣ. А чтобы на первыхъ порахъ доказать мои милости, вотъ что я для тебя дѣлаю—только, пожалуйста, не мучь меня своею благодарностію! Слышишь?...

Кульковскій согнулся, сколько позволяла ему толщина его, чтобы внимать въ раболѣпномъ восторгѣ о новыхъ милостяхъ своего протектора.

— Государынѣ твоей извѣстно, что ты опоганилъ

себя цѣлованіемъ папскихъ туфлей. За то не миновать бы тебѣ ловить куницъ, хе, хе, хе; но мнѣ стало жаль тебя. Гдѣ ему? подумалъ я, онъ своимъ толстымъ брюхомъ избороздитъ всю Сибирь, пока поймаетъ хоть одну мышь; издохнетъ, запыхавшись! Дѣло повернули мы такъ, что ты при дворѣ въ новой должности. Но (Биронъ погрозился пальцемъ) молодой пажишка шалунъ, плутъ большой! (Кульковскій отвѣсилъ глубокій поклонъ) хе, хе, хе!... и государыня боится за своихъ гофъ-дѣвицъ. Она хочетъ непремѣнно женить тебя... ты это слышалъ?

— Изъ собственныхъ устъ ея величества.

— Я сыскалъ тебѣ невѣсту... ну, нельзя сказать, чтобы молодая, знатная и красивая... но за то мой выборъ!

— Прикажите мнѣ жениться хоть на козѣ, такъ я почту вашу волю священною.

— На козѣ, ха, ха, ха! это должно быть презабавно! Надо это поиспытать надъ кѣмъ-нибудь!... Ха, ха, ха! твоя выдумка меня потѣшила.

— Блаженъ, стократъ блаженъ я, что могъ доставить вашей свѣтлости хоть мигъ удовольствія.

— Исполненіе этой геніальной мысли побережемъ, однакожъ, для другого. Тебѣ-жъ избралъ я въ сожительницы барскую барыню Волынскаго, фамилію— чортъ побери!—не припомню.

— Барскую...—могъ только сказать смущенный Кульковскій.

— Да, да, ее, и въ приданое мои милости и прощеніе твоей государыни за старые твои грѣхи. Что?... Чай, при этомъ словѣ зашевелились изъ гробовъ родоначальники твои, литовскіе или татарскіе князья?...

Чай, развернули предъ твои вельможныя очи свои заплѣсневѣлые пергаменты?... Не ломайся же, дурачина, пока предлагаютъ такой кладъ съ завидной придачей, а то велятъ взять и безъ нея.

Вошелъ дежурный пажъ и доложилъ о пріѣздѣ вице-канцлера Остермана. Приказали просить.

— Ну?...

Отъ этого вопроса пахнуло на сердце бѣднаго Кульковскаго холодомъ Сибири.

— Милости ваши велики, — отвѣчалъ онъ, — женюсь...

— Скорѣй, подбери все съ ковра!—вскричалъ герцогъ, и потомокъ литовскихъ или татарскихъ князей, пыхтя и едва не ползая на четвереньках, бросился подбирать клочки алансоновыхъ манжетъ, брошенныхъ счастливымъ выходцемъ. Этотъ пинкомъ ноги помогъ еще ему исполнить скорѣе заданную тему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОПЕРНИКИ

Ужасный видъ! они сразились!...
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой...
То сей, то оный на бокъ гнется.

Дмитріевъ.

Остерманъ, сынъ пастора вестфальскаго мѣстечка Бокума, потомъ студентъ іенскаго университета, гдѣ запасался обширными знаніями, шутя и ставя профессору восточныхъ языковъ (Керу) своею любезностію рога и своими остроумными куплетами ослиныя уши, тамъ же за честь поцарапалъ кого-то неловко, и оттуда бѣжалъ въ тогдашнее пристанище людей даровитыхъ—подъ сѣнь образователя Россіи. Угаданный его геніемъ, этотъ Остерманъ, въ благодарность, укрѣпилъ Россіи дипломатикой своей Прибалтійскія области ея, которыя ускользали было изъ-подъ горячаго меча побѣдителя (не говорю о другихъ важныхъ подвигахъ министра на пользу и величіе нашего отечества). Этотъ самый Остерманъ, въ свою очередь, обогащенный деревнями и деньгами, вице-канцлеръ, графъ, умѣвшій удержать за собою, какъ бы по наслѣдству, довѣріе и милости двухъ императоровъ, двухъ импе-

ратрицъ, одного правителя, одной правительницы и, что еще труднѣе, трехъ временщиковъ, русскихъ и не русскихъ, составлялъ въ царствованіе Анны Іоанновны между соперничествующими партіями перевѣсное лицо. Зная силу Бирона, любимца ея и вмѣстѣ главы нѣмецкой партіи, опиравшейся на престолъ, посохъ новгородскаго архипастыря и ужасъ цѣлаго народа, хитрый министръ тайно дѣйствовалъ въ пользу этой стороны; но явно не грубилъ русской партіи, которой предводителемъ былъ Волынскій, имѣвшій за собою личныя заслуги, отважный и благородный духъ, дружбу нѣсколькихъ патріотовъ, готовыхъ умереть съ нимъ въ правомъ дѣлѣ, русское имя и вниманіе императрицы—до тѣхъ поръ, однакожъ, надежное, пока не нужно было рѣшать между двумя соперниками. Онъ видѣлъ возраждающуюся борьбу народности съ деспотизмомъ временщика, но зналъ что представителями ея нѣсколько пылкихъ, самоотверженныхъ головъ, а не народъ, одушевленный познаніемъ своего человѣческаго достоинства. Тогдашній народъ, включая и дворянство, погрязшій въ невѣжествѣ и раболѣпномъ страхѣ, кряхтѣлъ, страдалъ; но также охотно бѣгалъ смотрѣть на казнь своихъ защитниковъ, какъ бы на казнь утѣснителей своихъ. Остерманъ зналъ, что истиннаго самосознанія національности не существовало въ Россіи, и тѣ, кто вздумали ее представлять однѣми своими особами, замышляли невѣрное. Къ тому-жъ онъ увѣрился, что привязанность государыни къ герцогу должна восторжествовать надо всѣми обстоятельствами, и потому держался бироновской партіи и укрѣпился подъ сѣнью ея на второстепенномъ мѣстѣ въ имперіи. Такимъ образомъ, казалось, математически

обезопасилъ свое лицо отъ превратностей фортуны. Въ расчетахъ этихъ онъ не догадался только, что хотя просвѣщенной національности не существовало въ Россіи, но сѣмя ея заброшено въ каждомъ человѣкѣ, гдѣ лишь только есть народъ; и потому дѣйствовать именемъ ея легко было въ лицѣ той, которая, какъ дочь великаго Петра, отца отечества, могла возбудить эту народность лучше сборища патріотовъ, дѣйствующихъ отъ себя. Онъ думалъ, что достаточно отдалилъ Елисавету Петровну отъ этой роли и — ошибся. За эту ошибку поплатился онъ всѣмъ, что пріобрѣлъ заслугами царямъ и Россіи, умомъ своимъ и хитростью. Такіе молніеносные промахи самыхъ утонченныхъ политиковъ освѣщаютъ для насъ пути Провидѣнія. Видно, подъ зарницею ихъ спѣетъ жатва Божья!

Дивное явленіе въ нашей исторіи этотъ Остерманъ! Какой чудный путь протекъ онъ отъ колыбели своей, въ захолустьѣ германскаго запада, до Березова!... Принявъ изъ рукъ судьбы страннический посохъ на порогѣ пресвитерской хижины, онъ соединилъ его потомъ со скипетромъ величайшаго изъ государей, начертывалъ имъ военные планы, мировыя народамъ и царямъ и уставы на вѣковую жизнь имперіи, указывалъ череду на престолъ, и, наконецъ, положилъ этотъ посохъ такъ скромно, такъ печально, на востокѣ, въ тундрахъ Сибири!... Бокумъ, Іена, Ништадтъ, Березовъ!... Надо же было такъ.

Но, виноватъ, я увлекся чудною судьбою одного изъ величайшихъ государственныхъ людей въ Россіи, который еще не оцѣненъ достойнымъ образомъ и ожидаетъ своего историка. Обращаюсь къ роману.

Наступало, однакожъ, критическое для Остермана время: онъ поддерживалъ доселѣ герцога, какъ любимца государыни, которую самъ возвелъ на престолъ; теперь, когда узналъ, чего Биронъ домогался, надлежало помогать ему всходить на высокія ступени или отложиться вовсе отъ временщика. Въ послѣднемъ случаѣ вице-канцлеръ давалъ торжествовать русской партіи и возводилъ Волынскаго на первенствующее мѣсто въ кабинетѣ и въ имперіи. Онъ пришелъ къ герцогу, затвердивъ двусмысленную роль, которую рѣшился играть до того времени, пока сами обстоятельства разскажутъ ему его обязанности.

Вслѣдъ за нимъ явился пажъ отъ государыни, звавшей къ себѣ его свѣтлость. Дали отвѣтъ, что сейчасъ будутъ.

Худо чесанная голова, засаленная одежда министра представляли совершенный контрастъ съ щеголеватою наружностью хозяина. Входя въ кабинетъ, онъ опирался на свою трость, разслабленный.

— Каково здоровье?—спросилъ его Биронъ съ живымъ участіемъ, усаживая въ кресла. — Эй! Кульковскій! Скамейку подъ ноги дорогого гостя! Я знаю, вы страдаете подагрою. Подушку за спину!

Невольный пажъ, подставивъ скамейку подъ ноги министра и уложивъ подушку за спину его, вышелъ съ лицомъ, багровымъ отъ натуги. Министръ, благодаря и охая, и морщась, и вскидывая глаза къ небу, чтобы въ нихъ нельзя было прочесть его помысловъ, отвѣчалъ:

— Ваша свѣтлость знаете мои немощи... несносная подагра! охъ!... къ тому-жъ начинаю худо видѣть, худо слышать.

— Конечно, не все до слуха вашего доходитъ, но мы вамъ въ этомъ случаѣ поможемъ,—сказалъ Биронъ двусмысленно, придвигая свои кресла къ кресламъ Остермана,—а что касается до зрѣнія, то у васъ есть умственное, которому не надо ни очковъ, ни подзорной трубки.

Вице-канцлеръ благодарилъ его наклоненіемъ головы и, улыбнувшись, расправилъ себѣ волосы пятернею пальцевъ, какъ гребнемъ. Биронъ продолжалъ:

— Самсонъ покорился слабой, но лукавой женщинѣ. Умъ стоитъ тѣлесной силы. Здоровье, сила душевная нужны намъ, почтеннѣйшій графъ, особенно теперь, когда враги наши дѣйствуютъ противъ насъ всѣми возможными способами, и явно и тайно. Я говорю—враги наши, потому что своего дѣла не отдѣляю отъ вашего.

— Конечно, герцогъ, я держусь вами... охъ! эта нога...—онъ наморщился и потеръ свою ногу, долго не будучи въ состояніи произнести слова, — держусь, какъ старая виноградная лоза, изсыхающая отъ многихъ жатвъ, крѣпится еще около дуба, во всей красѣ и силѣ.

Здѣсь курляндецъ пожалъ ему дружески руку.

— Но развѣ есть новости послѣ того, какъ я имѣлъ честь бесѣдовать съ вашею свѣтлостью?

— Долженъ признаться вашему сіятельству, что мятежническій духъ Волынскаго и, къ стыду нашему, еще кабинетъ-министра, нахально усиливается каждый день. Перокинъ, Суминъ-Купшинъ, Щурховъ и многіе другіе, составляющіе русскую партію, предводимую демономъ безначалія, ближатся съ каждымъ днемъ къ престолу и шепчутъ уже государынѣ нашу гибель.

«Смерть, казнь всѣмъ нѣмцамъ»—пароль ихъ. Никогда не работали они съ такимъ лукавствомъ и такими соединенными силами. Ненависть ихъ ко всему, что не русское, вамъ извѣстна; но вы не знаете, какъ они ненавидятъ меня. Повѣрите-ли, что я скоро не буду въ состояніи собирать государственныя подати! Они хотятъ этого достигнуть, чтобы разстроить машину правленія и взвалить несчастныя послѣдствія на меня. Научаютъ чернь, дворянство слухами о жестокостяхъ моихъ; вооружаютъ противъ меня цѣлыя селенія, говоря, что я хочу ввести басурманскую вѣру въ Россіи, что я антихристъ, и цѣлыя селенія бѣгутъ за границы. Это дойдетъ до государыни. Подумайте о будущности несчастной имперіи. Что скажетъ императрица, ввѣрившая намъ кормило государства? Что скажетъ о насъ исторія?

Остерманъ возвелъ глаза къ небу и пожалъ плечами. Онъ думалъ въ это время: «что скажетъ объ тебѣ исторія, мнѣ дѣла нѣтъ; а то бѣда, что русскіе мужики въ недобрый часъ изжарятъ насъ, басурмановъ, какъ лѣкаря-нѣмца при Іоаннѣ Грозномъ».

— Не смѣй я даже наказывать преступниковъ—кричатъ: тиранъ, деспотъ! Исполненіе закона съ моей стороны—насиліе; исполненіе трактатовъ, поддержка политическихъ связей съ сосѣдями — измѣна. Вы знаете, какъ справедливо требованіе Польши о вознагражденіи ея за переходъ русскихъ войскъ черезъ ея владѣнія...

— Справедливо, какъ требованіе долга по заемному письму, и чтожъ, неужели?... охъ! нога, нога!...

— Посудите, любезнѣйшій вице-канцлеръ, я, который, говорятъ, ворочаетъ имперіей, не смѣю пред-

ложить это дѣло на разсужденіе кабинета. Мнѣ нужны сначала голоса людей благонамѣренныхъ, преданныхъ пользѣ государыни. И это дѣло готовятъ наши враги въ обвиненіе мое. Право, стыдно говорить вамъ даже наединѣ, о чемъ они кричатъ на площадяхъ и будутъ кричать въ кабинетѣ, помните мое слово!... будто я, герцогъ Курляндіи, богатый свыше моихъ потребностей доходами съ моего государства и болѣе всего милостями той, которой одно мое слово можетъ доставить мнѣ милліоны... будто я изъ корыстныхъ видовъ защищаю правое дѣло.

Вошелъ пажъ и доложилъ его свѣтлости, что государыня опять велѣла просить его во дворецъ.

— Скажи, сейчасъ буду, — отвѣчалъ съ сердцемъ герцогъ.

— Не задерживаю ли вашу свѣтлость?—спросилъ Остерманъ, привставъ нѣсколько на свою трость.

— Успѣю еще! Нашъ разговоръ важнѣе... Видите ли теперь, мой почтеннѣйшій графъ, что губитъ меня!... Вниманіе, милости ко мнѣ императрицы!... Ея величество знаетъ мою преданность къ себѣ, къ выгодамъ Россіи... она повѣряетъ мнѣ малѣйшія тайны свои, свои опасенія насчетъ ея болѣзни, будущности Россіи... И коронованныя главы такіе же смертные... что тогда?... Я говорю съ вами, какъ съ другомъ...

— Мы увидимъ, мы уладимъ. Развѣ бразды правленія выпадутъ тогда скорѣе изъ рукъ... нежели теперь? Кто-жъ тверже и благоразумнѣе можетъ?...

Здѣсь Остерманъ сощурилъ свои лисьи глазки.

— О! развѣ съ помощью моего умнаго друга, какъ вы!... Впрочемъ, я и теперь уступилъ бы...

— Уступка будетъ слабостью съ вашей стороны. Честь ваша, честь имперіи требуютъ, чтобъ вы были тверды.

— Я пожертвовалъ бы собою, я бросился бы, какъ второй Коклесъ, въ пропасть, лишь бы спасти государство; но знаю, что удаленіе мое будетъ гибелью его. Тогда ждите себѣ сейчасъ въ канцлеры — кого-жъ? гуляку, удальца, возничаго, который проводитъ ночи въ пированіи съ пріятелями, переряжается кучеромъ и разъѣзжаетъ по... — Биронъ плюнулъ съ досадой,—дерзкаго на слова, на-руку, который, того и гляди, готовъ во дворцѣ затѣять кулачный бой, лишь бы имѣлъ себѣ подобнаго... Подѣлаетъ изъ государственнаго кабинета австерію... и горе тому, кто носитъ только нѣмецкое имя!

За дверьми послышался крупный разговоръ.

— Слышите?... Его голосъ! Видите, графъ, у меня въ домѣ, во дворцѣ меня осаждаютъ... Безъ доклада! Какъ это пахнетъ русскимъ мужикомъ!... И вотъ вашъ будущій канцлеръ!... Того и гляди придетъ насъ бить!... Вашу руку, графъ!... За-одно — дѣйствовать сильно, дружно — не такъ-ли?... Вы... ваши друзья... или я ѣду въ Курляндію.

Эти послѣднія слова были произнесены почти шопотомъ, но твердо. Герцогъ указалъ на дверь, кивнувъ головой, какъ бы хотѣлъ сказать: «возитесь вы тогда съ нимъ!...» Вице-канцлеръ, внимая разительнымъ выраженіямъ Бирона, сдѣлалъ изъ руки щитъ надъ ухомъ, чтобы лучше слышать, поднималъ изрѣдка плечи, какъ бы сожалѣя, что не всѣ слова слышать можетъ, однакожъ, къ концу рѣчи герцога торопливо, но крѣпко пожалъ ему руку, положилъ перстъ на губы

и спѣшилъ опустить свою руку на трость, обратя разговоръ на посторонній предметъ.

Въ самомъ дѣлѣ, говорившій за дверью кабинета былъ Волынскій, но какъ онъ туда пришелъ и съ кѣмъ крупно бесѣдовалъ, надо знать напередъ.

Кабинетъ-министръ, разсерженный неудачею своего посланія къ Маріорицѣ и хлопотами по устроенію праздника и ледяного дома, всходилъ на лѣстницу Лѣтняго дворца. Ему навстрѣчу Эйхлеръ. Вѣроятно, обрадованный возвышеніемъ своимъ, онъ шелъ, считая звѣзды на потолкѣ сѣней, и въ своемъ созерцаніи толкнулъ Артемія Петровича.

— Невѣжа!—вскричалъ этотъ,—не думаетъ и извиняться! Видно, каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Лицо Эйхлера побагровѣло отъ досады; однакожъ, онъ не отвѣчалъ.

Выходка Волынскаго предвѣщала грозу. Девятый валъ набѣжалъ въ душѣ его. Онъ вошелъ въ залу, но, увидавъ за собой Миниха, остановился, чтобы дать ему дорогу. Этого военнаго царедворца уважалъ онъ, какъ героя, пожавшаго еще недавно для Россіи завидные лавры, какъ умнаго, истинно полезнаго государству человѣка, и какъ сильнаго, честолюбиваго соперника Бирона, уже разъ возстававшаго противъ него и впередъ неизбѣжнаго. Только Минихъ и Волынскій могли попасть въ любимцы къ государынѣ; Остермана она только уважала.

Миниха удивилъ поступокъ Волынскаго. Онъ пожалъ ему дружески руку и промолвилъ:

— Вы, однакожъ, не любите никого впереди себя, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ!

— Никого, кто недостоинъ быть впереди, — отвѣ-

чалъ съ твердостью Волынскій,—но всегда съ уваженіемъ уступлю шагъ тому, кто прославляетъ мое отечество, и впередъ обѣщаетъ поддержать его выгоды и величіе. Пріятно мнѣ очистить вамъ дорогу...

Слова эти были пророческія.

— Я нѣмецъ, — прервалъ его Минихъ шутливымъ тономъ, схватившись съ нимъ рука за руку, — а вы, носятся слухи, не любите иностранцевъ?

— Опять скажу вамъ, графъ, что или меня худо понимаютъ, или на меня клевещутъ. Не люблю выходцевъ, ничтожныхъ своими душевными качествами и, между тѣмъ, откупившихъ себѣ неизвѣстными народу услугами или страдальческимъ многотерпѣніемъ право грабить, казнить и миловать насъ, русскихъ! Перескажите это,—промолвилъ Артемій Петровичъ, обратясь къ Кульковскому, подслушавшему разговоръ, — если вамъ угодно, я повторю. — Но,—продолжалъ онъ, идя далѣе чрезъ залу,—пришлецъ въ мое отечество, будь онъ хоть индѣецъ, и люби Россію, пригрѣвшую его, питающую его своею грудью, служи ей благородно, по разуму и совѣсти — не презирай хоть ея — и я всегда признаю въ немъ своего собрата. Вы знаете, отдавалъ ли я искреннюю дань уваженія Остерману, министру Петра Великаго—не нынѣшнему, Боже сохрани!—Брюсу и другимъ, имъ подобнымъ?... Презираю иностранца, который ползаетъ передъ какимъ-нибудь козырнымъ валетомъ, который, съ помощью кровавыхъ тузовъ, хочетъ выйти въ короли; но менѣе ли достойна презрѣнія эта русская челядь, — онъ указалъ на толпу, стоявшую униженно около стѣнъ, опираясь на свои трости. — Посмотрите на эти подлыя, согнутыя въ дугу фигуры, на эти страдальческія лица...

Скомандуйте имъ лечь на-земь крыжомъ, по-польски, и повѣрьте, они это мигомъ исполнятъ! Мало?—велите имъ сбить яблоко не только съ головы сына... съ младенца у груди жены, и поманите ихъ калачомъ, на которомъ золотыми буквами напишутъ *«милость Бирона»*—и они цѣлый пукъ стрѣлъ избудутъ, лишь бы попасть въ заданную цѣль.

Минихъ, усмѣхаясь, пожалъ руку Волынскому и шепнулъ ему, «чтобы онъ былъ осторожнѣе»; но благородное негодованіе кабинетъ-министра на низость людей, какъ лава кипучая, сдѣлавшая разъ вспышку, не останавливалась до тѣхъ поръ, пока не сожигала, что ей попадало навстрѣчу. Въ такихъ случаяхъ онъ забывалъ свои планы, совѣты друзей, явныхъ и тайнаго, забывалъ Махіавеля, котораго изучалъ. Душа его, какъ разгнѣванный орелъ, рвала на части животныхъ, имъ только взвидѣнныхъ, и впивалась даже могучими когтями въ тигра, который былъ ему не по силамъ.

Дежурный пажъ остановилъ учтиво генерала и кабинетъ-министра, прося позволенія доложить объ ихъ приходѣ.

— Скорѣй же! — сказалъ Артемій Петровичъ, — Минихъ и Волынскій не долго ждутъ у самой императрицы.

Пажъ пошелъ, но, посмотрѣвъ въ замочную щель кабинета, увидѣлъ, что герцогъ занимается жаркимъ разговоромъ съ Остерманомъ, воротился и просилъ Миниха и Волынскаго повременить, потому-что не смѣетъ доложить его свѣтлости, занятому съ господиномъ вице-канцлеромъ.

— О, когда такъ!—воскликнулъ Волынскій, — войдемте.

И Волынскій отворилъ дверь въ кабинетъ временщика, все-таки уступая шагъ своему спутнику. За ними поспѣшилъ войти пажъ съ опоздалымъ докладомъ.

Улыбкою встрѣтилъ герцогъ пришедшихъ, просилъ ихъ садиться, бросилъ на пажа ужасный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ его съѣсть, потомъ опять съ улыбкою сказалъ, обратясь къ Волынскому:

— А мы только сію минуту говорили съ графомъ о вчерашней вашей исторіи. Негодяи! подъ моимъ именемъ!... Это гадко, это постыдно! Кажется, еслибъ мы имѣли что на сердцѣ другъ противъ друга, то развѣдались бы сами, какъ благородные рыцари, орудіями непотаенными. Мерзко!... Я этого не терплю... Я намѣренъ доложить государынѣ. Повѣрьте, вы будете удовлетворены: брату — первому строжайшій арестъ!

— Я этого не желаю, — отвѣчалъ холодно Волынскій.

— Вы не хотите, справедливость требуетъ... примѣръ нуженъ... я не пощажу кровныхъ...

— Они довольно наказаны моимъ катаньемъ.

— Ха, ха, ха! это презабавно. Г-нъ вице-канцлеръ ужь слышалъ, — Остерманъ, усмѣхнувшись, сдѣлалъ утвердительно знакъ головой, — но вамъ, графъ, должно это разсказать.

— Любопытенъ знать, — отвѣчалъ Минихъ, вытянувъ свой длинный станъ впередъ и закрывъ длинною ногою одну сторону креселъ.

— Его милость такъ прокатила вчера нѣкоторыхъ негодяевъ на Волково поле, что они слегли въ постелю, и по дѣломъ!

— Позвольте вамъ противорѣчить, — перебилъ Волынскій, — одного изъ нихъ я подвезъ только къ Лѣтнему дворцу, именно сюда въ домъ...

Принявъ эпитетъ негодяя для своего брата, Биронъ иронически продолжалъ:

— Да вѣдь самъ Артемій Петровичъ, въ маскерадномъ, кучерскомъ кафтанѣ!... Надо, говорятъ, посмотрѣть, какъ этотъ русскій нарядъ присталъ такому молодцу, какъ нашъ кабинетъ-министръ!

Послѣднее слово заставило Остермана опять усмѣхнуться.

— Да, ваша свѣтлость, я славно прокатился и въ Персію, и въ Немировъ,—подхватилъ съ досадою Волынскій, — и никто, конечно, не осмѣлится сказать, чтобы я исполнилъ свое дѣло кучерски, а не какъ министръ россійской имперіи. Впрочемъ, русскіе бояреневыходцы—просто веселятся и такъ-же дѣлаютъ государственныя дѣла: самъ Петръ Великій подавалъ намъ тому примѣръ. Можетъ статься, и его простота удивила бы выскочку въ государи, если-бъ они могли когда быть!

— Я говорю только, что вы сдѣлали, а не то, что вы хотите заставить меня мыслить. Кто-жъ смѣетъ лишать васъ заслугъ вашихъ?... Вы знаете, не я ли всегда первый цѣнилъ ихъ достойнымъ образомъ и... послѣдняя милость...

— Милость моей государыни!—прервалъ съ твердостью Волынскій.—Я ни отъ кого, кромѣ нея, ихъ не принимаю. Вы изволили, конечно, призвать меня не для оцѣнки моей личности, и здѣсь нѣтъ аукціона для нея...

— Боже мой! какая азіатская гордость!... Поми-

луйте, мы говоримъ у себя въ домашнемъ кабинетѣ, а не въ государственномъ. Если вамъ дружеская бесѣда не нравится, я скажу вамъ какъ герцогъ курляндскій...

Биронъ гордо и грозно посмотрѣлъ на Артемія Петровича и думалъ, что онъ при этомъ словѣ приподнимется со стула; но кабинетъ-министръ такъ-же гордо встрѣтилъ его взоръ и сидя отвѣчалъ:

— Я не имѣю никакой должности въ Курляндіи.

Биронъ вспыхнулъ, сдвинувъ подъ собою кресла такъ, что они завизжали, и, вставъ, сказалъ съ сердцемъ:

— Такъ я, сударь, вамъ говорю именемъ императорскаго величества.

При этомъ имени Волынскій тотчасъ всталъ и съ уваженіемъ, нѣсколько наклонившись, сказалъ:

— Слушаю повелѣніе моей государыни.

— Она подтверждаетъ вамъ, сударь... чтобы вы...— не приготививъ основательнаго удара, Биронъ растерялся и искалъ словъ, — поскорѣе... занялись устройствомъ «Ледяного дворца».

— Гдѣ будетъ праздноваться свадьба шута?... — отвѣчалъ съ коварной усмѣшкой Волынскій. — Я ужь имѣю на это приказъ ея величества; мнѣ его вчера сообщили отъ нея; нынѣ я получилъ, письменно, подтвержденіе, и исполняю его. Просилъ бы, однакожъ, вашу свѣтлость доложить моей государынѣ, не угодно ли было бы употребить меня на дѣла, болѣе полезныя для государства.

— Наше дѣло исполнять, а не разсуждать, г-нъ Волынскій.—Голосъ, которымъ слова эти были сказаны, гораздо поумягчился.

— Съ какимъ удовольствіемъ употребилъ бы я себя, напримѣръ, на помощь страждущему человѣчеству!... Доведено-ли до свѣдѣнія ея величества о голодѣ, о нуждахъ народныхъ? Извѣстны-ли ужасныя мѣры, какія принимаютъ въ это гибельное время, чтобы взыскивать недоимки? Повѣрите-ли, графъ?—продолжалъ Артемій Петровичъ, обратившись къ Миниху,—у нищихъ выпытываютъ послѣднюю копѣйку, сбереженную на кусокъ хлѣба, ставятъ на морозъ босыми ногами, обливаютъ на морозѣ-жъ водою...

— Ужасно!—воскликнулъ графъ Минихъ.—Нельзя-ли облегчить бѣдствія народныя, затѣявъ общеполезную работу? Сколько оставилъ намъ Петръ Великій важныхъ плановъ, которыхъ исполненіе станетъ на жизнь и силы развѣ только нашихъ правнуковъ! Напримѣръ, чего бы лучше упорядочить пути сообщенія въ Россіи? Для такого дѣла я положилъ бы въ сторону мечъ и взялся бы за заступъ и циркуль. А гдѣ, позвольте спросить, Артемій Петровичъ, наиболѣе оказываются нужды народныя?

— Всего болѣе страдаетъ Малороссія, — отвѣчалъ Волынскій, бросивъ пламенный, зоркій взглядъ на Бирона. Этотъ сѣлъ, и кабинетъ-министръ сѣлъ за нимъ.— Именно туда надо бы правителя, расположеннаго къ добру.

Онъ намекалъ на самого Миниха, домогавшагося гетманства Малороссіи.

— Объ этомъ, — подхватилъ Остерманъ, — сильно заботится государственный человѣкъ, у котораго мы имѣемъ честь теперь находиться. Онъ, конечно, ничего не упуститъ для блага Россіи. — Здѣсь Волынскій съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на вице-канцлера, но этотъ

очень хладнокровно продолжалъ:—И, сколько мнѣ извѣстно, заботы его увѣнчиваются благопріятнымъ успѣхомъ: государыня назначаетъ правителемъ Малороссіи мужа, который умомъ и другими душевными качествами упрочитъ внутренно благоденствіе этой страны и вмѣстѣ мечомъ будетъ умѣть охранять ея спокойствіе отъ нашествія опаснаго сосѣда.

Этою лукавою рѣчью былъ нѣсколько склоненъ честолюбивый Минихъ къ сторонѣ Бирона, который, пользуясь поддержкою вице-канцлера, обратился съ большею твердостію къ мнимому гетману Малороссіи.

— Повѣрьте, несчастія, которыя вамъ съ такимъ жаромъ описываютъ, только на словахъ существуютъ, и самъ г-нъ Волынскій обманутъ своими корреспондентами.

— Я не дитя или женщина, чтобы могъ быть обманутъ слухами,—сказалъ Волынскій.—Я имѣю свидѣтельства, и, если нужно, представлю ихъ, но только самой императрицѣ. Увидимъ, что она скажетъ, когда узнаетъ, что отецъ семейства, измученный пыткою за недоимки, зарѣзалъ съ отчаянія все свое семейство; что другой отнесъ трехъ дѣтей своихъ въ поле и заморозилъ ихъ тамъ.

— Выдумка людей безпокойныхъ, мятежныхъ!

— Неправда, герцогъ! — вскричалъ кабинетъ-министръ, вскочивъ со стула.—Волынскій это подтверждаетъ, Волынскій готовъ засвидѣтельствовать это своею кровью...

Явился опять посланный изъ дворца, и опять за тѣмъ же.

— Сію минуту буду!—сказалъ герцогъ, посмотрѣвъ значительно на своихъ посѣтителей.—Въ третій разъ

государыня требуетъ меня, а я задержанъ пустыми спорами...

— Ваша свѣтлость пригласили меня,—сказалъ Минихъ, — чтобы поговорить о дѣлѣ вознагражденія поляковъ за проходъ русскихъ войскъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Биронъ,—г-нъ вице-канцлеръ согласенъ на вознагражденія.

— Честь имперіи этого требуетъ,—сказалъ Остерманъ.—Впрочемъ, судя по тревожному вступленію къ нашему совѣщанію, я совѣтовалъ бы отложить его до офиціальнаго засѣданія въ кабинетѣ.

— Честь имперіи!... — воскликнулъ Волынскій. — Гмъ! честь... какъ это слово употребляютъ во зло!... И я скажу свое *впрочемъ*. Здѣсь, въ государственномъ кабинетѣ, во дворцѣ, предъ лицомъ императрицы, вездѣ объявлю, вездѣ буду повторять, что одинъ *вассалъ* Польши можетъ сдѣлать докладъ объ этомъ вознагражденіи; да, одинъ *вассалъ* Польши!...

При словѣ: *вассалъ*, Минихъ и Остерманъ встали съ мѣстъ своихъ, послѣдній, охая и жалуясь на подагру, оба смотря другъ на друга въ какомъ-то странномъ ожиданіи. Никогда еще Волынскій не доходилъ до такой отчаянной выходки; ему наскучило ужъ долѣе скрываться.

— За это слово вы будете дорого отвѣчать, дерзкій человѣкъ!—вскричалъ внѣ себя Биронъ,—клянусь вамъ честью своею.

— Отдаю вамъ прилагательное ваше назадъ! — вскричалъ Волынскій.

— Государыня васъ требуетъ,—сказалъ Остерманъ герцогу.

— Во дворецъ, да, къ государынѣ! — произнесъ

Биронъ, хватая себя за горящую голову; потомъ, обратясь къ Волынскому, примолвилъ:—надѣюсь, что мы видимся въ послѣдній разъ въ домѣ герцога курляндскаго.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Волынскій и, не поклонясь, вышелъ.

Собесѣдники, смущенные этой ссорой, которой важныя послѣдствія были неисчислимы, послѣдовали за нимъ. Въ ушахъ ихъ долго еще гремѣли слова: *«я или онъ долженъ погибнуть»*—слова, произнесенныя бѣснующимся Бирономъ, когда они съ нимъ прощались.

— Я или онъ долженъ погибнуть!—повторилъ временщикъ, ударивъ по столу кулакомъ, когда они вышли.

— Этого гордеца надо бы хорошенько проучить,—говорили между собою стоявшіе въ залѣ, когда Волынскій проходилъ мимо нихъ съ гнѣвной, презрительной улыбкой.

— Его свѣтлость! его свѣтлость!—закричалъ пажъ.

Возгласъ этотъ, повторенный сотнею голосовъ по анфиладѣ комнатъ, раздался, наконецъ, у подъѣзда. Опереженный и сопровождаемый блестящей свитой, Биронъ прошелъ чрезъ пріемную залу и удостоилъ дожидавшихся въ ней однимъ ласковымъ киваньемъ головы. За то сколькихъ панегириковъ удостоился онъ самъ за это наклоненіе!

— Какой милостивый!

— Какой великій человѣкъ!

— Какая важность въ поступи!

— Проницательность во взорахъ!

— Онъ рожденъ повелѣвать!

— Модель для живописца!...

— Жена моя отъ него безъ ума!

Какой-то выскочка осмѣлился сказать, что Петръ Великій и для художника и для женщинъ имѣлъ болѣе привлекательности.

— Помилуйте,—отвѣчали ему,—у того былъ только бюстъ хорошъ, а у этого... все—совершенство!

Бирона ожидала у подъѣзда золотая карета, вся въ стеклахъ, такъ что сидѣвшій въ ней могъ быть виденъ съ головы до пятъ, какъ великолѣпное насѣкомое, которое охраняетъ энтомологистъ въ прозрачной коробкѣ. И вотъ покатилъ онъ, ослѣпляя толпу и рѣдкой красотой своего цуга, и золотой сбруей на коняхъ вмѣстѣ съ перьями, вѣявшими на головахъ ихъ, и блескомъ отряда гусаръ и егерей, скакавшихъ впереди и за каретой. Между тѣмъ какъ чернь дивилась счастію временщика, червякъ точилъ его сердце: гордость его сильно страдала отъ дерзкаго, неугомоннаго характера Волынскаго. «Но онъ погибнетъ, во чтобы ни стало», говорилъ Биронъ, и блуждающіе отъ бѣшенства глаза остановились на бумажкѣ, приколотой едва замѣтно къ позументу, которымъ обложена была рама въ каретѣ. Дрожащими руками, какъ бы отъ предчувствія, сорвана бумажка съ своего мѣста. Онъ готовъ былъ задохнуться отъ ярости, когда прочелъ написанное — «Берегись, злодѣй! Тѣло Горденки похищено вчера въ полночь и зарыто въ такомъ мѣстѣ, откуда можно его вырыть для свидѣтельства противъ тебя. Знай болѣе, исполнители воли твоего клеврета бѣжали и скрываются тамъ, гдѣ смѣются твоему властолюбію».

Эта записка имѣла свое дѣйствіе. Она смутила, испугала герцога грозною неожиданностію, какъ внезапный крикъ пѣтуха пугаетъ льва, положившаго уже

лапу на свою жертву, чтобы растерзать ее. Онъ рѣшился не обнаруживать государынѣ обиды, нанесенной ему соперникомъ, до благопріятнаго исполненія прежде начертанныхъ плановъ. Надо было отдѣлаться и отъ Горденки, который его такъ ужасно преслѣдовалъ. Собираясь зарѣзать ближняго, разбойникъ хотѣлъ прежде умыться.

Сибирь, рудники, пасть медвѣдя, капель горячаго свинца на темя, нѣтъ муки, нѣтъ казни, которую взбѣшенный Биронъ не назначилъ бы Гросноту за его оплошность. Кучера, лакеи, все, что подходило къ каретѣ, все, что могло приблизиться къ ней, обреклось его гнѣву. Онъ допытаетъ, кто тайный, домашній лазутчикъ его преступленій и обличитель ихъ; онъ для этого подниметъ землю, допроситъ утробу живыхъ людей, расшевелитъ кости мертвыхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВО ДВОРЦѢ

Но часъ насталъ—я ничего не помню.
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...

Пушкинъ.

— Во дворецъ! — закричалъ взбѣшенный Волынскій, и углубился въ карету.

При словѣ, дворецъ, Маріорица, вооруженная съ ногъ до головы всѣми возможными обольщеніями, предстала предъ нимъ. «Тамъ — говорилъ онъ самъ съ собою—увижу, можетъ быть, ее, эту плѣнительную Маріорицу, которую не могу вытѣснить изъ сердца, отъ которой сойду съ ума, если она не будетъ моею».

Молчаніе ея на письмо, препятствія раздражили въ немъ страсть до того, что онъ признается въ ней уже самому себѣ. Эту страсть называлъ онъ доселѣ прихотью непостояннаго, влюбчиваго характера. И чтожъ теперь? одна мысль о Маріорицѣ, и Волынскій уже не кабинетъ-министръ, не ревностный гражданинъ, жертвующій собой отечеству; онъ просто пламенный, безумный любовникъ. Что за слова: честь благородство, отечество, —онъ ихъ болѣе не понимаетъ.

Онъ кается уже, что вспышкою своего неосторожнаго характера слишкомъ рано возбудилъ противъ себя временщика, и что это обстоятельство отдалитъ его отъ дворца. Безразсудный! онъ подрѣзалъ, можетъ статься, въ полномъ цвѣтѣ лучшія свои надежды. Въ минуты мечтанія о Маріорицѣ (и кажется, только въ эти минуты) патріотъ Волынскій готовъ уступить врагу, лишь бы онъ сдѣлалъ его властелиномъ ея, одной только ея. Тѣшься тогда лукавый, сколько душѣ угодно, рѣжь, души, кого хочешь!... И правду говорилъ Зуда: «одному ль ему пересилить судьбу Россіи въ образѣ Бирона?...»

Онъ погрузился въ одну мысль о Маріорицѣ. Вся душа его, весь онъ — какъ будто разогрѣтая влажная стихія, въ которой Маріорица купаетъ свои прелести. Какъ эта стихія, онъ обхватилъ ее горячей мечтой, сбѣгаетъ струею по ея округленнымъ плечамъ, плещетъ жаркою пѣною по лебединой шеѣ, подкатывается волною подъ грудь, замирающую сладкимъ восторгомъ; онъ липнетъ летучею брызгою къ горячимъ устамъ ея, и черныя кудри цѣлуетъ, и впивается въ нихъ, и весь, напитанный ея существомъ, ластится около нея тонкимъ благовоннымъ паромъ...

— Карета давно подъѣхала ко дворцу! — раздался голосъ—и Волынскій, встрепенувшись, видитъ: дверка отворена, подножки спущены и гайдукъ въ изумленіи смотритъ на своего барина, неподвижно углубленнаго въ каретѣ. «Ужь не ударъ ли съ нимъ!» думаетъ слуга.

— Да, да, я задремалъ—говоритъ Артемій Петровичъ.—Браня себя за свою слабость и обѣщаясь быть впередъ благоразумнѣе, онъ спѣшитъ во дворецъ.

Входя въ него, не заботится, какъ приметъ его государыня; онъ думаетъ только о восторгѣ съ Маріорицей. Сердце его трепещетъ, какъ у молодого человѣка, вступающаго въ первый разъ въ свѣтъ. И вотъ онъ въ комнатѣ, гдѣ принимаетъ его императрица Анна Іоанновна. Она забавлялась въ ней игрою на билліардѣ, которую такъ же любила, какъ верховую ѣзду и стрѣльбу изъ ружья.

Волынскаго осаждаетъ вереница шутовъ разнаго званія и лѣтъ (ихъ было, если не ошибаюсь, шесть почетныхъ, включая въ то число Кульковскаго, успѣвшаго также явиться къ своей должности). Между ними отличаются итальянецъ Педрилло, бывшій придворный скрипачъ, но перемѣнившій эту должность на шутовскую, найдя ее болѣе выгодною, и Лакоста, португальскій жидъ, служившій еще шутомъ при Петрѣ I-мъ и прозванный имъ «принцемъ самоѣдовъ». Старикъ Балакиревъ — кто не зналъ его при великомъ образователѣ Россіи?—дошучиваетъ нынѣ сквозь слезы свою жизнь между счастливыми соперниками. Онъ играетъ теперь второстепенную роль; онъ часто грустенъ, жалуется, что у иностранцевъ въ загонѣ, остроуменъ только тогда, когда случается побранить ихъ. И какъ не жаловаться ему? Старыхъ заслугъ его не помнятъ. Иностранные шуты, Лакоста и Педрилло, отличены какими-то значками въ петлицѣ, подъ именемъ ордена «*Бенедетто*», собственно для нихъ учрежденнаго. А онъ, любимый шутъ Петра Великаго, не имѣетъ этого значка и донашиваетъ старый кафтанъ, полученный въ двадцатыхъ годахъ. Вообще всѣ эти шуты не прежнихъ временъ; фарсы ихъ натянуты, тупы, и какъ быть имъ иначе подъ палкою, или, что еще хуже,

грознымъ взоромъ Бирона? Остроуміе—дитя беззаботнаго веселія.

— О, волинка! пру, пру, ду, ду... — вскричали и затянули одинъ за другимъ Педрилло и Лакоста, увидавъ Волынскаго, котораго не любили потому, что онъ ихъ терпѣть не могъ и ничѣмъ не даривалъ; да и соперничество его съ герцогомъ курляндскимъ было положено тутъ же на вѣсы.

— Видно, музыка этой волынки не по васъ, картофельщики! — подхватилъ Балакиревъ, — стеклянныя головки не выдержатъ русскаго языка.

Императрица играла въ билліардъ съ Маріорицей, которую сама учила этому искусству, чтобы имѣть во всякое время свою *домашнюю* партію. Княжнѣ Лелемико приходилось играть, но при имени Волынскаго она вспыхнула, поблѣднѣла и задрожала. Шары двоились въ глазахъ ея, билліардъ ходилъ кругомъ. Можно догадаться, каковъ былъ ударъ.

— Киксъ, моя милая! — сказала государыня, засмѣявшись,—никогда еще не видывала я тебя въ такомъ знаменитомъ ударѣ. — А? нашъ любезный кабинетъ-министръ!—примолвила она, обратясь съ привѣтливымъ видомъ къ Волынскому,—каково здоровье?

— Еще худо, ваше величество, — отвѣчалъ онъ, блѣдный отъ смущенія княжны Лелемико, не скрывшагося отъ его взоровъ.

— Это замѣтно.

— Но я поспѣшилъ сдѣлать вамъ угодное, государыня, принялся нынѣ же за устройство...

— «Ледяного дворца» для свадьбы моего новобраннаго пажа. (Кульковскій сдѣлалъ глубокій поклонъ такъ, что широкая лысина его казалась блестящею

тарелкою среди его туловища; въ нее звучно шлепнулъ Педрилло ладонью).—Я любовалась ужь изъ окна, какъ у васъ дѣло спѣетъ. Мнѣ это очень пріятно. Вы съ такимъ усердіемъ исполняете мое желаніе, что даже нездоровье васъ не удержало.

— Удовольствіе ваше, государыня, дорого намъ.

— Не взыщите, господа, что отвлекаю васъ отъ дѣлъ государственныхъ для своихъ прихотей... Да-таки прихотей... не скрываю этого; но старая, хворая, брюзгливая женщина всегда съ причудами. Зато не долго буду вамъ надоѣдать ими.

Анна Іоанновна произнесла это грустнымъ голосомъ, какъ бы предчувствовала свою близкую смерть. Волынскій хотѣлъ что-то сказать, но государыня предупредила его, смотря на него проницательнымъ взоромъ.

— Мнѣ ужь и память вѣчную поютъ... (Волынскій поблѣднѣлъ и собирался сдѣлать почтительное возраженіе; но и тутъ государыня дала ему знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ и примолвила: (Знайте, однакожъ, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ, что я умѣю различать отъ истины шутку, подъ веселый часъ, а можетъ быть и въ сердцахъ сказанную. Дѣла ваши говорятъ мнѣ о вашей преданности лучше, нежели сплетни. Она протянула милостиво руку Волынскому, и этотъ, ставъ на одно колѣно, поцѣловалъ руку съ жаромъ благодарности. Въ это время вошелъ герцогъ курляндскій. Государыня, сначала испуганная его появленіемъ, смѣшалась, однакожъ, вскорѣ оправилась и, взглянувъ на него довольно сухо, продолжала, обращаясь все къ кабинетъ-министру):—Я не имѣю нужды посылать за вами по три раза; вы являетесь даже на

мысленное мое приглашеніе. Вѣрьте—прибавила она, давая голосомъ особенный вѣсъ своимъ словамъ — что никто насъ не поссоритъ съ вами.

Пасмурно, съ злобною усмѣшкой, смотрѣлъ Биронъ на эту сцену и долго молчалъ, потомъ завелъ разговоръ то съ шутами, то съ Маріорицей.

Поднялся гамъ между шутами. Надобно было имъ разсѣять гнѣвъ государыни. Педрилло, принявъ команду надъ товарищами, установилъ ихъ, одного за другимъ, около стѣны, какъ дѣти ставятъ согнутыя пополамъ карты такъ, что, толкнувъ одну сзади, повалишь всѣ вдругъ. Одинъ Балакиревъ не повиновался. Дѣло обошлось и безъ него. Педрилло далъ толчекъ своей командѣ, и всѣ повалились одинъ на другого. Долго барахтался Кульковскій по полу, чтобы встать. Государыня изволила смѣяться этому фарсу; смѣялись другіе зрители, хохотали сами актеры. Потребованъ, однакожъ, отчетъ отъ Балакирева, почему онъ не повиновался.

— Червякъ въ головѣ!—отвѣчалъ старикъ угрюмо,— а когда червякъ у русскаго заведется, такъ и самъ принцъ не только *куръ*, но и коршуновъ не выгонитъ его.

За такое неповиновеніе отсчитали бѣдному шуту Петра I-го столько ударовъ, сколько словъ было въ его отвѣтѣ.

Между тѣмъ игра на билліардѣ кончилась къ удовольствію Маріорицы, дѣлавшей безпрестанно промахи, несмотря, что вооружилась всею душевною твердостію. Бойкая воспитанница гарема сдѣлалась робка и стыдлива, какъ институтка за порогомъ дома, гдѣ получила воспитаніе. Условлено было, что, когда княжна

проиграетъ, долженъ пролѣзть подъ билліардомъ ассистентъ ея, новопожалованный пажъ, а въ противномъ случаѣ,—Педрилло. Палъ роковой жребій на Кульковскаго, и онъ поползъ на четвереньках, сопровождаемый общимъ смѣхомъ. Жестокая судьба его не удовлетворилась тѣмъ, что заставила его считать, задыхаясь, перегородки билліарда, что товарищи осадили его со всѣхъ сторонъ кіями, какъ охотники кабана, запутавшагося въ тенетахъ; надо еще было, чтобы вбѣжала любимая государынина борзая сучка, которая увѣнчала потѣху, вцѣпившись зубами въ ухо страдальца. «А ту! а ту!» кричали шуты. Травля была презабавная... Кровь порядочно струилась по пухлой щекѣ Кульковскаго, и, несмотря на боль, онъ не смѣлъ отогнать свою мучительницу. Маріорица почти со слезами смотрѣла на это зрѣлище. Наконецъ, государыня, боясь видѣть своего пажа карноухимъ, сжалилась надъ нимъ и велѣла отнять собаку. Сколько разъ, при совершеніи этого мученическаго подвига, вспоминалъ Кульковскій о своемъ дежурномъ стулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ! Вдобавокъ поручили ему смотрѣть за сучкою съ тѣмъ, чтобы она привыкла къ нему.

Гнѣвъ императрицы на герцога, какъ и можно было ожидать, кончился со смѣхомъ ея на проказы шутовъ. Онъ умѣлъ воспользоваться минутою веселости, чтобы подойти къ ея величеству и просить у ней прощенія, сбрасывая всю вину на важныя дѣла государственныя, которыхъ разбирательствомъ онъ долженъ былъ заняться.

— Желая васъ успокоить скорѣйшимъ окончаніемъ ихъ,—говорилъ онъ,—я сдѣлался преступникомъ. «Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость».

Когда нужно было, хитрецъ зналъ употреблять и русскія пословицы въ дѣло. Изволили простить по пословицѣ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы во весь день важныхъ дѣлъ не встрѣчалось. Разговаривая съ Бирономъ все по-нѣмецки, уже ласковымъ тономъ, изволили прохаживаться по билліардной взадъ и впередъ, останавливались нерѣдко у окна, изъ котораго видна была начатая стройка «Ледяного дома». Этимъ случаемъ воспользовался Биронъ, чтобы хвалить усердіе Волынскаго въ исполненіи малѣйшей воли государыни. Такіе отзывы льстили сердцу ея величества, и она не упустила случая благодарить своего любимца за безпристрастіе. Изъявили также желаніе, чтобы между первыми сановниками государства, которыхъ она столько любила, отдавая однакожъ преимущество, по справедливости, одному, существовалъ всегда миръ, который будто, какъ до нея дошло, колебался...

— Каждому свое, — говорила государыня: — вамъ, кажется, дѣлить нечего.

Тронутый герцогъ, со слезами на глазахъ, поклялся даже сдѣлать уступки своихъ правъ Волынскому, чтобы только угодить обожаемой государынѣ. Въ сердцѣ же клялся помириться съ нимъ тогда лишь, когда увидитъ голову его на плахѣ. Онъ убѣжденъ былъ тайною запискою, найденною въ каретѣ, что еще не время дѣйствовать рѣшительно, и потому скрылъ глубоко свою ненависть.

Съ другой стороны кабинетъ-министръ, отуманенный любовью и довольный, что государыня отвлечена отъ него жаркимъ разговоромъ съ Бирономъ, забылъ свою вражду. Онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подойти къ княжнѣ Лелемико. Лю-

бовь, стыдливость, которой не учили ее въ гаремѣ, а научила сама природа, били ключемъ изъ сердца ея и выступали на щекахъ румянцемъ, въ глазахъ — томительнымъ огнемъ. Когда Артемій Петровичъ подошелъ къ ней, изъ-подъ длинныхъ ея рѣсницъ блеснуло выраженіе сердечнаго участія, дрожащія уста ея сдѣлали вопросъ: «здоровы-ли вы?»

— Я былъ боленъ, очень боленъ, — отвѣчалъ Волынскій: — и хотѣлъ было умереть.

Слеза навернулась на ея глазахъ; она покачала головой, какъ бы хотѣла сказать: «безжалостный! что вы со мною дѣлаете?...» и сказала вслухъ: — Должны быть важныя причины на это?

— Вы презрѣли моими страданіями, и для чего-жъ мнѣ послѣ жить?... Но я хотѣлъ еще разъ васъ увидѣть, еще разъ упиться этимъ блаженствомъ, и потомъ... да судитъ Богъ!... Не моя вина! Зачѣмъ перенесъ онъ васъ въ Петербургъ? Зачѣмъ испытывать было надо мною обольщенія вашего небеснаго взгляда?... Я — человѣкъ; а надобно быть камнемъ, чтобы провести свое сердце сквозь такія испытанія...

Маріорица не отвѣчала, но взоръ ея наградилъ Волынскаго самою пламенною, самою нѣжною любовью. Дрожа, она положила на окно платокъ, изъ котораго онъ могъ замѣтить уголокъ свернутой бумажки. Это былъ отвѣтъ, который княжна написала, вставши по утру, но за отсылкою «Телемахиды» смѣтливою служанкою не могла доставить къ Артемію Петровичу.

Ахъ! какъ любила Маріорица!... Любовь разлилась въ ней пожаромъ, во снѣ палила ее муками, нѣжила роскошными видѣніями, на яву мутила всѣ ея думы, кромѣ одной, что Волынскій сведенъ въ ея душу са-

мимъ Провидѣніемъ, не какъ гость минутный, но какъ жилецъ вѣчный, которому она — раба, другъ, жена, любовница, все, чѣмъ владѣетъ господинъ на востокѣ и сѣверѣ—должна повиноваться, котораго должна любить всѣми помышленіями, всею душою своей, котораго такъ и любитъ. И могла-ль она послѣ этого не отвѣчать на письмо его? Дѣвушку съ европейскимъ воспитаніемъ испугали бы въ такомъ случаѣ разсчеты приличія, страхъ общественнаго мнѣнія; она, пламенное дитя Востока, боится только гнѣва, холодности своего владыки. Маріорица полюбила не постепенно; страсть ея не созрѣла временемъ, пожертвованіями, оцѣнкою достоинствъ любимаго предмета,—она вспыхнула въ одинъ мигъ, въ одинъ мигъ ее обхватила, и Маріорица не можетъ уже любить ни болѣе, ни менѣе, сколько любитъ. Ни у кого не спрашивалась она совѣта на эту любовь, ни у разсудка, ни у сердца, ни у людей. Любовь послано ей свыше, какъ фирманъ султана его подданному: слѣпое исполненіе или гибель?...

Волынскій видитъ роковую бумажку, догадывается, что это отвѣтъ на его письмо, и не имѣетъ возможности ее взять. Шуты безпрестанно шныряютъ около нихъ, подмѣчаютъ ихъ взгляды, подслушиваютъ разговоръ, слѣдятъ движенія, но добыча шпіоновъ небогата на этотъ разъ. Разговоры влюбленныхъ отрывисты, перемѣшаны кабалистикою словъ, непонятныхъ для черни, похищенныхъ изъ другого, высшаго міра. Волынскій благодаритъ Маріорицу за жизнь, которую она даритъ ему, которую обѣщаетъ онъ ей посвятить. Онъ проситъ дозволенія прислать къ ней цыганку за отвѣтомъ. Цыганка заслужила его довѣріе: можно-ли

отказать? Взоры княжны, увлаженные любовью, то останавливаются на немъ, то застилаются черными, длинными рѣсницами; онъ пьетъ ея душу въ этихъ взорахъ, онъ черпаетъ въ нихъ море блаженства. Смущеніе ихъ обнаружило бы скоро ихъ страсть, еслибъ голосъ императрицы, зовущей къ себѣ княжну, не спасъ ихъ отъ подозрѣнія.

Волынскій блаженствуетъ; онъ торжествуетъ заранѣе и, смотря на все въ волшебное стекло любви, видитъ въ своемъ врагѣ ловкаго, умнаго любимца императрицы. Они бесѣдуютъ, шутятъ другъ съ другомъ, какъ будто никогда не ссорились, и государыня утѣшается, что согласіе водворилось между ними такъ скоро по манію ея воли.

Анна Іоанновна сидѣла на штофномъ диванѣ, расположенномъ вдоль внутренней стѣны комнаты; нѣсколько ступеней, обитыхъ богатыми коврами, вели къ нему. Маріорица усѣлась у ногъ ея на верхней ступени.

— Какъ разгорѣлась ты, прекрасное дитя мое! — сказала государыня, обвивъ ея шею своею рукой и поцѣловавъ ее въ лобъ.

Отъ этого движенія свалилась съ головы княжны шапочка, и черныя, длинныя косы пали ей на колѣна. Какъ она была хороша въ эту минуту!... Сама государыня посмотрѣла на нее съ восторгомъ матери, подняла ей косы, обвила ими дважды голову, надѣла ей шапочку нѣсколько на-бекрень, по-русски, полюбовалась опять на нее съ минуту и, съ нѣжностью потормошивъ ее двумя пальцами за подбородокъ, промолвила:

— Какая милушка!

Все въ комнатѣ примолкло: самые шуты не шевелились, будто страшась нарушить это занимательное зрѣлище. Волынскій стоялъ, какъ вкопанный; онъ пожиралъ Маріорицу глазами; онъ весь былъ у ногъ ея. На бѣду, княжна сидѣла по-восточному, и одна ножка ея, обутая въ башмачокъ, шитый золотомъ, уютная, какъ воробушекъ, выглядывала изъ-подъ платья и дразнила его пылкое воображеніе. Государыня замѣтила силу его взглядовъ и сказала шутя, закрывъ рукою лицо княжны.

— Г-нъ Волынскій, не сглазьте ее у меня. Вы смотрите на мою Лелемико, какъ лисица на добычу. Я съ вами поссорюсь за это.

Волынскій отвѣчалъ, какъ придворный, что онъ не могъ не заплатить невольной дани красотѣ.

— И я ли одинъ — прибавилъ онъ — виноватъ въ этомъ проступкѣ; ваше величество женщина, и сами не скрываете своего восторга при видѣ княжны.

Разумѣется, похвалы заставляли Маріорицу еще болѣе краснѣть, хотя и были ей пріятны.

Во время этой сцены Биронъ, чтобы избавиться отъ невольнаго обольщенія, или для того, чтобы не мѣшать страсти Волынскаго расходиться болѣе и болѣе на собственную его гибель, ласкалъ государынину собаку и, казалось, на нее одну обратилъ свое вниманіе. Наконецъ онъ сказалъ:

— Ваше величество изволите женить Кульковскаго, вотъ и свадебный домъ строится, но о невѣстѣ не было еще слова.

— Ваша правда, подойникъ готовъ, а коровы еще нѣтъ, — отвѣчала, смѣясь, государыня. — Биронъ успѣлъ

предупредить ее на счетъ барской барыни, сказавъ, что эта пара будетъ презабавная.

— Надо,—продолжала она, подозвавъ къ себѣ Кульковскаго, — положиться на его вкусъ. Послушай, дуракъ, выбирай во всей имперіи, только не при моемъ дворѣ; даю слово, что если изберешь достойную себя, не откажу быть твоею свахою.

Низко поклонился женихъ, положилъ руку на сердце, тяжело вздохнулъ и объявилъ, что страдаетъ денно и нощно по г-жѣ Подачкиной и умретъ, если она не будетъ его супругой.

— О ве, о ве! изсохнетъ бѣдный до второго пришествія, какъ спицка!—подхватилъ Лакоста.

— Oche bella armonia! — прибавилъ Педрилло:— corpo di basso! однато лстъ, какъ басъ, а другая тоненька фаготъ.

— Не парочка, а чудо!—вскричалъ Балакиревъ:— въ пустую бочку поселится саженная змѣя.

— Кто-жъ эта знаменитая Подачкина, на которую палъ такой счастливый жребій?—спросила государыня.

— Не знаю, ваше величество—сказалъ Биронъ.

— Моя барская барыня — отвѣчалъ, смутясь, Волынскій.—У него вертѣлись въ головѣ темныя догадки на счетъ ея.—Только удивляюсь очень, какимъ образомъ нашъ Парисъ, не сходя со стула въ пріемной его свѣтлости, могъ подмѣтить такое сокровище, которое хранится у меня за тридевятью замками.

— Надѣюсь, господинъ Волынскій, что вы не подожжете моего дворца, если мы похитимъ вашу прекрасную... какъ бишь? за которую дрались греческіе цари?

— Елену!—подхватилъ Биронъ.

— Да, хоть Елену?

— Боже меня сохрани!—отвѣчалъ Волынскій.

— Такъ вы уступаете мнѣ свою красавицу?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Благодари же, дуракъ!

И Кульковскій, расшаркавшись передъ кабинетъ-министромъ, разсыпался, какъ умѣлъ, въ благодарности.

— Эта свадьба дѣлается съ позволенія вашего, государыня,—сказалъ Биронъ пасмурно:—но есть особы при васъ, которыя давно женаты и скрываютъ это отъ вашего величества.

Педрилло палъ на оба колѣна и, зарюмивъ, вопилъ жалобнымъ голосомъ:

— Виноватъ, матушка, только не снимай повинна головка.

— Какъ! у меня во дворцѣ? безъ моего позволенія?—сказала съ неудовольствіемъ Анна Іоанновна.

— Серсе приказалъ: лупи, а кто можно противъ серсе на кулачка марширъ. Ахъ! если бы вашъ величество видѣлъ la mia сага, то простилъ моя. Глазка востра, бѣлъ, какъ млеко, нѣжна голосокъ, какъ флейтошка, ножка тоненька, маленька, меньше, шѣмъ у княжонъ, проворно тансуй, прыжки таки больша дѣлай, и така молоденька!...

Описаніе своей любезной сопровождалъ Педрилло страстною и отчаянною мимикой, прижимая то руки къ сердцу, то вскидывая глаза къ небу.

— Истину словъ его—сказалъ Биронъ серьезно—и я могу засвидѣтельствовать.

— Да это должна быть какая-нибудь танцовщица! Кто-жъ она?—спросила государыня.

— Не смѣй моя сказать...

Педрилло, испуганный, блѣдный, дрожалъ всѣмъ тѣломъ; холодный потъ капалъ со лба.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Дѣвушка, жилъ здѣсь во дворесъ.

— Имя!... чтожъ?...

— Ахъ! страхъ моя беретъ и таскать душку во адъ. На казнишь моя...

— Говори, а не то...—вскричала съ гнѣвомъ государыня.

— Дочь... дочь, охъ! придворна...

— Ну?...

— Дочь... придворна коза.

— Козы! козы!—раздалось по комнатѣ.

Государыня хохотала отъ всего сердца, смѣялись и другіе, сколько позволяло приличіе.

— Если такъ,—сказала она,—то прощаю отъ души нарушеніе законныхъ правъ въ моемъ дворцѣ.

— Моя жонка родилъ вчера, и когда вашъ величество простилъ моя, такъ я прошу пожаловать на родина.

— А?... понимаю! Плутъ знаетъ, что у русскихъ есть обычай класть на *зубокъ* деньги. Твоя шутка стоитъ награды. Хорошо; даю слово быть къ тебѣ и сама назначу для этого день. Герцогъ, вы не забудете мнѣ объ этомъ напомнить?

— Могу ли забыть то, что вамъ дѣлаетъ удовольствіе?—отвѣчалъ Биронъ.

— Случается это съ вами...—прервала шутя государыня, и обратила опять рѣчь на свадьбу Педриллы.

Долго еще смѣялись его лукавой затѣѣ; наконецъ вышли всѣ изъ билліардной, иные изъ дворца, каждый унеся на свою долю большій или меньшій уча-

стокъ удовольствія, которое доставило имъ короткое время, проведенное въ этой комнатѣ. Одинъ старикъ Балакиревъ уносилъ на своей спинѣ боль отъ полученныхъ ударовъ.

По пріѣздѣ Бирона домой, Липманъ имѣлъ еще духъ доложить своему патрону, что исповнительный Гроснотъ найденъ въ своей комнатѣ застрѣленнымъ, вѣроятно, вслѣдствіе побѣга конюховъ, обливавшихъ Горденку. Обратить свой гнѣвъ на Липмана было опасно, и потому рѣшились, временщикъ и клевретъ его, стараться отыскать тайныхъ производителей этого дѣла и устремить всю коварную политику свою на исполненіе прежде начертанныхъ плановъ. Лучшихъ, болѣе дѣйствительныхъ, нельзя было и придумать.

Вмѣсто одного Гроснота Биронъ нашелъ ихъ десятокъ; на низкихъ людей никогда не бываетъ недорода.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРИПАДОКЪ

Часто въ пылу сраженія царь задумывался о своемъ царствѣ, и посреди боя оставался равнодушнымъ его зрителемъ, и бывши зрителемъ, казалось, видѣть что-то другое.

„Опалъ“ *И. К.*

Влюбленное сердце перемогло честолюбивую душу, и съ тайными слезами я продаю свободу свою за безнадежное счастіе.

Марлинскій.

Волынскій обѣщалъ прислать цыганку къ княжнѣ Лелемико, и первой его заботой было приказать отыскать ее. Нѣсколько дней поиски были тщетны. Мучимый желаніемъ скорѣй прочесть отвѣтъ Маріорицы, онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи увалистаго Тредьяковскаго, такъ чтобы воспользоваться ею, не вполнѣ открывъ ему цѣль этого содѣйствія. На бѣду творецъ «Телемахиды» страдалъ только завистью, болѣзнію мелкихъ душъ. Онъ писалъ къ Артемію Петровичу, что изнемогъ духомъ и тѣломъ, видя несправедливость къ нему соотечественниковъ, унижающихъ его предъ сочинителемъ оды «на взятіе Хотина», и что онъ до тѣхъ поръ не можетъ приняться за служеніе музамъ и своему Меценату, пока не исходатайствуютъ ему каѳедры элоквенціи и указа на запрещеніе холмогор-

скому рыбачишкѣ писать. Въ тогдашнее время было еще мало пишущей братьи, а то посредственность не преминула бы составить заговоръ противъ юнаго таланта, расправлявшаго могучія крылья. Разумѣется, проситель удостоился отъ благороднаго и умнаго вельможи, чего стоилъ—эпитетовъ подлаго и злого дурака. Съ первою-жъ почтою богатый подарокъ отыскивалъ странника Ломоносова.

Нѣсколько дней Артемій Петровичъ не имѣлъ случая видѣть Маріорицу, и страсть въ эти дни такъ успѣшно забрала надъ нимъ власть, что сдѣлала его совершенно не похожимъ на себя. Онъ блажилъ, какъ ребенокъ, былъ то взыскателенъ и нетерпѣливъ, то холоденъ къ своему дѣлу и слабъ. Совѣтовъ Зуды онъ вовсе не слушалъ; сначала сердился на него, потомъ сталъ его удаляться; наконецъ, не имѣя около себя никого, съ кѣмъ могъ бы подѣлиться душою, обратился опять къ нему, съ условіемъ, однакожъ, не раздражать его противорѣчіемъ.

— Стоитъ только,—говорилъ онъ ему, — получить мнѣ отъ тайнаго нашего повѣреннаго условленный пароль и хандра моя, какъ чадъ, пройдетъ. Вѣрь мнѣ, время это очень близко. Государыня стала чаще сердиться на Бирона и даже сдѣлала опытъ лично изъявить ему свой гнѣвъ. Не даромъ скрываетъ онъ обиду, которую ни простить, ни забыть нельзя. Это ужь означаетъ его слабость. Два-три дня рѣшительнаго гнѣва государыни на него—и тогда одно слово, только одна мысль о слезахъ и крови моихъ соотечественниковъ, о Россіи, молящей меня быть заступникомъ своимъ, и я бѣгу исполнить свой долгъ и умереть, если нужно, за святое дѣло. Тогда не будетъ мѣста на сердцѣ ни

другу, ни Лелемико, ни одному живому существу на свѣтѣ. Постригусь отечеству, произнесу роковой обѣтъ, и вырву все земное изъ земного сердца. А теперь, воля твоя, не могу, не въ силахъ... я еще не въ святой оградѣ... дай мнѣ насладиться за нею благами мірскими, насмотрѣться на прекрасныя очи, наслушаться волшебнаго голоса, и потомъ готовъ хоть на плаху!

Зуда, слушая его, качалъ печально головой, пожималъ слегка плечами,—дѣлать было нечего.

Когда увѣдомили Волынскаго, что Подачкинъ произведенъ въ офицеры, вопреки его волѣ, онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Хотъ бы въ сенаторы!

Когда Зуда извѣстилъ его, что замороженный Горденко зарытъ на берегу Невы въ извѣстномъ мѣстѣ и готовъ встать изъ своего снѣжнаго гроба, чтобы обличить Бирона въ ужасномъ злодѣяніи, Волынскій отвѣчалъ:

— Хорошо! но пусть подольше не тревожатъ этого несчастнаго трупа. Бѣдному и по смерти не дадутъ покоя.

Узнавъ, что конюхи Бирона, возившіе ледяную статую на Неву, бѣжали въ деревни Артемія Петровича и готовы въ свидѣтели, — онъ сказалъ своему секретарю:

— Челнокъ ихъ въ пристани, не трогайте его съ мѣста. Напротивъ, употребите всѣ средства чтобы обезпечить ихъ отъ опасности. Наше дѣло — подвизаться и гибнуть за отечество, если нужно; въ гербу каждаго дворянина вырѣзаны слова чести, долга, славы; сердце каждаго изъ насъ должно выучить эти слова

съ малолѣтства, тотчасъ послѣ заповѣдей Господнихъ. А конюховъ зачѣмъ неволею тащить, можетъ быть, на гибель за предметъ, котораго они не понимаютъ?...

Разъ какой-то нищій, въ сумерки, у подъѣзда, подалъ ему бумагу, и скрылся. Это былъ подлинный доносъ Горденки, доставленный Липману цыганкою и потомъ переданный самому Бирону. Сокровище для кабинетъ-министра! Не видавъ доноса, онъ не могъ имѣть понятія о драгоцѣнныхъ тайнахъ, въ немъ заключавшихся. Артемій Петровичъ обрадовался было этой находкѣ, и вмѣстѣ чего-то испугался. «Не ведетъ ли эта роковая бумага» — говорилъ онъ самъ съ собою,—«къ рѣшительной минутѣ и къ разлукѣ съ Маріорицей, какъ она привела несчастнаго Горденку к ужасной смерти?»

Думалъ ли Волынскій о своей супругѣ? Ужь конечно! Но каковы были эти думы!... Страшная борьба происходила сначала въ душѣ его. Онъ цѣнилъ любовь ея, ея доброту и любезность, обвинялъ себя въ неблагодарности, мучился, терзался, какъ преступникъ, проклиналъ свою слабость, и все это кончалъ тѣмъ, что жилъ одною любовью къ Маріорицѣ. Портретъ жены казался ему безпокойнымъ обличителемъ, давилъ его своимъ присутствіемъ,—портретъ былъ снятъ и поставленъ за бюро. Боясь, чтобы она не пріѣхала, писалъ къ ней, что онъ самъ скоро будетъ въ Москву проѣздомъ, по случаю даннаго ему отъ правительства порученія, и чтобы она его тамъ дожидалась. Съ трудомъ повиновалось перо, и сердце поворачивалось въ груди, когда онъ увѣрялъ ее въ нѣжной, неизмѣнной любви. Но сроднившись съ обманомъ, онъ тѣмъ болѣе мучился, употребляя его. Между тѣмъ, доведенный

своею страстью до изступленія, ломалъ голову, какъ бы развестись съ женой и ужь заранѣе заискивалъ на этотъ случай въ главныхъ членахъ сѵнода. Она не родила: какой еще лучше причины къ разводу?... Не онъ первый, не онъ и послѣдній!

Не могли ничего надъ нимъ и предостереженія тайнаго друга, чтобы онъ берегъ себя болѣе всего отъ себя-жъ

«Ваша любовь къ княжнѣ Лелемико погубитъ васъ,—писалъ къ нему анонимъ, — она извѣстна ужь вашимъ врагамъ, и служитъ имъ важнѣйшимъ орудіемъ противъ васъ».

— О! эти затѣйливыя опасенія, — говорилъ Волынскій,—дѣло моего, слишкомъ осторожнаго Зуды. Пустое! одна любовь не помѣшаетъ другой. Я сказалъ ужь ему однажды навсегда, что не покину намѣренія спасти мое отечество и не могу оторвать княжну отъ своего сердца.

Чѣмъ болѣе Волынскій въ эти дни душевнаго припадка показывалъ себя слабымъ, тѣмъ усерднѣе работалъ за него Зуда и тайный повѣренный кабинетъ-министра, какъ мы и видѣли уже выше. Они вѣрили, хотя съ боязнью, по опытамъ благороднаго характера его, что одно чувство должно въ немъ въ рѣшительныя минуты восторжествовать надъ другимъ. И потому не упускали случаевъ и времени быть ему полезными въ борьбѣ съ сильнымъ, коварнымъ временщикомъ. Противъ подкоповъ его и Липмана проводили они свои контрмины, не менѣе надежныя, но и тѣ, большею частью, принуждены были скрывать отъ Артемія Петровича, любившаго сражаться на чистомъ полѣ.

Надо еще упомянуть о томъ, что случилось поздно вечеромъ въ самый день, какъ онъ видѣлся съ княжною въ билліардной дворца. Сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ съ Зудой и разсказывалъ ему свою заносчивую ссору съ Бирономъ, скорбя, что не послушался совѣтовъ друзей. Вдругъ за стѣной кабинета, въ гардеробной, кто-то застоналъ, и вскорѣ раздался визгъ и крикъ.

— Что это такое? — спросилъ Артемій Петровичъ, вздрогнувъ и вскочивъ съ капапе,—не рѣжутъ ли ужь кого у меня въ домѣ?... Чего добраго!

— Не могу понять, чтобы это такое было,—отвѣчалъ секретарь.

— Батюшки! — раздалось снова, — батюшки! спасите отъ нечистаго! Пустите христіанскую душу на покаяніе·

Волынскій и Зуда бросились на этотъ крикъ въ гардеробную; но въ ней, за темнотой, нельзя было ничего различить. Только слышно было, что хрипѣлъ человѣкъ, выбивавшійся изъ шкапа, который стоялъ у стѣны кабинета. Подали свѣчи, и что-жъ представилось! Барская барыня въ обморокѣ, растрепанная, исцарапанная, и арабъ подлѣ нея, хохотавшій отъ всей души.

— Съ ума ты, видно, сошелъ, — сказалъ съ сердшелъ Артемій Петровичъ,—что вздумалъ такъ пугать старую женщину!

— Не женщину, а поганую вѣдьму, — отвѣчалъ арабъ, коварно усмѣхнувшись.—Жаль, что она совсѣмъ не околѣетъ.

— Что это все значитъ?

— А вотъ что, сударь. Давно подмѣтили мы съ

господиномъ Зудою проказы ея. Лишь только къ вамъ въ кабинетъ ихъ милость или какой вашъ благопріятель, этотъ бѣсъ въ юпкѣ тотчасъ въ гардеробную, и всякій разъ, слышу, дверь на запоръ, Взглянулъ я однажды въ комнату: ни душонки въ ней! «Кой чортъ, думалъ я, куда она пропадаетъ?» Въ другой, будь я умнѣе— слѣдомъ за ней караульный глазъ въ скважину, и вижу: разбойница вошла въ шкапъ, и пробыла тамъ все времячко, пока у васъ оставались гости. Дай-ка перескажу объ этомъ господину Зудѣ; тутъ, думалъ я, промаху не будетъ. Поцѣловалъ меня его милость за эту вѣсточку, настрого приказалъ до поры молчать— извольте же видѣть, сударь, почему я не смѣлъ пораскрыть нашу тайность—глаза араба заискрились, и улыбающіяся черныя губы его показали два ряда жемчужинъ.

— Виноватъ, что посердился на тебя, другъ мой,— сказалъ Волынскій.

— И больше бы погнѣвались, сударь, такъ бѣда не велика. Потомъ... потомъ... да, его милость г-нъ Зуда подмѣтилъ на дняхъ въ кабинетѣ за канапе просверленную дырочку. Смекнули мы, что это щель изъ шкапа гардеробной Поддѣлали ключъ — маршалокъ былъ съ нами за-одно — нынѣ успѣлъ я въ сумерки забраться въ дозорную будку, затворивъ за собою исправно дверь. Пошарилъ въ шкапѣ и нашелъ преисправную щель, изъ которой все слышно, что говорится у васъ въ кабинетѣ. Вотъ почуяла чутьемъ наша жаръ-птица, что у васъ будетъ съ его милостью потайной разговоръ, и шасть ко мнѣ подъ бочекъ. «Милости просимъ, кукушечка, къ стрѣлку поближе!» сказалъ я про себя. Только-что-приложила она ухо къ

щели, я ей въ бокъ булавку. Почесалась она, и опять за свою работу. Тутъ ужь запустилъ я ей стрѣлку поглубже такъ, что она порядкомъ охнула, сотворила крестное знаменіе и промолвила: «съ нами сила крестная!» Окаянная! мало что людей морочишь, и Богато хочешь обмануть!... Далъ я ей вздохнуть крошечку, да какъ схвачу ее вдругъ въ охапку, и началъ душить, щекотать, кусать... ну, была такая потѣха, сударь, что разсказать не сумѣю... всѣ жилки надорвалъ со смѣху. А теперь—арабъ ужасно взглянулъ на свою жертву—охъ! кабы моя воля... ножъ ей въ бокъ—однимъ крокодиломъ на свѣтѣ меньше!

— Она умерла,—сказалъ одинъ изъ слугъ, составившихъ кружокъ около барской барыни. Онъ взялъ ее за руки, и руки упали окоченѣлыя на полъ.

— Пустить ей кровь! — промолвилъ другой, — вспрыснуть ее холодной водой.

— А лучше плеткой!—перебилъ маршалокъ.

— Ахъ! вспрыснуть водой!—возопила вдругъ плутовка, открывъ нѣсколько глаза.

Волынскій съ презрѣніемъ отворотился отъ нея и сказалъ дворнѣ:

— Выбросьте эту поганую кошку вонъ сію-жъ минуту за ворота со всѣми ея пожитками. Чтобъ духу ея здѣсь не пахло!

— И вотъ, наконецъ, — сказалъ Зуда, когда они возвращались въ кабинетъ,—вашъ домашній шпіонъ у васъ въ рукахъ! Я совѣтовалъ бы вамъ допросить строжайше эту неблагодарную тварь.

— Не пытать-ли ея по бироновски?... Ну ее къ чорту! Пропавшаго не воротишь. А что до благодарности, не говори мнѣ объ этомъ, другъ мой! Ты зна-

ешь, сколько я самъ виноватъ предъ одной особой— онъ разумѣлъ жену—чего-жъ ожидать отъ черни?...

Извѣстно, что слуги всякого рода любятъ быть пріятными своимъ господамъ, усиливая приговоры ихъ. Благородному Артемію Петровичу нельзя было угодить такимъ образомъ; но дворня, ожесточившись противъ барской барыни, удовлетворяла въ этомъ случаѣ только своему негодованію. Невѣсту Кульковскаго, снова упавшую въ обморокъ, отнесли за ворота съ ругательствами всякаго рода и съ горячимъ тѣлеснымъ урокомъ, и выбросили на снѣжный сугробъ. Туда-жъ принесли ея имущество. Опозоренная, измученная, волоча кое-какъ за собою пожитки, которые только могла укласть въ огромный узелъ, боясь въ полуночные часы попасть на зубокъ нечистому, увязая не разъ въ сугробы снѣжные, она не разъ вычитывала съ ужасомъ:

— Батюшки, мои свѣты! вынеси, Самсонова сила, легкое перо!...

Наконецъ, полумертвая, она дотащилась едва къ утру до жилища Липмана. Здѣсь оказали ей всякую помощь, какую требовали ея подвиги и санъ невѣсты Кульковскаго.

Однажды утромъ доложили Артемію Петровичу, что цыганка отыскана и приведена. Это извѣстіе обрадовало его.

— Только боимся ошибиться, она-ли еще, сударь,— говорилъ посланный.—Голосъ ея, поллица также ея, а съ другой стороны уродъ-уродомъ. Цыганъ при ней тотъ же, что и прежде ходилъ съ пригожей Маріулой. Стоятъ на томъ, что она и есть, и божатся, и клянутся, а можетъ, сударь, морочатъ.

— Нѣтъ-ли въ воздухѣ какой заразы, что всѣ стали бредить! — сказалъ Артемій Петровичъ, — введите ее ко мнѣ.

Ввели цыганку въ кабинетъ, въ которомъ никого, кромѣ него, не было. Одинъ глазъ у ней былъ закрытъ пукомъ волосъ, правая щека фатою.

— Маріула, это ты?—спросилъ Волынскій.

— Я, господинъ, но только не пригожая, талантливая Маріула, на которой ты останавливалъ свои высокія очи. Со мною случилась бѣда... я обварилась кипяткомъ и... признаешь-ли меня теперь?

Голосъ ея дрожалъ. Она подняла фату и пукъ волосъ. Щека, въ одномъ мѣстѣ исписанная красными узорами, въ другомъ собранная рубцами, сине-кровавая яма на мѣсто глаза, все это безобразіе заставило Артемія Петровича отвратиться.

— Что, баринъ?... Вотъ ваша хваленая красота!

Брюзгливо вскинулъ онъ взоры на нее, махнулъ рукой, чтобы она закрыла по-прежнему свое безобразіе, и, когда она это исполнила, посмотрѣлъ на нее съ жалостью, глубоко задумался съ минуту, наконецъ сказалъ:

— Мнѣ твоя красота не нужна, Маріула, а нужна твоя вѣрность, твой умъ.

— Я ужь разъ докладывала вамъ, рада вамъ служить, добрый господинъ,—отвѣчала цыганка съ живымъ участіемъ.

Тутъ Волынскій признался, что онъ любитъ княжну Лелемико, и что она къ нему неравнодушна.

Щека цыганки загорѣлась.

— Чтожъ далѣе?... — спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Вотъ видишь, я писалъ къ ней; отвѣтъ ея готовъ, но ей не черезъ кого переслать его... Ты должна сходить во дворецъ и получить записочку.

— Съ радостью...—отвѣчала Маріула запинаясь, какъ будто стоялъ у ней кусокъ въ горлѣ.

И дрожащій голосъ ея, и бѣлыя пятна, выступившія на пламенной щекѣ, измѣняли ея душевному безпокойству. Мысль, что мать... сама... Но она это дѣлала для блага своей дочери. Можетъ статься, Артемій Петровичъ хочетъ только погубить Маріорицу!... Повѣренная ихъ тайнъ, она будетъ имѣть возможность ее спасти.

— Только съ условіемъ,—примолвила она умоляющимъ голосомъ,—буду помогать тебѣ всѣмъ моимъ разумѣніемъ, всѣмъ лукавствомъ, да... смотри, добрый, милый, честный баринъ, не сдѣлай несчастною бѣдную дѣвушку... Говорятъ,—ужь успѣла вывѣдать..,—сирота круглая, не имѣетъ ни отца, ни матери, съ чужой стороны... не доведи ее до погибели, побойся Бога, женись на ней.

— О! да съ какими же ты причудами!... это дѣло свахи и попа.

— А чтожъ я, какъ не сваха!... Вотъ видишь, баринъ, я много ужъ грѣховъ приняла на свою душу. Богъ за то и наказалъ меня. Мы хоть и цыгане, а знаемъ Бога. Пора мнѣ жить честно. Коли не примешь моего условія,—прибавила она съ твердостью и жаромъ,—я и дѣлъ никакихъ начинать не стану. Чтожъ?... женишься....

— Ужь конечно!... Для чего-бъ иначе!...

— Поклянись.

— Какъ же ты неотзывчиво требуешь!... Странно!... Однакожъ.., пожалуй, клянусь...

— Всемогущимъ Богомъ... Слышишь?

Голосъ Маріулы былъ грозенъ; одинокій глазъ ея страшно сверкалъ; въ душѣ Волынскаго совѣсть невольно забила тревогу.

— Ужъ, конечно... Имъ...—сказалъ онъ смутясь,— если только позволятъ.

— Ктожъ?

— Напримѣръ, государыня.

— О, чего бояре, не выхлопочутъ, когда только захотятъ! Помни, Господь караетъ тѣхъ, кто преступаетъ клятву.

Волынскій старался усмѣхнуться.

— Право, ты, Маріула, годишься въ проповѣдники.

— Побоишься суда небеснаго, такъ начнешь говорить и проповѣди. Теперь мы условились: ты будешь имѣть пригожую женку, сиротка найдетъ себѣ добраго, знатнаго, богатаго мужа; а я буду съ фатой... не забудь же фату за первый поцѣлуй... и душа моя не дастъ отвѣта Богу. что погубила мою... мою красавицу... Хоть и не видывала ее, но люблю-таки, сама не знаю, почему... можетъ статься, потому, что сама была въ такой бѣдѣ, какъ она. И меня погубилъ когда-то такой-же красивый баринъ, какъ и ты... Маріула утерла навернувшіяся на глазу слезы.—Когда-нибудь я тебѣ это разскажу. Но я не плакать пришла, а дѣло дѣлать. Жду твоего наказу.

Позванъ былъ арабъ и получилъ наставленія провесть цыганку во дворецъ къ княжнѣ Лелемико. При

наказѣ Маріулѣ, чтобы она исполнила хорошенько порученіе, Артемій Петровичъ хотѣлъ пожаловать ей золотую монету. Но цыганка съ гордостью оттолкнула руку его, обѣщаясь, впрочемъ, взять деньги, когда все уладитъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОСЛАННИЦА

Родная мать... О Боже! мать родная
Ей въ руку чистую влагаетъ ножъ;
Ведетъ ее сама къ ужасной безднѣ,
И думаетъ: веду ее къ вѣнцу,
На ложе пышное любви и счастья...

Не столько тревожитъ любовника первое тайное свиданіе съ любимымъ предметомъ, какъ тревожило Маріулу свиданіе съ княжною Лелемико. Радость и страхъ видѣть такъ близко дочь свою, говорить съ нею, до того волновали ея кровь, что занимался у нея духъ; въ головѣ и сердцѣ ея стучали молоты. Нѣсколько разъ дорогою останавливалась она, чтобы перевести дыханіе.

— Смѣло за мною! — сказалъ арабъ, входя на крыльцо у маленькаго дворцоваго подъѣзда, и потомъ, изрѣдка оборачиваясь къ своей спутницѣ и ободряя ее взоромъ, повелъ сквозь саранчу придворныхъ слугъ, по извилинамъ лѣстницъ и коридоровъ.

Было близко къ 9 часамъ утра, но всѣ во дворцѣ еще ходили полусонные.

Маріула выставила тутъ вполнѣ свое безобразіе.

— Куда ведешь этого урода?—спрашивали араба любопытные.

— Куда приказано,—отвѣтилъ онъ:—много знать будете, состаритесь.

Иногда отдѣлывался на нескромные вопросы молчаніемъ; кому нужно говорилъ, что герцогъ хочетъ вести къ государынѣ цыганку, которая чудная гадальщица.

— Мысли читаетъ, братецъ, — говорилъ онъ, — знаетъ, что съ тобою было, что будетъ и какою смертью умрешь.

Такіе разсказы возбуждали во многихъ желаніе познакомиться съ чудною ворожеею. Суевѣріе—общая слабость людей во всѣхъ званіяхъ.

Въ одномъ коридорѣ, гдѣ ходили тихо, на цыпочкахъ, Николай вызвалъ чрезъ каммеръ-лакея арабку, привезенную съ нимъ вмѣстѣ въ Россію. Онъ сказалъ ей что-то по-своему. Молодая, пригожая негритянка, съ коралловымъ ожерельемъ вокругъ черной шеи, въ бѣлой шерстяной одеждѣ, умильно улыбалась своему соотечественнику—въ этой улыбкѣ было что-то болѣе, нежели дружеское привѣтствіе—кивнула ему курчавою головкой, давая знать, чтобы слѣдовалъ съ своей подругой за нею, привела ихъ къ одной двери въ коридорѣ, отворила осторожно дверь и, всунувъ въ отверстіе голову, сказала:

— Княжну спрашиваетъ женщина. Можно войти?

— Кто тамъ?—раздался пріятный голосъ, пробѣжавшій по всѣмъ струнамъ Маріулина сердца. Ноги ея готовы были подкоситься.

— Какая-то цыганка васъ спрашиваетъ,—отвѣчала арабка.

Едва слово «цыганка» было произнесено, послышалось, что кто-то опрометью бросился со стула или другой мебели и, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то произнесъ уже дрожащимъ голосомъ:

— Пускай войдетъ.

Арабъ съ своею соотечественницею отошли въ сторону, чтобы потосковать о родинѣ, шепнуть другъ другу слово любви и, между тѣмъ, задержать въ коридорѣ служанку княжны, вышедшую за завтракомъ. Маріула поспѣшила закрыть свое безобразіе, но, за скоростью и боязнью, сдѣлала это такъ неловко, что, при входѣ ея въ комнату, страшный глазъ ея, будто впадина въ черепѣ мертвеца, и багровые швы, которыми было исписано полулицо, первыя бросились въ глаза княжнѣ.

Маріорица была одна въ комнатѣ. Она едва не вскрикнула, увидавъ циклопа въ образѣ женщины, и сдѣлала шага два назадъ, трясясь и смотря на нее съ большимъ отвращеніемъ. Въ эту минуту она забыла даже о цѣли посѣщенія этой чудной посланницы.

Трепетъ сообщился и Маріулѣ; къ нему примѣшалось и чувство униженія. Она остановилась у дверей, какъ бы готовая распасться. Въ такомъ положеніи находились обѣ нѣсколько мгновеній, одна какъ бы умаливая однимъ своимъ глазомъ простить ей ея безобразіе, другая, пріучая себя къ виду этого безобразія мыслью о томъ, кто послалъ ее. Первая, призвавъ на помощь все присутствіе духа, старалась поправить свои волосы на кровавую впадину, стянуть фату на щеку и стать въ такое положеніе, чтобы одна пригожая сторона лица была видна Маріорицѣ. Этотъ маневръ помирилъ ихъ.

— Что тебѣ надобно? — спросила наконецъ Маріорица.

— Вы... сударыня... знаете, зачѣмъ... Артемій Петро...

Языкъ ея съ трудомъ двигался.

При этомъ магическомъ имени княжна забыла прежній страхъ. За нѣсколько мгновеній она боялась взглянуть на цыганку, теперь готова была обнять ее. Боязнь замѣнилъ стыдъ повѣрить другой... незнакомой женщинѣ, свои тайны сердечныя. Вспыхнувъ, она перебила торопливо рѣчь посланницы.

— Такъ *онъ* прислалъ тебя?... Какая ты добрая!... Садись, милая! Не оскорбила-ли я тебя?...

Маріула воспользовалась этимъ сердечнымъ волненіемъ и робко, униженно, какъ собака, которую побилъ хозяинъ и зоветъ опять, чтобы приласкать, подошла къ княжнѣ, соразмѣряя свои шаги съ впечатлѣніемъ, которое выказалось на лицѣ ея.

— Оскорбить!... О, нѣтъ!...—сказала цыганка съ особеннымъ чувствомъ:—меня... ты... вы... можетъ-ли это статься! Да, Артемій Петровичъ правду говорилъ, что я найду добрую, прекрасную барышню...

Она повела по всей фигурѣ княжны свой блестящій, одинокій глазъ, въ которомъ горѣла любовь самая нѣжная, самая умилительная; любовалась красотою своей дочери, пламенемъ очей ея, правильностію коралловыхъ губъ; этимъ одинокимъ глазомъ осязала шелкъ ея волосъ, обвивала тонкій станъ ея, цѣловала ее и въ очи, и въ уста, и въ грудь... И могла-ли она вообразить себѣ, чтобы эта самая прекрасная княжна, живущая во дворцѣ, окруженная такимъ очарованіемъ счастья, была нѣкогда маленькая цыганочка Маріула,

въ худыхъ, суровыхъ пеленкахъ, подъ разодраннымъ шатромъ?... Прочь, прочь эта мысль!...

Когда цыганка примѣчала, что тѣнь боязни снова набѣгала на лицо княжны Лелемико, она произносила опять волшебное имя Волынскаго. Такимъ образомъ дошла до того, что могла взять ея руку.. И мать съ трепетомъ, съ восторгомъ неописаннымъ поцѣловала руку своей дочери... О! какъ была она счастлива въ этотъ мигъ!... Она была награждена за всѣ прошлыя муки и за будущія.

— Жаль мнѣ тебя, милая,—сказала Маріорица.— Отчего-жъ у тебя половина лица такъ испорчена?

— Вотъ видишь, добрая барышня, у меня была дочка, лѣтъ шести. Случись у насъ въ домѣ пожаръ. Кто подумаетъ объ дочери, какъ не мать? Что дороже для насъ, какъ не дитя? Я хотѣла спасти ее, упала подъ горящее бревно и обожгла себѣ половину лица.

— Пожаръ!... пожаръ!...—твердила Маріорица, приводя себѣ что-то на память.—А гдѣ это было?

— Далеко, очень далеко; гдѣ-жъ вамъ и знать этотъ край! Въ Яссахъ.

— И я родилась въ Яссахъ!... и меня спасли въ пожарѣ!... — думала княжна, потомъ сказала: — Такъ ты моя землячка! Я сама вѣдь тамошняя.

— Полюби меня, милая, хорошая барышня! Хоть ты и знатная госпожа, а я бѣдная цыганка, но все-таки изъ одного края.

— О! какъ же! какъ же!...

И Маріорица взяла за руку цыганку и посадила ее подлѣ себя.

— Чтожъ? ты спасла свою дочку?

Маріула боялась сказать лишнее и отвѣчала:

— Нѣтъ, бѣдная погибла въ огнѣ; и косточекъ ея не нашли.

Жалость обнаружилась на лицѣ доброй дѣвушки; слезы навернулись на ея глазахъ.

— О, съ этихъ поръ ты можешь открывать при мнѣ все лицо свое. Я не буду тебя бояться... Бѣдная! и чтожъ, у тебя была только одна дочь?

— Только одна!... Извините... сударыня, если я вамъ скажу... она походила на васъ очень, очень много.

Тутъ Маріула опять съ нѣжностью схватила руку тронутой княжны, крѣпко, сладостно осязала ее въ своихъ рукахъ, еще разъ поцѣловала ее, и княжна оставила цыганку дѣлать, что она хочетъ, и сама ее поцѣловала.

Но горничная могла прійти и разстроить бесѣду, огражденную столь хорошо случаемъ отъ безпокойныхъ свидѣтелей. На этотъ разъ покуда довольно было для матери... Она напомнила о письмецѣ. Торопливо вынуто оно изъ груди, теплое, согрѣтое у сердца.

— Если *онъ* поручилъ тебѣ взять его,—сказала Маріорица, отдавая свернутую бумажку,—такъ я тебѣ вѣрю.

— Богъ, ты, да я будемъ только знать,—отвѣчала цыганка, и, намоливъ княжнѣ тысячи благословеній Господнихъ, вышла отъ нея въ упоеніи восторга.

Артемій Петровичъ ожилъ, получа письмо, чего не сказалъ онъ посланницѣ! Онъ готовъ былъ ее озолотить.

Въ бумажкѣ, которую принесла она, заключалось слѣдующее:

Понедѣльникъ, поутру.

«Вы требовали отвѣта на мое письмо, вотъ онъ. Тутъ *мое все*, и стыдъ, и мнѣніе ваше, и жизнь моя! Возьмите это *все* въ даръ отъ меня. Не думала я долго, писать-ли къ вамъ: мое сердце, ваши муки, сама судьба приказывали мнѣ отвѣчать.

«Вы вѣрно хотите знать, люблю-ли васъ? Еслибъ я не боялась чего-то, еслибы меня не удерживало что-то непонятное, я давно сама бы это вамъ сказала. Да, я васъ люблю, очень, очень. Это чувство запало ко мнѣ глубоко въ сердце съ первой минуты, какъ я васъ увидѣла, и пустило корни по всему моему существу. Такъ, видно, хотѣлъ мой рокъ, и я повинуюсь ему. Невѣдомое-ли мнѣ блаженство вы мнѣ готовите, или муки, которыхъ я до сихъ поръ не знаю, я не могу, не хочу избѣгнуть ни того, ни другихъ.»

Поутру же.

«Я хотѣла послать къ вамъ мой отвѣтъ въ толстой книгѣ учителя; да ужь ее отослали. Ахъ! какъ досадно! Что подумаете вы?... Глаза мои красны отъ слезъ.»

На другой день.

«Ты сказалъ, что умрешь, если не буду тебѣ отвѣчать. Видишь-ли? я все сдѣлала, что ты хотѣлъ.

«Теперь будешь-ли жить? скажи, милый!

«Для чего не могу угадывать твоихъ желаній?... Если нужна тебѣ моя жизнь, возьми ее. Для чего не имѣю ихъ тысячи, чтобы тебѣ ихъ отдать?

«Вмѣсто *вы*, пишу *ты*, по-своему, не по-здѣшнему. Если-бъ ты зналъ, какъ это сладко!... Пиши такъ же.»

Среда.

«Все нѣтъ посланницы! И тебя не вижу. Здоровъ-ли? боюсь спросить у постороннихъ.

«Теперь знаю, какъ сладко и какъ мучительно любить!»

Вечеромъ.

«Дѣвушка къ тебѣ пишетъ, и что она пишетъ?... Знаю, это очень дурно по здѣшнему. Мнѣ самой стыдно прочесть, что я написала. Въ Хотинѣ, сказывали мнѣ, тамъ за это казнятъ. Но я не могу превозмочь, что свыше меня... И, прочитавъ мое письмо, продолжаю, и въ Хотинѣ я писала бы къ тебѣ.

«Я спрашивала своихъ подругъ, какое самое нѣжное имя на русскомъ: милый, голубчикъ—сказали онѣ. И я говорю тебѣ это имячко, потому что другаго нѣжнѣе не знаю. Можетъ быть онѣ меня обманываютъ, а можетъ быть онѣ никогда не любили по-моему. Какихъ сладкихъ именъ не насказала бы я тебѣ по-молдавански, по-турецки!...»

Въ сводѣ законовъ сердечныхъ отыщите статью: *о письмахъ*, и вы тамъ найдете, что первое письмо между влюбленными не бываетъ никогда послѣднимъ, сколько бы ни клялась слабѣйшая половина не писать, не отвѣчать болѣе. Этотъ клубокъ, разъ выпущенный изъ рукъ подъ гору, разматывается до тѣхъ поръ, пока обервется или израсходуется. И потому, въ силу этой статьи, переписка продолжалась между нашими влюбленными. Волынскій пускалъ къ Маріорицѣ страстныя посылки, отъ которыхъ бросало ее въ полымя и она теряла малѣйшій остатокъ спокойствія. Мечтать о немъ было уже для нея мало; видѣть его, быть близкой къ нему, говорить съ нимъ и не наговориться,

сдѣлалось потребностью ея жизни. Она видѣла, слышала, чувствовала только имъ; покорная во всемъ его волѣ, она была даже раба его взора—по немъ была весела или скучна, по этому регулятору двигалось ея бытіе, управлялась ея судьба. Еще непорочная своими поступками, она уже въ пламенныхъ письмахъ Волынскаго умѣла напитать свое воображеніе и сердце всѣми обольщеніями порочной страсти. Ядъ протекалъ уже по ея жиламъ. Несчастная была на краю гибели. А онъ?... Живя въ вѣкѣ развращенномъ, въ обществѣ, въ которомъ обольщеніе считалось *молодечествомъ*, и пороки такого рода няньчились беззаконіями временщика, свивавшаго изъ нихъ свои возжи и бичи; зараженный общимъ послабленіемъ нравовъ и порабощенный своей безразсудной любовью, Волынскій думалъ только объ удовольствіяхъ, которыя она ему готовитъ. Совѣсть замерла, Богъ былъ забытъ, разсудокъ околдованъ. Разсуждаетъ-ли человѣкъ, напившійся опіума?

Передача писемъ дѣлалась черезъ руки Маріулы, которой и Волынскій и Биронъ, каждый для своихъ видовъ, помогали всячески укрѣпиться во дворцѣ. Такимъ образомъ мать сама способствовала несчастной страсти своей дочери, успокоенная на счетъ ея клятвою обольстителя, что онъ на ней женится, и отуманенная нѣжными ласками Маріорицы, за которыя платила угожденіями всякаго рода. Можетъ статься, къ слабости матери присоединялись и нѣжные, заботливые разсчеты, что, помогая этой любви, она въ состояніи будетъ неусыпно слѣдить за ходомъ ея и во-время предупредить погибель дочери. Маріорица до того ее полюбила, что садилась къ ней на колѣна, обвивала свои руки около ея шеи, убирала мастерски безобразіе

ея полулица фатою и волосами, цѣловала ее въ остальной глазъ, миловала, какъ свою няню, кормилицу, едва не какъ мать. И Маріула, въ упоеніи отъ этихъ ласокъ, сама называла ее нѣжнѣйшими именами.

— Милое дитя мое,—говорила она,—ненаглядная, душечка, жизненочекъ, люби этого пригожаго Волынскаго. Онъ сдѣлаетъ тебя счастливою. Но только до женитьбы своей не давай ему много воли надъ собой. Одинъ поцѣлуй... не болѣе! А то пропадешь на вѣки, достанешься въ когти дьяволу!...

— Охъ, Маріуленька, дорогая моя,—отвѣчала, вздыхая, влюбленная дѣвушка,—боюсь, этой поцѣлуй сожжетъ меня.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОГО ТОМА

СТР.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Часть первая и вторая 1

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

„БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. М. ОЛЬХИНА.

Въ журналѣ помѣщаются: оригинальные и переводные ромны, повѣсти и разсказы, очерки, описанія путешествій, мелкія статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, юмористическіе разсказы, стихотворенія, театральныя пьесы и пр., и пр.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ (12 кн.) 5 руб., на полгода (6 кн.) 2 руб. 50 коп. и на $^1/_4$ года (3 кн.)—1 руб. 25 коп.

Подписка принимается **исключительно** въ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, д. 5—7.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дв., 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.

ФАУСТЪ

ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ

СЪ 50 КАРТИНАМИ А. ЛИЗЕНЪ-МАЙЕРА, ОРНАМЕНТНЫМИ УКРАШЕНІЯМИ Р. ЗЕЙТЦА. РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ В. Н. СТРУГОВЩИКОВА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна въ изящномъ оригинальномъ французскомъ переплетѣ

12 рублей.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

ИЗДАННЫЯ

поставщикомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. дв., 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

БЕНЕДИКТОВЪ Полное собраніе стихотвореній подъ редакціей и съ біографіей, составленной Я. Полонскимъ, и портретомъ автора на стали. Посмертное полное изданіе 3 т. въ 16 д. л. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р. 50 к.

БОБОРЫКИНЪ Собраніе сочиненій. Съ портретомъ и факсимиле автора. 12 томовъ въ 16 д. л. Цѣна 9 рубл., въ коленкор. перепл. 12 рубл.

ГЕЙНЕ Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей П. И. Вейнберга и В. В. Чуйко, съ портретомъ и подробною біографіею поэта. 16 томовъ въ 8 д. л. (т. 1, 4, 5 и 12 распроданы). Цѣна каждому тому 2 р.

ГНѢДИЧЪ Полное собраніе сочиненій, съ критико-биографич. очеркомъ и портретомъ на стали. 3 тома въ 16 д. л. Цѣна 3 р., въ коленкор. перепл. 4 р. 50 к.

ГЮГО Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Томъ I. Романы. (Гансъ-Исландецъ. — Бюгъ-Жаргалъ. — Послѣдній день приговореннаго къ смерти. — Клодъ Ге.—Соборъ Парижской Богоматери. — Труженики моря.—Девяносто третій годъ), въ переводѣ Э. К. Ватсона. 1 большой томъ въ 8 д. л. 830 стр. Ц. 6 рубл., въ переплетѣ 7 рубл.

ДАЛЬ Собраніе сочиненій съ біографіею и портретомъ, гравиров. на стали. 8 томовъ въ 16 д. л. Цѣна 9 рубл., въ коленкор. переплетахъ 12 рубл.

ЖАДОВСКАЯ Полное собраніе сочиненій. 4 тома въ 8 д. л. Цѣна 6 рубл., въ перепл. 8 р. 25 к.

ЗАГОСКИНЪ Полное собраніе сочиненій, съ подробною біографіею и портретомъ, гравиров. на стали. 10 томовъ большого формата въ 8 д. л. Цѣна 16 рубл., въ перепл. 19 р. 75 к.

ИННОКЕНТІЙ Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, гравир. на стали. 11 томовъ въ 8 д. л. Цѣна 15 рубл. въ перепл. 20 рубл.

ЛАЖЕЧНИКОВЪ Полное собраніе сочиненій, съ біографіею и портретомъ, гравиров. на стали. 12 томовъ въ 16 д. л. Цѣна 18 рубл., въ коленкор. переплетахъ 21 р.

ЛЕРМОНТОВЪ Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей В. В. Чуйко, съ портретомъ, біографіей и 41 отд. картинами В. А. Полякова. 2 тома большого формата въ 8 д. л. Цѣна въ богатомъ перепл. 2 р.

ЛЕССИНГЪ Собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціею П. Н. Полевого, съ біографіею и портретомъ автора, гравиров. на стали. 5 томовъ въ 16 д. л. Цѣна 7 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 10 р.

МАКОЛЕЙ Полное собраніе сочиненій. Переводъ съ англійскаго 15 томовъ въ 8 д. л. Цѣна 15 рубл., въ 8 перепл. 19 р. 50 к.

МЕЛЬНИКОВЪ (Андрей Печерскій). Полное собраніе сочиненій. Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ. 14 томовъ въ 8 д. л. Цѣна 14 рублей, въ перепл. 18 рублей.

МИЦКЕВИЧЪ Собраніе сочиненій. Русскій переводъ В. Бенедиктова, Н. Семенова, Д. Минаева и др. русскихъ писателей подъ общею редакціею П. Н. Полевого, съ біографіею и портретомъ поэта, гравир. на стали. 5 томовъ въ 8 д. л. Цѣна 7 р 50 к., въ коленкор. переплетахъ 10 р.

ОЗЕРОВЪ Полное собраніе сочиненій. 1 томъ въ 12 д. д Цѣна 1 рубль., въ коленкор. переплетѣ 1 р. 75 к.

ПИСЕМСКІЙ Полное собраніе сочиненій, съ подробною біографіею и съ портретами. 24 тома въ 8 д. л. Цѣна 18 рубл., въ коленкор. переплетахъ 24 рубл.

САЛОВЪ Собраніе повѣстей и разсказовъ. 3 тома въ 16 д. л. Цѣна 4 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 6 рубл.

СЕНЬКОВСКІЙ (Баронъ Брамбеусъ). Собраніе сочиненій. 9 томовъ въ 12 д. л. Цѣна 6 рублей, въ коленк. пер. 10 р. 50 к.

ЯЗЫКОВЪ Собраніе стихотвореній. Съ портретомъ автора. 2 т. въ 8 д. л. Цѣна 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

LR
L4314V
494865
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собраніе сочиненій... С.А.Венгерова.
v.7.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny... S.A.
Vengerova.]

DATE.
Nov 11 1902

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

• БИБЛІОТЕКА •
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
• КНИЖКА I • 1900 ГОДА •